

Анна Милтон

Лаура Тонян

ПЛОХИЕ

ПО ВАШИ

ПАРНИ
ДУШИ

ЧАСТЬ 2

Annotation

Здесь Смерть себе воздвигла трон,
Здесь город, призрачный, как сон,
Стоит в уединении странном,
Вдали на Западе туманном...

На Дайморт-Бич надвигается буря. Не подозревая о предстоящих масштабах катастрофы, Эйден Картер решительно намерен отворить врата «ада» и выпустить в мир невиданной силы зло. Ради спасения души его возлюбленной. Джейн Мортис представить не могла, что однажды ее жизнь так круто изменится! И дело даже не в автомобильной аварии, в которой девушка чуть не погибла, и не в потерянной памяти. Дело в вещах, о которых ей предстояло узнать. Немыслимые, сумасшедшие явления, после которых Джейн никогда не станет прежней. Затеянная игра с бывшей девушкой младшего брата закончилась для Росса Картера полным крахом. Месть обратилась в нечто, что заставило лед тронуться в черством сердце темноволосого красавца. Он готов сделать все, чтобы окончательно завоевать Джейн. Даже если ради этого придется стать врагом собственного брата. Тьма стремительно наступает.

И в час, когда, стена в волне,
Сойдет тот город к глубине,
Прияв его в свою тюрьму,
Восстанет Ад, качая тьму,
И весь поклонится ему.

****P.S.** В аннотации использованы фрагменты стихотворения Эдгара Алана По "Город на море"

-
- [Плохие парни по ваши души. Книга 2](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)

- [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
-

Плохие парни по ваши души. Книга 2
Лаура Тонян, Анна Милтон

ПРОЛОГ

Это Ад.

Здесь нет неба и нет земли.

На многие километры ввысь поднимается непроницаемый смог. Чернота бескрайняя и всепоглощающая. В этом жутком месте царит ледяная тьма и склизкий, неисповедимый ужас.

Здесь всюду слышны надломленные, осипшие голоса и неистовые крики. Сдавленные, измученные стоны среди бесконечной, выжженной равнины извивающихся в страшных муках душ. Закопанные под пеплом, истерзанные существа, когда-то бывшие людьми, молят о пощаде и свободе.

Они тоскуют по жизни.

Проливая ядовитые, кровавые слезы безысходности, души неутешно ждут своей участи.

Ведь *настоящая* смерть впереди.

Вдали смутно виден холм.

На холме восседает гигант. Сгусток тьмы исполинских размеров, имеющий человеческие очертания. Он огромен, как гора.

Я иду к холму, покорно следуя зову истинной смерти.

Я не боюсь.

Боль давно затерялась где-то далеко позади, ее выхватили когтистые руки смирения и принятия происходящего. Есть ли смысл что-то чувствовать, бояться и надеяться, если вокруг ничего, кроме страданий, нет?

Я пересекаю равнину плачущих душ, взывающих ко мне протяжными рыданиями. Мои босые ступни тонут в их слезах и крови. Я несусь к Трону Смерти, словно мотылек на свет.

Знаю, что бесследно сгорю, и все прекратится.

Я подбираюсь достаточно близко к исполину и вижу, что за его спиной колыхаются четыре крыла, а гигантские ступни упираются в подножие холма. У него нет лица, но есть рот — черная дыра, затягивающая в себя души. Великан неспешно, словно в многократно

замедленной съемке загребает бесконечно длинными руками отчаявшихся существ. Пожирая их, словно Сатурн своих детей, он издает при этом оглушительный, жужжащий рев, проносящийся по равнине раскатистым эхом.

У головы гиганта рисуется рог из багрового пламени. С каждой поглощенной порцией душ он увеличивается и, наконец, завершается. Великан замолкает, склоняясь над равниной, закрывая ее своей нескончаемой тьмой.

Он берет рог в одну руку и подносит ко рту.

Гигант начинает трубить, и когда прекращает, то все погружается в небывалую тишину.

ГЛАВА 1

АННА

Миднайт с манерным изумлением и нескрываемой брезгливостью смотрит на то, как я жадно поглощаю бургер. Кусок за куском, не делая остановок, отрываю зубами и глотаю, не жуя.

Я чертовски голодна.

Я смертельно зла на жеманного британца, который сидит напротив и наверняка проклиняет меня за то, что я ем, как дикарка. Мой пристальный взгляд неизменно покоится на парне с того момента, как мы зашли сюда. Точнее Миднайт приволок меня за собой, как делал это на протяжении последних десяти дней. Мы в крошечном, придорожном кафе в двух шагах от дешевого мотеля. Это отстойное место — наша очередная остановка.

Вот уже полторы недели я одержима одним единственным желанием. Даже с открытыми глазами, вот, к примеру, как сейчас, я безумно мечтаю вгрызться в шею надменному чистюле-блондину и услышать его предсмертные, визгливые вопли.

— Дорогая, ты можешь есть аккуратнее, — от отвращения морща нос, Миднайт достает из внутреннего кармана светло-голубого пиджака белоснежный носовой платок и бросает его мне через стол.

Я давлюсь от нечеловеческой наглости этого мерзавца и начинаю громко кашлять.

— Невообразимо, просто невообразимо, — испустив разочарованный вздох, Миднайт стыдливо прикрывает лицо ладонью и качает головой.

Вырядился, как павлин.

Официантка в милом, коротком переднике с ногами, как у топ-модели, доливает в наши кружки кофе. Миднайт в определенный момент просит ее притормозить добавлять ему дымящегося, горячего напитка и ласково улыбается цепочке.

Я бросаю на него вопросительный взгляд, выгнув одну бровь и

замерев с бургером в руках. Заметив мое выражение лица, Миднайт машет рукой официантке, говоря о том, что она свободна.

— Ого, тебе нравятся девушки? — с насмешкой в голосе отмечаю я, но звучит это, как вопрос.

Тихо-тихо. Всего лишь хочу подразнить этого мудака, похитившего меня. Да, я хотела уехать из Дайморт-Бич, но сама, а не вот таким образом. Могу же хоть немного развлечься, пока нахожусь под полным контролем проклятого придурка, словно сошедшего прямиком с подиума?!

В этот момент Миднайт отпивает кофе, но, услышав мою многозначительную фразу, парень заходится в кашле, конечно, не сумев не вызвать у меня искренний смех.

Черт, похоже, я не доем свой заказ. Это нужно видеть! Лицо Миднайта нужно видеть!

Ничего не сказав, он просто указывает пальцем на себя и сильно щурит глаза, сдвинув брови вместе. А потом... потом его прорывает.

— Погоди-ка! — громко заявляет британец. — Ты это сказала с каким-то намеком?! Ты что-то конкретное имела в виду, Анна? — я не отвечаю, поэтому он настаивает: — Эй, отвечай, когда я обращаюсь к тебе!

Я делаю вид, что разглядываю свои ногти, черный лак на которых почти сошел. Блин.

— Нет, что ты... — со скучающей интонацией произношу, но если бы знал он, как я себя контролирую, чтобы не сорваться!

Снова хватаю одной ладонью бургер и надкусываю его. Специально, пока его взгляд полностью сконцентрирован на мне, я салфеткой подтираю уголки запачкавшихся губ. А потом облизываю их, не скрывая легкую, едва заметную улыбку.

У Миднайта не хватает на меня терпения, и это очень заметно.

— Нет, ты на что-то все же намекала, — говорит он, теперь совершенно не сдерживаясь, чем привлекает внимание других посетителей. — Хочешь сказать, что думала, будто я гей?!

— У тебя что, проблемы со слухом? — я закатываю глаза. — Слушай, если ты и дальше все будешь принимать так близко к сердцу, то долго не проживешь... Постой. Нет. Я беру свои слова

обратно. Продолжай вести себя, как старая, впечатлительная бабушка и переживай из-за всяких пустяков, чтобы однажды оттенок твоего лица был под стать цвету этого пиджака. Я поскорее от тебя избавлюсь.

— В хамстве тебе не занимать, — оскорблено бросает Миднайт и поправляет на себе одежду. — Вместо благодарности ты поливаешь меня грязью и издеваешься. Думаешь, моему великодушию нет предела? Ошибаешься, милая.

— Прости, приятель, но напомни мне, почему я должна благодарить тебя? — я выдергиваю из деревянной салфетницы еще одну салфетку, вытираю ею руки и комкаю.

— Я спасаю тебе жизнь, — непоколебимо изрекает блондин.

— Пфф, — я иронично усмехаюсь. — Нет. Ты устроил мне тур по самым дерьмовым мотелям и забегаловкам Теннесси. Это во-первых. Во-вторых, когда хотят помочь, обычно не запихивают в багажник и не колют сыворотку, которая «усыпляет» магические силы.

— Но так безопаснее, Анна, — Миднайт хлопает ресницами. — Для меня.

Я откидываюсь на спинку стула и кладу руку на живот.

— Ты не сможешь удерживать меня вечно, — монотонно бормочу я, разглядывая потолок. — И как только действие сыворотки пройдет, я сотру тебя в порошок.

Миднайт опускает уголки губ вниз, складывая локти на столе. Он хватается за ручку своей кружки и вновь отпивает из нее кофе. У него такой вид, будто он не то чтобы не верит в мои способности, а просто даже не представляет возможным вообще мое освобождение.

Я не буду удивлена, если у такого подонка, как он, есть план В, С и D. Все мои внутренности завязываются в узел при мысли о том, что он будет еще долго иметь власть надо мной. Конечно, я не показываю ему этого. Не хочу, чтобы он знал о моем страхе. Он должен видеть меня уверенной в себе, знать, что я не дам себя в обиду, и ему не сделать из меня собственную, тряпичную куклу.

Вздыхнув, я вторю ему и тоже, оттолкнувшись от спинки удобного на удивление для такого места диванчика, складываю руки на столе с громким вздохом.

— Я тебе уже говорила, как мне не нравятся типы вроде тебя? — саркастично начинаю. — Такие слишком... ухоженные, слишком... блондины, — Миднайт может наблюдать, как я кривовато ему улыбаюсь.

Ох, мне нравится выводить его из себя!

—... Сказала блондинка, — бубнит он в кружку.

Я ничего не отвечаю ему и принимаюсь разглядывать вид за пыльным окном. Мой взгляд касается пустынной трассы, неба, затянутого низкими, предгрозовыми тучами. Они клубятся и будто бы раздуваются изнутри, кажется, что вот-вот взорвутся. Вдали за блекло-желтыми, скудными полями сквозь толстые, свинцовые облака прорываются лиловые сполохи, сопровождаемые едва доносящимися до этого кафе звуками грома. Из окна можно увидеть двухэтажный мотель в виде буквы "Е". Неухоженный и не внушающий доверия. Такие места и слово безопасность не сопоставимы друг с другом. Так же, как безопасность и Миднайт. Миднайт и доверие. Миднайт и честность.

Свалившийся на мою голову британец притянул следом за собой целую тьму проблем и вопросов, на которые я до сих пор не получила ответов.

Мне известно, что мы бежим от кучки демонов, которым нужна я, потому что только с моей помощью возможно отыскать Скрижаль, являющуюся ключом к открытию Тардеса.

Мама не рассказывала ни о чем подобном. Ни о Реликвии, напрямую связанной с нашим родом; ни о том, что существует загробная клетка, в которой запечатаны человеческие души и какое-то мега-вселенское зло.

Когда Миднайт соблаговолил поделиться со мной кусочком информации, я едва не тронулась умом. Потому что это звучит сумасшедше даже для меня — человека, который поедает безумства вместо завтрака каждое утро.

И скорее я разлюблю фаст-фуд, чем поверю в рыцарские намерения Миднайта защитить меня. У него определенно существуют собственные цели. Грязные, мерзкие делишки, которые он намерен провернуть при моем участии.

Я обязательно раскушу тебя, чертов засранец.

— Ты закончила с трапезой? — интересуется парень, приглаживая одной рукой растрепавшиеся, светлые пряди слегка выющихся волос. Удивительно, что они выглядят такими чистыми и даже поблескивают. Бьюсь об заклад, что если провести по ним рукой, они заскрипят.

Чего совсем не скажешь о моей шевелюре. Я не мыла голову два дня, и от волос уже исходит неприятный запах. Проклятье. Как этому чистоплюю удастся оставаться таким... опрятным и вкусно пахнущим?

Сложно признать, но парфюм Миднайта источает превосходный, восхитительный аромат морского бриза, такой необходимой и желанной свежести, невесомой сладости. Вслушиваясь в приятные нотки аромата духов лондонского дэнди, я невольно забываю о делах насущных.

Не то, что бы я специально принималась...

— Земля вызывает Анну.

Я часто моргаю, стряхивая с себя наваждение, и концентрирую рассеянное внимание на длинных и тонких пальцах Миднайта. Он щелкает ими перед моим лицом на бессовестно малом расстоянии. Я сжимаю руки в кулаки, чтобы сдержать порыв и не переломать их все.

— Да, — говорю я недовольно, припомнив последний вопрос парня, — можно уносить.

Отодвигаю от себя тарелку, на которой все еще лежит еда, а из кружки делаю несколько глотков уже остывшего кофе, пока официантка по велению Миднайта не приходит, чтобы забрать посуду и отдать счет.

Он расплывается, потом ожидает, когда я встану из-за стола, чтобы схватить меня за предплечье. Достаточно мягко, однако такой жест вызывает одну лишь неприязнь. Понятное дело, что он мне не доверяет, но что за дикие штучки?

Миднайт открывает дверь кафешки передо мной, и я спешу заметить:

— Это фетиш твой, что ли? Держать меня так, словно я — преступница, а ты, — пальцем тычу в его грудь, — полицейский.

Он вскидывает брови и свободной ладонью хватается за мой палец, глядя мне прямо в глаза.

— Перестань ерничать, Анна, — серьезно отзывается Миднайт. — Нет ничего такого в наших буднях, над чем я хотел бы посмеяться. Моя прекрасная жизнь, полная самых красивых пышногрудых женщин, временно помахала мне ручкой.

Британец быстро ведет меня вдоль лавок со сладостями, ни на секунду не сбавляя шаг.

Я смеюсь, выстраивая в голове целое представление.

— Извини, — прикрыв рукой рот, пытаюсь успокоиться, — мне не стоит вести себя так, ведь ты поделился своей проблемой...

Он сильно хмурится и озадаченно вопрошает:

— О чем ты вообще говоришь, ненормальная?!

Я хлопаю ресницами, как те тупые девчонки, что однозначно во вкусе Миднайта.

— О твоей импотенции, — сдерживая смех, пожимаю плечами, как ни в чем не бывало.

У него глаза лезут на лоб, но, придя в себя от моей дурацкой, по его мнению, шутки, он сильно встряхивает меня, заставляя идти еще быстрее. Мы делаем невозможно большие шаги, и если бы так продолжалось длительное время, сомневаюсь, что чувствовала бы свои ноги. В отличие от его длинных, лошадиных палок, мои миниатюрные ножки не приспособлены к такому виду ходьбы.

— Притормози, жеребец, — в своем духе говорю с ним я, пытаюсь приструнить мерзавца. — Мы что, на скачках, а я выступаю в роли твоей лошади?!

Миднайт ржет. Не смеется, а по-настоящему ржет. Краем глаза я вижу, как позже он разминает шею и говорит мне:

— Поверь, мне бы совсем не хотелось быть всадником такой необузданной... — он думает над характеризующим словом, избегая таких, как «лошадка» или «кобыла».

Да ладно? Боится меня обидеть?

Я с вызовом смотрю на него, повернув к нему лицо, но Миднайт затыкается, продолжая вести меня к мотелю в заданном темпе. Мы

практически подходим, и мое предплечье сильно ноет от захвата его широкой ладони.

— Слушай, Джон Буль* (прозвище типичного англичанина), — начинаю я, ставя перед собой четкую цель — вывести Миднайта из себя и хорошенько потрепать его нервы. — Почему бы тебе не...

Но блондин внезапно шипит, затыкая меня, и резко тормозит. Я останавливаюсь следом, потому что он по-прежнему держит меня. Я чувствую, как его рука напрягается, еще сильнее сжимая мое плечо, и собираюсь упрекнуть его в том, чтобы он стал немного ласковее. Но, заметив померкшее веселье на сосредоточенном лице, я прослеживаю за его стеклянным взглядом, который устремлен к лестнице, ведущей на второй этаж мотеля.

Одетые в черные кожаные куртки и темные джинсы, двое мужчин и одна женщина переглядываются друг с другом и часто смотрят вверх. В ту сторону, где находится наш номер. Похоже, что с ними есть кто-то еще. И как раз те, с кем они прибыли сюда, ищут нас внутри мотеля.

Демоны?

— Кажется, нас нашли, — подтверждает мою догадку Миднайт негромким бормотанием и вдруг притягивает меня к себе.

— Эй, — слабо протестую я и вздрагиваю, когда левой лопаткой прижимаюсь к твердому торсу парня. Дальнейшие возражения и угрозы становятся хриплым, учатившимся дыханием.

Что за чертовщина?

Я хочу сказать, чтобы наглец соблюдал дистанцию, но он выглядит крайне сконцентрированным на нежданных гостях, поэтому проглатываю слова. Они застревают в горле болезненным комком, который я с трудом заставляю спуститься в желудок и раствориться с дрожью по телу.

— Проклятье, — ругается Миднайт, и я вижу, как дергается мышца на его шее. — Нам нужно добраться до автомобиля.

— Так в чем проблема? — вопрошаю я, но чувство такое, словно кто-то говорит за меня.

Миднайт с легким раздражением возводит глаза к темно-серому небу и кладет ладони на мои щеки. Он немного поворачивает мою

голову влево и наклоняется так близко, что его гладкий, волевой подбородок едва не касается моего плеча. Он вытягивает одну руку, убирая ее с моего лица, и проводит ею импровизированную черту от своего автомобиля до трех демонов, которые караулят у лестницы. Между ними чуть больше тридцати футов.

— Мы не уйдем далеко без машины, — тихо говорит он, по-прежнему не отстраняясь.

Я чувствую себя неуютно в такой близости с блондином и переступаю с ноги на ногу, дергаю локтем, который ближе к нему, чтобы вернуть себе чуточку личного пространства. Но все без толку.

— В любом случае, — Миднайт продолжает вести монолог, — нам придется показаться им на глаза. Черт. Я сегодня не в духе, чтобы быть варваром и драться с демонами.

— Какая досада, что я не могу помочь, ведь ты держишь меня на «сыворотке», — иронично напоминаю я.

— Я справлюсь и без твоего участия, Анна, — кивает парень.

Надеюсь, что демоны надерут ему зад, и я смогу улизнуть от них всех.

— Так что будем делать? — монотонно интересуюсь я.

— Беги к машине, — наказывает Миднайт, — а я отвлеку гостей.

Моя бровь скептически взметывается вверх.

— Это и есть твой гениальный план?

— Все гениальное просто.

Что же. Если он триумфально облажается, мне это будет только на руку.

Я усмехаюсь так, чтобы Миднайт не видел этого, и скидываю со своего плеча его ладонь.

— Я пошла.

— Без ключей?

Я протягиваю раскрытую ладонь, и блондин со вздохом кладет в нее связку. Я морщусь от соприкосновения с холодным металлом и подбрасываю ключи.

— Теперь точно пошла.

Быстрым, расслабленным шагом направляюсь к пустой парковочной площадке, на ходу доставая из кармана джинсов резинку и заделывая волосы в небрежный пучок. Я сдуваю с лица светлую прядь, которую пропустила, и заправляю ее за ухо.

Моя цель — синий седан марки «Вольво», который Миднайт любезно у кого-то украл пару дней назад. За время, что я путешествую с ним, мы сменили четыре автомобиля. В целях безопасности, естественно. Я заметила странную закономерность в выборе потенциального транспорта. Миднайт угоняет машины не ниже класса "Е". Чертов гурман.

Ни разу не обернувшись на Миднайта, я подхожу достаточно близко, чтобы троица заметила меня. Я не смотрю на них, глядя строго перед собой. Изо всех сил стараюсь сохранять непринужденный вид. А-ля: «Я просто здесь гуляю и не знаю, кто вы такие, чтоб вас».

Мне остается сделать семь крупных шагов, и я достигну машины. Открою дверцу, сяду за руль и уеду. Без Миднайта.

Таков мой план.

Как только я юркаю внутрь автомобиля, изнутри сразу же блокирую двери под воздействием страха. В крови бурлит адреналин. Я тяну через себя ремень безопасности. Практически застегнув его, отвлекаюсь на голос Миднайта. Он слышен будто издалека, поэтому мне приходится приспустить окно, чтобы улавливать каждое слово. Этот придурок свистит. Трое, облаченные в длинные черные плащи, оборачиваются на него.

— Эй, кого-то ищете? — с завидно легкой интонацией, лишенной всякого испуга, произносит Миднайт.

Скорее всего, он ведет себя так на показ, но я все равно поражаюсь тому, как он может держаться в трудной ситуации, не боясь смотреть в глаза тем, кто может отнять жизнь в долю секунды.

Он довольно бесстрашный и отчаянный... в каком-то смысле.

Миднайт взбрасывает ладонь и пальцем манит к себе демонов. Нет, они не рычат, но будь эти трое животными, уже сделали бы это. Их лица перекашиваются, гримаса отвращения отпечатывается на них, когда сволочи скалятся, глядя на Миднайта, как на свой обед. Но мне его совсем не жаль. Он сам меня в это втянул, похитил, разрушил

все мои планы, а теперь я хочу так же поступить с ним.

— Идите-ка сюда, собачки, — дразнит их британец, а те, конечно же, движутся в его сторону, словно голодные волки. На месте Миднайта я бы сошла с ума от страха. Но он стоит, не двигаясь, словно сейчас щелкнет пальцами и исчезнет. А ему есть, чего бояться. Не понимаю, почему Миднайт так глуп...

В любом случае, пока он развлекается с «псами», я завожу мотор, вставив ключ в замок зажигания. Парень на мгновение поворачивает голову в мою сторону, встретившись взглядом со мной. В его голубых глазах царит хаос, удивление, возмущение и что-то еще мне не уловимое. Я немедленно меняю позу, смотря теперь только вперед.

Раз, два, три...

Машина трогается с места. Через минуту с парковки я выезжаю на дорогу, а через две — еду по ней в сторону границы города.

О, да! Я сделала это! Я кинула проклятого британца, обвела вокруг пальца смышленного козла, и отныне... отныне я свободна!

ГЛАВА 2

ДЖЕЙН

Росс Картер оккупировал мои сны.

Неизменно каждую ночь в течение недели я вижу яркие грезы с его участием. Не могу сказать, что это хорошо. Но и не плохо тоже.

Вне мира сновидений я не видела Росса с того дня, когда он обменял мою свободу на Анну Гарнер. Он спас меня, подвергнув опасности хрупкую девушку. Я не знаю, все ли с ней в порядке. Где она, с кем, и что с ней происходит.

В Дайморт-Бич необычайно тихо. Жители ведут себя непринужденно и расслабленно, словно никто не заметил пропажи человека. Это показалось бы мне дико странным и возмутительным, если бы я не знала всей правды.

О том, что Анна ведьма, что существуют демоны и ад. То, что раньше было страшилками на ночь, незаметно стало тем, из чего состоит наш мир. Это безумие — реальная жизнь.

Я все еще пытаюсь привыкнуть к тому, что моя жизнь стала совсем иной, сумасшедшей. Я стараюсь не думать о плохом и избегать тревожных мыслей, но без шуток, мой мозг работает двадцать четыре часа в сутки. Это не только дико выматывает, но еще и заставляет мое сердце отплясывать чечетку в груди.

Я не хочу, чтобы произошло что-то ужасное снова, не желаю подобного похищения, которое недавно пережила, однако сначала мне нужно расставить все точки над *i*. Для этого необходимо поговорить с Россом... или хотя бы Эйденом, но они оба ведут себя довольно странно. Росс говорит, что в его жизни кое-что произошло, и он обязательно, по его словам, со мной всем поделится. Позже. А Эйдена позавчера вечером я встретила на парковке супермаркета. Когда папа загружал в багажник наши покупки, мой взгляд зацепился за Картера младшего. Тот прошел, не заметив меня. Конечно, он был достаточно далеко, но даже не поднял глаз, словно был полностью сконцентрирован на своих мыслях. Как и я иногда... в последнее время. Я все пытаюсь вспомнить о своей жизни до аварии хоть что-

то. Мне ужасно интересно, знала ли та девушка — я в прошлом — о существовании невероятных вещей. Если да, то для меня все во второй раз стало удивительным.

Как только я выхожу из ванной комнаты, то слышу голос отца:

— Джейн, мы ждем тебя. Завтрак остынет!

Я захожу в спальню и прикрываю дверь. Из одежды выбираю красный топ и темно-синие джинсовые шорты. Быстро надев нижнее белье, я хватаюсь за топ.

В дверь стучат. Это..?

Со скоростью света напяливаю на себя остальную часть гардероба и спускаюсь вниз стремглав с все еще влажными волосами. Папа взбрасывает руками, он почти подошел к входу, но я опережаю его. Смущенно улыбнувшись отцу, кладу руку на круглую ручку двери и поворачиваю ее.

Мое дыхание сбивается. Росс стоит передо мной в черной кожаной куртке и темных, потертых джинсах. Он снимает с глаз солнцезащитные очки, как только я появляюсь в поле его зрения.

Улыбка растягивает его пухлые губы и, переступив порог, парень первым делом притягивает меня к себе для поцелуя.

Ошарашено моргая ресницами, я мычу ему в рот и слабо бью парня по плечам, как бы говоря, чтобы он, черт возьми, отстранился. Растерянность, изумление и глупая, заставляющая мои ноги подкоситься радость захлестывают волной, которой не видно края.

— Кхм, кхм, — боковым зрением вижу, как отец стоит буквально в паре шагов и демонстративно громко кашляет в кулак. Я жмурю глаза и, наконец, отталкиваю от себя наглого Картера.

— Приветик, Джейн, как дела? — непринужденно интересуется Росс, сверкая белоснежной улыбкой, которая не оставит равнодушным ни одного стоматолога на этой планете.

Я воспламеняюсь желанием хорошенько треснуть его по затылку и отчитать за то, что он не заявлял о себе все эти дни, безжалостно издеваясь над моими нервами. Он так же не имеет никакого права беззастенчиво целовать меня на глазах моего отца, который, кстати, до сих пор не в духе из-за инцидента на праздновании Дня Колумба.

Не снимая с бодрого лица улыбку, Росс подмигивает мне и

поворачивается к папе.

— Доброе утро, мистер Мортис, — он протягивает ему руку для пожатия.

Папа выглядит слегка изумленным. Он нерешительно отвечает на жест, подходя ближе маленькими шагами. Это кажется мне милым и вызывает смех, который я маскирую под негромкое покашливание.

— Доброе утро, — здороваясь с Россом, отец долго и внимательно его разглядывает.

На месте парня я бы чувствовала себя весьма неловко, однако Картер даже бровью не ведет, героически принимает недоверие отца к его персоне.

Мне нравится такое упрямство Росса.

— Что ж, — убрав руку, папа указывает ею в сторону столовой, где уже расположилась на стуле моя прекрасная мачеха.

Она широко улыбается и машет нам рукой.

— Позавтракаете с нами?

Росс отвечает папе с энтузиазмом и радостью, округлив глаза.

— О, с удовольствием, мистер Мортис! Спасибо за приглашение.

— Все ради Джейн, — папа ворчит, возвращаясь к столу.

Мы с Россом переглядываемся, следуя за ним. Оливия накрывает еще для одного человека, аккуратно ставит у тарелки нож с вилкой, столовую серебряную ложку. Пододвигает ближе высокий стакан, почти до краев наполненный мультифруктовым соком. Моим любимым.

— Спасибо большое, Оливия, — я благодарю ее и, вторя Россу, присаживаюсь за стол.

Положив бумажную, зеленую салфетку себе на колени, принимаюсь за еду. Картер то и дело поглядывает на меня, а потом я ощущаю его ногу, облаченную в грубую ткань джинсов, на своей лодыжке, затем на икре. Черт, он сошел с ума!

Тем временем, папа рассказывает о предстоящем Хэллоуине и о том, что ему хотелось бы избежать драк в этот раз. Я еле улавливаю суть разговора, но, по-моему, в прошлом году произошел неприятный

инцидент, связанный с четырьмя выпившими молодыми парнями.

—... Они были ужасно пьяны! — горячо повторяет отец, а Оливия практически заглядывает ему в рот, следя за каждым его жестом, слушая каждое его слово.

Я пытаюсь быть собранной, однако игривое настроение Росса совсем мне в этом не помогает.

— Пре-кра-ти, — по слогам произношу губами, вперив в брюнета смущенно недовольный взгляд. Ну, точнее, не совсем недовольный. Если быть до конца честной, то мне нравится ребяческое поведение Росса.

Он свалился, как снег на голову. Обычным, октябрьским утром. Спонтанно, застав врасплох меня и моего отца. Но больше все-таки меня.

— Не-а, — тем же образом, что и я, отвечает старший Картер.

Вот засранец.

Я хмыкаю и отворачиваюсь к столу. Росс повторяет за мной. Мне хочется узнать, что привело его в мой дом в столь ранний час, и поэтому я наспех закидываю в себя завтрак, почти не жуя, чтобы поскорее выбраться из-за стола, прихватив за собой Росса. Он, кстати, совсем не торопится.

— Невероятно, Оливия! — восклицает он, вскидывая руками. — Простите, могу я так обращаться к вам? — получив в ответ утвердительный кивок моей мачехи, Росс продолжает. — Кесадила приготовлена просто божественно!

Залившись краской, Оливия подпирает ладонью подбородок и очарованно смотрит на него. Я закатываю глаза и замечаю такое же скептическое выражение на лице у папы. Между его густых, темных бровей образуется глубокая складка. О чем-то задумавшись, он отпивает из стакана фильтрованную, не газированную воду (он пьет либо ее, либо кофе) и берет со стола рядом с собой планшет. Водит пальцем по экрану, хмурится и вздыхает. Росс продолжает захваливать Оливию, и та всю хохочет с ним — ей легко запудрить мозги, а Росс в этом непревзойденный мастер.

— Ну, все, — подвожу итог завтрака, который проходит нескладно и с толикой бреда. — Я рада, что тебе все понравилось, — обращаюсь к своему «то-ли-парню-то-ли-кто-он-для-меня-такой» и

посылаю ему приторно сладкую улыбку. Если Росс не слепой, то заметит, что за этим скрывается стремительно растущее раздражение. — Ты ведь хотел о чем-то поговорить со мной, так? Почему бы нам не подняться в мою спальню, ммм?

После моих последних слов отец кашляет в кулак, подавившись едой. Оливия вскакивает с места, чтобы помочь ему: постучать по спине ладонью, поднести стакан холодной воды. Справившись с комком, папа вскидывает на меня недовольный взгляд, он и Россу его демонстрирует.

— Джейн, милая, — звучит его непоколебимый голос, но глаза прикованы к Картеру, — думаю, в гостиной достаточно места для всех, и переговоры с гостями обычно ведутся именно в этой комнате.

Я закатываю глаза, потом вскидываю одну бровь и складываю руки под грудь. В мою защиту вступает Оливия.

— Дорогой, но тебе ведь неизвестно, о чем именно пойдет разговор. Вдруг, это что-то личное? — мило улыбается она ему и треплет нежно по щеке.

Ведьма. Истинная ведьма. Мой отец, не склонный к перемене мнения, добреет, закрывает глаза и несколько раз кивает, соглашаясь с новой женой.

Магия, ничего другого!

Я поджимаю губы, когда Росс выходит из-за стола.

— Ладно, — простодушно пожимаю плечами, повторяя за Картером старшим, — мы пойдем. Спасибо за завтрак, Оливия...

Росс подхватывает:

—...Да, Лив, все очень вкусно!

Я перевожу на него в какой-то мере удивленный взгляд.

Лив?

Также я шепчу это ему, задав вопросительные нотки, когда мы поднимаемся по лестнице вверх. Внезапно я ощущаю ладонь Росса на своей заднице и автоматически отбрасываю ее, за что получаю от него смешок и настойчивое повторение данного жеста.

— Что мы будем делать в твоей комнате, Джейн? — ласковым голосом вопрошает он, протягивая руки к моей талии. Он сжимает

пальцами бока и тормозит меня, потому что я лечу, как комета, вверх по лестнице.

Я не смотрю на него, стиснув челюсти. Окунуться в воды Арктики было бы сейчас, как раз, кстати, потому что температура моего тела адски высока.

— Разговаривать, Росс. Я и ты будем разговаривать.

— Как скучно, милая. У меня есть вариант интереснее.

— О, не сомневаюсь.

— Что? — усмехается он, когда мы оказываемся на втором этаже. — Я серьезно! Мой мозг бесперебойно генерирует самые лучшие идеи.

Ну-ну.

— Даже не надейся, — я шагаю к своей спальне, делая широкие махи руками. — Тебе не удастся увильнуть от объяснений, почему ты пропал и ни разу не позвонил, не написал мне.

— А ты ждала?

Я подскакиваю от испуга, когда шепот Росса звучит в паре миллиметров от моего уха. Его ладони, словно змеи, скользят по моему телу вверх, от бедер к груди. Пальцы шаловливо забираются под топ, едва касаясь кромки бюстгальтера, и нежно рисуют круги на коже в области ребер.

— Эй, эй, эй! Ты что творишь?! — шиплю я, неистово лова открытым ртом воздух, который становится раскаленным и колючим. Каждый вдох ассоциируется у меня с глотанием шпаг, хотя я не делала ничего подобного.

Я накрываю руки Росса своими в попытках убрать их с себя. К моему удивлению, он быстро поддается и делает шаг назад. Его губы кривятся в лукавой полуулыбке, неотразимо покоряющей и темной, а в кристально-голубых глазах пляшут недобрые огоньки.

Я уже жалею, что добровольно способствовала созданию ситуации, в которой мы с Россом будем наедине. Да еще и в моей спальне. Это буквально самая худшая идея в моей жизни.

Я, сексуальный красавчик и мягкая, просторная кровать, которая не издает скрипов.

Почему я не испытываю страха перед Россом?

Почему не несусь прочь без оглядки подальше от него? Зная, кто он такой. Имея представление о том, на что он способен. Я совершенно не боюсь этого парня. Более того, я по-прежнему уверена, что люблю его. И ни под каким предлогом не стала бы забирать свое признание ему в своих чувствах назад.

Росс наклоняет голову вбок, с любопытством наблюдая за моим нелегким мыслительным процессом. Уголки сочных, алых губ подрагивают в долгой улыбке. Он смотрит на меня внимательно, не моргая, словно хочет понять, что творится в моей голове.

Лучше бы ему не знать.

Я слышу гул. Поначалу слабый и стонущий. Но этот звук с молниеносной скоростью становится громче. Густым и тревожным. На миг мне кажется, что я стою на рельсах, а на меня стремительно несется поезд. Я обездвижена ледяным оцепенением, которое проникает в каждый атом моего тела.

Я бросаю на Росса паникующий взгляд. Он отвечает мне недоумением. Его губы раскрываются, произнося какие-то слова, но я не слышу их. Прикладываю руки к ушам и вскоре чувствую пронзительную, резкую боль. Она взрывается в моей голове и проходит сквозь все тело. Это занимает не больше доли секунды, но данное мгновение я ощущаю, как целый год безумной муки.

Я сгибаюсь пополам, чувствую, как в отчаянных попытках услышать собственный голос в нескончаемом хаосе напрягаю голосовые связки. Из моих глаз брызжут слезы, и я чертовски напугана происходящим.

Я ловлю себя на мысли, что страшный, будто призывающий звук, от которого, кажется, дрожит пол под ногами, может убить меня.

Звук, словно кто-то трубит в рог.

ЭЙДЕН

Из окна я вижу, как у подъездной дорожки останавливается «Тойота Тунда» коричнево-золотистого цвета. Мой отец, одетый в

простые джинсы и серый свитер, выходит из пикапа, захлопнув дверь. Его взгляд блуждает по фасаду дома и, наконец, тормозит при виде меня, придерживающего край шторы, чтобы наблюдать за ним. Но когда я понимаю, что замечен им, то сразу убираю руку от штор и иду к двери. Сначала мои шаги довольно медленные, затем становятся уверенными.

Мне, конечно, плевать на все, что скажет Росс, но полагаю, ему не понравится новость о том, что наш папа теперь будет жить с нами. Брат, мне кажется, еще не до конца осознал, что он и вправду жив. Он очень болезненно воспринял данное заявление, и в этом случае встреча отца с сыном явно не была списана с книжных страниц. Это походило на кинодраму. Я даже не хочу вспоминать, сколько мебели буквально покрошил на кусочки Росс, сколько техники переломал, и что мне пришлось восстанавливать за собственный счет, обратившись к отложенным деньгам, которые я сам перед собой обязался не трогать.

Росс, как и я раньше, забрал немного своих вещей и ушел из дома. Мой приятель сказал, что видел его машину у мотеля на выезде из Дайморт-Бич. Не знаю, какое время еще брат будет обижен на меня и отца, но когда-то он все равно вернется домой. Ему придется смириться с тем, что наш папа не героически погиб вместе с мамой. Но зато у нас есть родитель. Родной человек среди стольких чужих вокруг.

Конечно, я не прекращу ставить во внимание то, что мы находимся по разные стороны. Он и его друзья-демоны усердно преследуют Миднайта и Анну. А я делаю все, чтобы они не встретились друг с другом. Ведь если Анна достанется моему отцу — мне ни за что не вернуть душу Джейн из Тардеса.

Не знаю, что не так с моей совестью. Пусть и я совершаю нечто похожее на моральное преступление, использую собственного отца, я все равно считаю, что поступаю правильно.

Ведь в случае, если все выйдет, то Джейн снова будет моей.

— Хей! — приветствует меня мужчина, волосы у которого на голове почти полностью седые, и щетина на скулах и подбородке, кстати, тоже.

Папа открывает багажник, принимаясь доставать оттуда коробку за коробкой. Я спешу к нему, чтобы помочь.

— Хорошо, что ты принял мое предложение, — говорю я, глядя в его глаза, идентичные глазам Росса. — Мне не хватало тебя.

Папа ставит коробку на асфальт между нами, а потом обходит ее, чтобы крепко сжать меня в объятиях. Хлопает дружески по спине рукой и признается, что тоже скучал.

— А Росс... — отстраняясь, он с волнительным ожиданием смотрит мне за плечо, на дом.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Он не отвечает на мои звонки. Я оставил ему сообщение.

Выдохнув с огорчением, папа поджигает губы и кивает.

— Ему потребуется время.

Много времени.

Брат наверняка рад, что у него нашелся повод в очередной раз сделать из себя великого страдальца, которого все предали.

Мы заносим вещи отца внутрь.

— Можешь занять самую дальнюю комнату слева. Она гостевая, — говорю я. — В ней есть все необходимое, так что...

Папа перебивает меня теплой улыбкой.

— Спасибо, сынок. Я очень благодарен тебе за все, что ты делаешь.

— Ерунда, пап.

Он проходит в гостиную, осматриваясь.

— У вас с Россом очень хороший дом.

Я усмехаюсь, потирая шею, и следую за ним. Мы подходим к окну. Я скрещиваю руки на груди, а отец убирает их в карманы джинсов. Какое-то время ни я, ни он ничего не говорим, просто наблюдаю за плавно текущей жизнью вне этих стен.

— Что ты планируешь делать дальше? — негромко задаю вопрос.

— Надеяться, что Ингрид, Льюис, Дерек и Майкл в скором времени поймают ведьму.

О, значит, так зовут его приятелей.

— Ее поиски не должны занять много времени. Тем более, насколько мне известно, ведьма лишена своих сил. Она находится под полным контролем того паренька.

— Миднайта, — подсказываю я.

— Его имя не имеет значения, — равнодушно отзывается отец. — Важно то, что текущее положение их дел значительно упрощает нам задачу.

— О чем ты?

— Миднайт не так силен, как Анна Гарнер. Запас его магических способностей почти иссяк. Он ежедневно тратит огромные усилия на бегство. Мы загоним их в угол. Может, не сегодня. Может, не завтра. Но день, когда им не останется ничего, кроме как сдаться, настанет. Я знаю, чувствую это. Чем яростнее страх быть схваченным, тем глупее совершаются поступки, чтобы избежать этого.

— Кажется, я все еще не очень хорошо тебя понимаю, — бормочу я.

— Я обо всем позабочусь, Эйден, — вместо объяснений заверяет папа. — Тардес останется запечатанным, и никто не пострадает.

Я с огромным трудом сдерживаю негодование, бурлящее во мне. Оно норовит вырваться в виде эмоционального признания, что в этой чертовой загробной клетке находится душа девушки, которую я безумно люблю.

— Что, если к Анне вернутся ее силы? — спрашиваю я.

Папа задумчиво смотрит на удивительное ясное, голубое небо.

— Об этом я тоже позаботился.

Мои глаза становятся узкими, как щелки.

— Скоро она должна быть здесь, — папа однобоко улыбается, опуская взгляд на меня.

А что, если он ошибается? С чего он так уверен, что план, который выработал, не провалится? Я могу только, черт возьми, надеяться, что у отца не получится сделать так, как он того хочет. Он и его друзья-соратники. Я должен ему помешать. Нужно успокоиться, чтобы мыслить рационально, и спокойно придумать, как помочь Миднайту.

— А вдруг... ты ошибаешься? — робко интересуюсь я, стараясь не выдать того, что наши с ним мотивы различаются.

Отец переводит взгляд от улицы ко мне. Меня немного пугает то, что он внимательно смотрит в мое лицо, сконцентрировавшись. На его губах появляется слабая, едва уловимая улыбка, когда он хмыкает и отводит глаза.

— Нет, — почти грубо бросает тот, словно даже мысль об ошибке ему противна. — Это невозможно, Эйден. Ты можешь не переживать, — последнее слово папа слегка растягивает, вновь повернувшись ко мне.

Выгибает правую бровь, чем заставляет меня нервничать. Этот его взгляд... Мне бы не хотелось, чтобы папа догадался о моих истинных намерениях.

Стоит, наверное, перевести тему разговора в другое русло. Опустив одну руку, я провожу ею в воздухе, обведя кухню и гостиную.

— Ладно, — вздохнув, оптимистично начинаю, — надеюсь, что все сложится, пап. Ну, а пока... ты можешь воспользоваться ванной, навести порядок в своей комнате. Там шкаф на всю стену, много свободного места. Тебе понравится, — говорю, указывая себе за спину большим пальцем.

Отец кивает, выходя вперед. Почему мне кажется, что он тоже притворяется? Особенно сейчас. Он вздыхает, повторив за мной и, поблагодарив легким ударом в плечо, удаляется в направлении своей спальни. Открыв пошире дверь, принимается заносить коробки внутрь нее.

Я достаю из кармана брюк телефон, двигаясь в сторону выхода, но не успеваю открыть дверь, как в нее стучат.

— Это Росс? — кричит отец из своей комнаты.

Я качаю головой, берясь за ручку двери.

— Он бы не стал стучать.

Отворив, я ощущаю себя в некотором смысле растерянным. Словно меня застали врасплох. Вообще-то, именно так и есть.

— Привет, — машет мне ладонью девушка на пороге.

Высокая мулатка с ярко-зелеными глазами, пухлыми губами и курносый носом.

Девушка из прошлого.

Девушка, без которой я бы ни за что не справился с самым большим горем в своей жизни.

Здесь и сейчас, когда все вокруг танцует в хаотичном ритме, когда зловещая тьма навевает вкрадчивым шепотом дурные мысли, она стоит напротив меня — повзрослевшая и дико прекрасная.

Я готов ущипнуть себя, чтобы проснуться. Это чертовски похоже на сон. Такой странный и немного грустный, заставляющий погрузиться в болезненные воспоминания прошлых лет.

— Добрый вечер, — произносит отец, ровняясь со мной и глядя на девушку с широкой улыбкой. Он протягивает ей руку для пожатия. — Извини моего сына, он, видимо, слегка ошарашен. Я — Райан, отец Эйдена.

Я невероятно шокирован и сбит с толку.

Девушка кивает моему папе, тоже улыбается и отвечает на жест.

— Очень приятно. Меня зовут Иветт, я подруга Эйдена.

Теперь отец наблюдает за мной с нескрываемым интересом.

— О-о... — выдает он задумчиво и отходит, чтобы пропустить в дом гостью.

Иветт грациозно входит в гостиную, снимает свой черный плащ и бросает его на диван, как и сумочку.

Почему она здесь?

В этот день, в этот час и в эту минуту ведет себя так, будто с момента нашей последней встречи прошло не два года, а два дня.

Иветт бесследно исчезла из моей собирающейся по кусочкам жизни, перед этим ни сказав и слова о своем решении. Как бы я ни старался узнать, где она, и что с ней, я приходил к тупику. Череда поражений заставила меня опустить руки. Я сдался и прекратил попытки выйти на связь с Иветт, успокаивая себя, что она в порядке.

— Как забавно, что вы здесь, Райан. Живой и невредимый, — с иронией начинает мулатка, разглядывая отца. — Знаете, я никогда не

забуду, сколько боли испытал Эйден после того, как остался один со старшим братом.

Ив стирает с лица папы улыбку и самодовольно, с толикой раскованности направляется к нашему мини-холодильнику в конце кухни. Она достает из него три бутылки пива, и пока я нахожусь в некой прострации, девушка кладет на островок напитки, бросив нам:

— Давайте выпьем за чудо воскрешения?

ГЛАВА 3

РОСС

Джейн, которая буквально минуту назад хлопала ресницами и держалась, чтобы не отвечать на мой настойчивый флирт, теперь упала на колени, а я вместе с ней. Я не могу ничего поделать с тем, что ее руки прочно прижаты к ушам, а она начинает кричать.

— Джейн? — сведя брови вместе, я в растерянности смотрю, как красивейшие черты лица искажаются. — Джейн! — во мне нарастает паника, с которой не справится.

Не справиться одному.

— Ааааа! — ее крик становится громче, и мои руки хватаются за ее запястья, мысли в голове беспокойно мечутся.

Впервые в жизни не знаю, что делать. Как быть!

— Джейн! — страшась того, что с ней может случиться что-то ужасное, я пытаюсь прервать ее стенания.

Ее боль... Или что это? Больно ли ей?! На что это похоже? В ее голове что-то гудит?

Взрывается?

Черт, черт!

— Джейн, пожалуйста! — реву я, но глаза девушки закрыты, и она совершенно не реагирует на меня.

Все заканчивается за долю секунды. Она просто падает на пол, раскинув руки в стороны. Ее колени согнуты, дыхание замедляется. Мое же, напротив, становится частым. Я сгибаюсь над ней, приложив ладони к щекам, несильно бью по ним, зову по имени, но Джейн не проявляет никаких признаков сознательности.

Главное, что дышит. Главное, что она дышит...

Поднявшись, я беру девушку на руки и открываю с ноги дверь в ее комнату. Поднеся к кровати, кладу хрупкое тело на покрывало.

— Пожалуйста, — шепчу рядом с ее лицом. — Пожалуйста,

очнись и скажи мне, что с тобой все в порядке...

Следующее, что мне приходит в голову, это позвать ее отца. Я не уверен, что он сможет помочь, но мистер Мортис должен быть в курсе. Пора бы вызвать врача. Я сразу несусь к двери, лечу вниз по лестнице. Внизу меня уже ждут спорящие Оливия и ее муж. Насколько мне удастся уловить, речь идет о том, что стоит ли им подниматься.

—... Ты не можешь сказать точно, что она кричала, — говорит спокойно Оливия, в то время как мистер Мортис не находит себе места, — возможно, они просто ссорятся.

— Оливия... — он пытается прервать жену.

— У тебя взрослая дочь и...

Но в их разговор вмешиваюсь я, говоря как можно сдержаннее:

— Джейн стало нехорошо.

Они даже не удосуживаются дослушать меня, просто взбегают оба наверх, в спальню девушки.

— Что случилось? — орет ее отец, активно жестикулируя и присаживаясь в ногах у дочери.

Он достает мобильный телефон из кармана пиджака, который уже надел. Тот дрожит в его руках, когда мистер Мортис набирает номер скорой помощи. Они что-то болтают, пока отец Джейн не связывается с диспетчером. Я думаю только о том, что девушке, которая стала мне дорога, угрожает не земная опасность, и, боюсь, доктора не выявят проблему. Похоже, причина в другом.

Моя голова резко поворачивается на звук голоса Джейн.

— Не надо, — открыв глаза, она кладет ладонь на бедро отца, останавливая его от вызова врачей. — Мне уже лучше.

Мистер Мортис непоколебим.

— Господи! — с облегчением вздыхает мужчина, коснувшись щеки дочери. — Я даже слушать ничего не хочу, Джейн! Я ужасно, просто ужасно испугался за тебя.

Оливия прислоняет руки ко рту, пряча нервную улыбку, а мужчина целует Джейн в лоб. Она легко и непринужденно забирает из его рук телефон, отключаясь прежде, чем он успевает назвать

адрес.

Поднявшись с подушек, как ни в чем не бывало, Джейн уверяет отца:

— Все нормально, пап. Я, наверное, просто переутомилась.

Он в неверии качает головой. На его месте я поступил бы так же.

— Но я слышал крики, — мужчина недоуменно и озадаченно поворачивается к жене. — Оливия тоже слышала. Правда, любимая?

«Любимая» быстро-быстро качает головой, не сводя глаз с Джейн. Но та умело выкручивается, бросив на меня взгляд, полный теплоты.

— Мы с Россом дурачились, пап. Потом я просто потеряла сознание.

— Просто так сознание не теряют, детка.

Она тянется, чтобы поцеловать отца в лоб.

— Если бы что-то было серьезное, я бы тебе сказала, папуля.

Он наставляет на нее палец.

— Обещай, что завтра посетишь врача!

Его голос звучит достаточно грозно, но моя девочка продолжает ему улыбаться.

— Обещаю. А сейчас, — взгляд ее шоколадных глаз снова поднимается ко мне, и она встает с постели, — Росс сопроводит меня на небольшой прогулке. Хочу подышать свежим воздухом.

Мистер Мортис самым наглым образом отвечает за меня.

— Конечно, сопроводит!

Оливия тот час же дергает его за край пиджака, на что он посылает ей недоумевающий взгляд.

Мужчина минуту мнетя на месте, не решаясь покинуть комнату, но мачехе Джейн удается утянуть его за собой из спальни. Я прикрываю за ними дверь, прислоняясь к ней спиной, и тревожно смотрю на Джейн. Она робко пожимает плечами и сползает с кровати. Я наблюдаю за тем, как девушка останавливается у шкафа с одеждой, открывает его и, накручивая локон темных волос на указательный палец, выбирает, что ей надеть.

— Ты дьявольски напугала меня, — наконец, выговариваю я, отталкиваясь от двери, и иду к Джейн. — Что это было? Что ты услышала в коридоре?

— Не знаю, — растерянно отвечает она. — Я...

Она не договаривает, замолкнув на полуслове, и упирает отсутствующий взгляд в пустоту. Я машу ладонью перед побледневшим лицом и зову Джейн по имени, но она не отзывается.

— Джейн, — громче повторяю и опускаю ладони на тонкие плечи. Наконец, следует реакция.

Джейн вздрагивает и поднимает подбородок, чтобы взглянуть на меня.

— Ты снова что-то услышала?

— Нет, ничего, — она быстро проводит руками по лицу, словно желая избавиться от оцепенения.

Джейн берет с полок шкафа пару вещей, джинсы и толстовку, закрывает дверцу.

— Отвернись, я переоденусь, — просит она. — Но лучше выйди.

Я недоверчиво смотрю на Джейн, сверля в ней дыру изумленным взглядом.

Она что, серьезно?

— В этом нет необходимости, — стараюсь говорить ровно, скрывая смех. — Если ты не забыла, то мы почти...

— Я все помню, — рявкает Джейн, отворачиваясь. — Тот день навсегда останется в моей памяти. Конечно, если я снова не попаду в очередную аварию.

Для полноты картины она откидывает волосы на спину взмахом руки, и я думаю про себя, что это одна из самых милых вещей, которые Джейн когда-либо делала при мне.

Но я решаю не злить ее и послушно покидаю спальню в приторно-персиковых тонах. Только сейчас осознаю, что это ужасно мозолит глаза.

Хорошо, что мистер Мортис уже уехал на работу, иначе мне пришлось бы встретиться с ним еще раз. Но когда мы выходим из

дома, то я замечаю, что его машина больше не стоит у дома, что подтверждает мои догадки о его путешествии по дорогам Дайморт-Бич.

— Все это совершенно не вписывается в мой привычный мир, — неожиданно произносит Джейн, убирая волосы с лица, стоит нам только спуститься с крыльца.

Ветер играет с ее прической, растрепав пряди, но девушка безуспешно пытается привести их в норму. Как по мне, так ей не нужно этого делать, потому что я обожаю, когда волосы Джейн в беспорядке.

Мне пока что нечего ответить ей. Мы просто шагаем по улице, и я хочу понять, что именно она имеет в виду. Хочу зацепиться за мысль.

— Я прямо чувствую, как он шатается, — снова говорит Джейн. — Мой мир шатается. А я падаю. И этот ужасный звук...

— Что это был за звук? — беспокойно интересуюсь я.

В ответ брюнетка пожимает плечами, глядя перед собой.

— Я не могу объяснить. Как будто кто-то трубил в рог. Понимаешь?

— Не очень, — честно отвечаю я, задумываясь над ее сравнением.

— Ладно. Забудь. Это не имеет смысла, — она прячет руки в карман-кенгуру серой толстовки и опускает голову, почти прижимаясь подбородком к груди.

— Ты уверена, что в порядке?

— Да. В полном.

— Этот звук... ты впервые услышала его? Или такое случалось раньше?

— Нет, — Джейн шмыгает носом. — Впервые.

— Черт, — тихо шиплю я, запуская пальцы в свои волосы.

Хреново, если это что-то серьезное. Может быть, к ней возвращаются воспоминания? Но это исключено, ведь ее душа заперта в Тардесе.

Если только похитивший Анну Миднайт не использовал ведьмочку, как и планировал, и все души, попавшие туда, теперь на свободе. В том числе и душа Джейн.

Если это действительно так, то Джейн начинает потихоньку вспоминать. В худшем случае. В лучшем — я ошибаюсь.

— Ты не думаешь о том, что это могут быть твои воспоминания? — осторожно предполагаю я, надеясь, что Джейн, определенно что-то не договаривающая, откроется мне полностью.

— Не знаю, нет, — она пожимает плечами, ее голос слегка и неуверенно дрожит.

Я нерешительно замедляю шаг, и Джейн подстраивается под меня, но посылает вопросительный взгляд.

— Ты выглядишь обеспокоенным, Росс. У тебя что-то случилось? — догадывается она.

Да.

Помимо того, что меня рвет на части от мысли о том, что Джейн, сама того не подозревая, начинает постепенно вспоминать о жизни до аварии, как безрассудно она любила Эйдена, и ее чувства были взаимны, есть еще кое-что. Очень дикое и вышибающее из-под ног почву.

Я собираю всю волю в кулак, чтобы признаться в том, что перевернуло мою жизнь несколько дней назад и заставило взглянуть на многие вещи под другим углом.

Я с бессилием смотрю на Джейн и все еще не до конца уверен, стоит ли ей знать о том, что мой восставший из мертвецов отец был одним из соучастников ее похищения. Я связан с тем, кто знал о страданиях Джейн. Он организовал весь тот ужас, через который пришлось пройти этой хрупкой, беззащитной девушке, не имеющей никакого отношения к нашему темному миру.

Нет. Проклятье. Это слишком.

Я не могу сказать.

Намереваясь встретиться с ней, я хотел выговориться, быть честным во всем с девушкой, которая нравится мне. Не задумываясь о том, какие последствия это повлечет, что будет испытывать Джейн, узнав правду.

Я безрадостно улыбаюсь ей и сокращаю между нами расстояние. Джейн делает глубокий вдох, ее ореховые глаза расширяются, и пульсирующие зрачки становятся большими. Я отражаюсь в густой, чарующей черноте и наклоняюсь к лицу девушки. Соприкасаюсь своим лбом с ее и ныряю ладонями в сплошной карман толстовки, сплетая наши пальцы.

— Я беспокоюсь о тебе, вот и все.

Не совсем правда, не совсем ложь, но Джейн верит мне и улыбается.

— Пока ты со мной, все хорошо.

ДЖЕЙН

Голос Синтии лишен энтузиазма, когда мы разговариваем по телефону. Я снова осматриваю свой гардероб, отвлекаясь от навязчивых, потусторонних мыслей. А звонок подруги и вовсе улучшил ситуацию. Пообщаться с тем, кто не в курсе, насколько сумасшедшей стала моя жизнь, это хорошее решение.

Неверная формулировка.

Это отличное решение.

Сначала Синтия много спрашивала про Эйдена, но я постаралась избегать ответов, поэтому мои всяческие отговорки наконец-то на нее подействовали. Я просто не хочу, чтобы ей стало известно о том, что я порвала с Эйденем. Мне бы вообще не хотелось, чтобы это обсуждали даже там, где я не появляюсь ближайший год.

А про Росса никто и не спросит. Похоже, в этом городе для всех станет огромным удивлением, если узнают о нас с Картером старшим, как о паре.

Хотя я еще совершенно точно сама нас так назвать не могу. Я пока не решаюсь. Но слова Росса были мною интерпретированы именно так.

— Мы могли бы отлично провести время сегодня? — предлагает Синтия, когда я прижимаю мобильный между ухом и плечом, держа в руках джинсовую рубашку.

На минуту замираю, осознавая, что все то, что говорила мне подруга раньше, я прослушала из-за своих собственных раздумий, атаковавших мозг.

Я хмыкаю и кривлю губы, задумавшись.

— Думаю-ю, — протягиваю я, раззадоривая ее, — что это восхитительная идея!

Синтия смеется в трубку. Мне слышно, как на заднем плане болтают студенты и хлопаются дверцы шкафчиков. Не знаю, любила ли прежняя Джейн по-настоящему учиться, но я действительно очень хочу оказаться в колледже, хочу ходить на занятия, пропускать их, когда мне вздумается, а после — получать низкие баллы, чтобы после ночами корпеть над учебниками, надеясь исправить среднюю оценку.

Это — жизнь студента!

Ее отняли у меня.

— Я заеду за тобой в три. Удобно для тебя? — говорю, внезапно ощутив прилив сил.

Голос Синтии приобретает задорные нотки, и я радуюсь вместе с ней, потому что смогла поднять ей настроение.

Подруга отвечает весело:

— Прекрасно, красотка Джейн. Не опаздывай!

Она отключается, но я все еще могу слышать ее звонкий смех, который без преувеличений становится саундтреком этого дня.

Меня не отпускает волнение, когда я въезжаю на территорию колледжа и занимаю одно из немногих, пустых мест парковки. Я смотрю на часы и надуваю щеки, ругая себя за нетерпеливость. Не стоило так торопиться. Последняя пара Синтии закончится через полчаса, которые мне придется торчать в душном салоне автомобиля, маясь от безделья.

Я включаю радио и радуюсь звучащей песне.

Трой Сиван поет о безудержной юности. Я прислоняюсь затылком к подголовнику, ерзаю в попытках принять удобную позу. Но к моменту, когда мне удастся расслабиться, и я чувствую готовность погрузиться в песню, звучат последние аккорды.

Я выползаю из машины уже через пять минут и дышу полной

грудью, жадно втягивая в себя прохладный воздух. Расстегиваю бардовое пальто и две верхние пуговицы джинсовой рубашки.

Очень жарко.

Мое внимание привлекает высокая, стройная девушка с темно-золотистым цветом кожи. Первое, на что я автоматически обращаю внимание — ее дизайнерская одежда. Черная куртка от «**Burberry**», под ней обтягивающий пышную грудь, белый кроп-топ, юбка в тон с высокой талией и кожаные ботильоны от «**Tommy Hilfiger**» из последней коллекции. Она словно модель, сошедшая со страниц «**Vogue**». У этой девушки длинные, вьющиеся волосы глубокого коричневого оттенка с пробором на бок и тонкие черты лица.

Вау. Она очень красивая.

Девушка легкой, пружинистой походкой выплывает из здания главного корпуса колледжа и, спустившись по лестнице через ступеньку, она оглядывается, ожидая кого-то.

Этим кем-то оказывается Эйден.

Они оба так непринужденно беседуют. Эйден все время смеется. Даже отсюда я могу видеть, как его глаза... сверкают. Он радостен и расслаблен, чего с Эйденем не было никогда. По крайней мере, в новой жизни после аварии я его таким не помню. Я его таким никогда не видела. Мулатка ведет рукою в воздухе, что-то увлеченно рассказывая ему, а Эйден с таким же интересом и азартом слушает ее. Только сейчас мне удастся заметить, что у них в руках пластиковые стаканчики с кофе, которые, по всей вероятности, они приобрели в студенческом кафе.

Я не знаю, что за разговор ведут эти двое, но на мгновение мне становится завидно. Я завидую их свободе и естественности. Их искренности.

И что-то внутри меня протестует, глядя на Эйдена и другую девушку. Девушку, которую я даже не знаю. Это похоже на чертову компьютерную игру, где маленькое окошко, выявив врага, становим явным для игрока, мерцая во весь экран.

О, черт! Я подумала об этой незнакомке, как о враге. Я... она мне ничего не сделала. Но почему мне хочется оттолкнуть Эйдена от нее? Почему эти ревнивые ощущения... Так, стоп! Стоп!

Я берусь за голову, захватив волосы пятерней, и глубоко дышу.

Нет, нет, нет. Ни в коем случае, нет. Это не ревность, Джейн!

— Это не ревность, Джейн, — шепчу тихо, уверяя себя в этом.

Если бы вместо Эйдена Росс проходил мимо, подбрасывая носком ботинок пожухлые осенние листья, мои чувства были бы обоснованы. Но не в этой ситуации.

Гребанные, непонятные обстоятельства.

И все становится еще запутаннее, все становится намного-намного хуже, когда Эйден замечает меня. Студенты проходят рядом со мной; мое лицо для него то появляется, то исчезает из-за людей, направляющихся куда-то. Но Картер младший не перестает смотреть на меня ровно, как и я на него.

Уже не вижу ту девчонку, что сегодня с ним. Мне неизвестно, как реагирует она, но у Эйдена вытягивается лицо и округляется рот. И я думала, он подойдет ко мне, оставив спутницу позади, однако все происходит с точностью да наоборот: парень усиливает хватку на стаканчике (это заметно по его сжимающимся пальцам), медленно пятится назад, пока не ровняется с мулаткой. Она продолжает ему улыбаться и бросает на меня всего лишь мимолетный взгляд, но позже берет Эйдена под руку и уводит его в сторону выхода за территории колледжа. А он, даже не оглянувшись, поддается ей. Как будто хотел этого. Как будто все нормально. Нормально даже не здороваться со мной.

Я видела, как она посмотрела на меня.

Как будто я — просто пятнышко, очередная студентка, случайно выхваченная Эйденom из толпы.

Та девушка не придавала мне значения. Это значит, что он обо мне ей не рассказывал.

ГЛАВА 4

АННА

Красивый, бархатный голос Брайса Фокса раздается из колонок музыкального центра в лучшем номере отеля в центре Мемфиса. Вид из окна изумительный, галдеж уличных прохожих, гудение автомобилей — то, что я всегда хотела. Звуки мегаполиса захватили меня, когда я стояла на веранде, попивая самый натуральный кофе из всех существующих сортов.

Знаю, это не совсем правильно, но я стараюсь не думать о смерти мамы и о том, что оставила в Дайморт-Бич. Сейчас, когда мне удалось сбежать от блондинистого придурка, я решила, что буду думать о маме только самое лучшее. Только о приятных моментах, которые мы провели вместе. Она заслужила того, чтобы мои мысли о ней были исключительно светлыми.

Исключительно теплыми.

С помощью пульта управления я переключаюсь на популярную песню Боба Дилана, наслаждаясь чудеснейшим исполнением, пока наполняю огромную, шикарную ванну водой и добавляю в нее специальные соли и пену. Когда горячая вода достигает допустимого максимума, я закручиваю краны и, медленно сняв с себя белоснежный халат, заползаю внутрь белого, мраморного монстра удовольствий.

О, черт! Ну как же это хорошо!

Как бы странно это ни звучало, я благодарна Миднайту. Да-да, никто не ослышался. Я благодарна ему за то, что он самый крупный идиот! Потому что, черт возьми, кто оставляет три тысячи долларов в бардачке машины?! Я даже не помню эти деньги, когда он доставал свои вещи оттуда, чтобы переложить в бардачок очередной угнанной тачки. Но, так или иначе... теперь они мои! Точнее, я потратила уже двести девяносто пять долларов на суточную оплату этого волшебного номера со светло-коричневыми стенами просторной, ванной комнаты.

— Твоя наивность — моя фортуна, — довольно мычу, пригубив

красное, полусладкое вино из мини-холодильника.

Какой восхитительный вкус! Я попробовала всю скудную разновидность дешевого алкоголя в Дайморт-Бич, и это итальянское вино было словно дождем в пустыне.

Я осушаю бутылку за три часа и чувствую легкое опьянение. Лежу на огромной кровати, раскинув в стороны руки и ноги. Кажется, будто мое тело медленно погружается в многослойность шелковых простыней, исчезая за гранью реальности. Мой немигающий взгляд упирается в плавающий потолок... точнее, мне чудится, будто он плывет в глазах. Как и стены, мебель, ночной пейзаж за панорамным окном.

В такой расслабляющей обстановке очень легко потеряться, скрыться от проблем насущных, которые неугомонно следуют по пятам.

Вот бы продлить это драгоценное время абсолютной безмятежности. Она пахнет ванилью и морским бризом. Она ощущается прохладным песком и умиротворяющим шумом волн.

Не знаю, сколько будет длиться реакция от сыворотки. Прошло чуть больше суток с момента последнего укола. Миднайт ставил мне его каждые два дня по вечерам. Значит ли это, что данный интервал и есть время действия препарата, блокирующего мои способности?

В таком случае, мне нужно не высовываться еще день, и я свободна. Даже если Миднайт найдет меня, я сумею отстоять свое личное пространство и заодно отметить его, как и безуданно грозила ему на протяжении всех прошедших дней, которые мы провели бок обок.

Да. Обязательно надеру задницу этому аристократу.

Но чтобы сделать это, мне нужно переночевать в гостинице еще одну ночь. Не то, что бы я была против...

Сняв трубку, я связываюсь с менеджером, которая объясняет мне, что если я собираюсь остаться, то должна спуститься вниз и оплатить номер до полуночи. У меня есть еще три с половиной часа, так что все отлично. Поблагодарив девушку, что была со мной очень мила, я отключаюсь, положив трубку обратно на рычаг. Вновь осмотрев окружающую меня роскошь, в неверии ложусь на подушки — мягкие, расшитые золотыми нитями. В комнате царит запах

лаванды; он исходит из автоматического освежителя, висящего в верхнем углу над кроватью.

Кстати, балдахин, украшающий ее, очень приятный на ощупь. Ткань повешена на раму, которая прикреплена к потолку, а кроватиные стойки позволяют закрепить ткань на них. Чувство защищенности гарантировано! Несмотря на популярный и старый вид балдахина, все оформлено в очень современном стиле.

Мне это настолько нравится, что я осталась бы здесь навсегда, но у меня другие планы: есть деньги, а значит, их нужно использовать. Я собираюсь бросить где-нибудь ворованную тачку, а потом сесть на самолет, предварительно забронировав билет. Только пока еще мне самой неизвестно, в какую страну я хочу отправиться.

Может, Германия? Франция? Европа, Анна?

Возможно, лучше Мексика? Подальше от Миднайта и демонов. Подальше от всего кошмара, преследующего меня.

Я сдала свои вещи в химчистку, поэтому вынуждена покинуть свой номер в халате.

Слава богу, мне никто не встречается по пути, который представляет собой широкий коридор со стенами, обшитыми панелями из темно-красного дерева. Я шаркаю тапками по коричневой ковровой дорожке, заканчивающейся у лифта со сверкающими дверьми.

Я благополучно захожу внутрь, нажимаю кнопку с цифрой один и, потягиваясь, взъерошиваю свои влажные волосы. Они беспорядочно падают на плечи и спину, а я с наслаждением вдыхаю сладкий аромат шампуня.

В огромном холле отеля так же никого не оказывается. Сколько сейчас времени? В помещении играет приятная мелодия без слов, за регистрационной стойкой стоит миловидная девушка с рыжими волосами, заделанными в тугий пучок. На ней темно-синяя униформа, состоящая из пиджака, юбки-карандаша, повязанного на шее платка и накрахмаленной, белоснежной блузки.

Я плотнее укутываюсь в халат и подхожу к администратору.

Девушка поднимает голову на звук моих приглушенных шагов по гранитному полу с абстрактным узором.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — на ее кукольном лице овальной формы рисуется фирменная широкая улыбка, от которой меня начинает мутить. Слишком искусственно выглядит ее доброжелательность. Она вымотана, и мешки под глазами не скрыть, сколько бы пудры она ни нанесла.

— Добрый вечер... ночи... здравствуйте, в общем, — я прочищаю горло, обращаясь к ней. — Я бы хотела продлить...

Дальнейшие слова остаются не сказанными вслух, потому что я чувствую внезапную тяжесть чьей-то руки на своей талии.

Я поворачиваю голову, собираясь излить негодование на человека, дотронувшегося до меня подобным образом. Но возмущение мгновенно улетучивается, и от него остается невероятно горький привкус на кончике языка, который я от удивления прикусываю, когда мой взгляд касается профиля мужского, гладко выбритого лица.

Я прихожу в неистовое бешенство.

Эти небесно-голубые, хитрющие глаза, обрамленные длинными ресницами, я узнаю из сотен тысяч.

— Какого хрена... — вырывается у меня.

Конечно, я знала, что рано или поздно Миднайт вычислит меня. Но не ожидала, что это произойдет так скоро. Что за облом? Почему он явился тогда, когда я уже раскатала губу, грезя о своих возвращенных магических силах и дивных деньках на другом конце света от этого назойливого таракана?

Миднайт крепче обвивает мою талию, но смотрит исключительно на недоумевающую девушку за стойкой. Я пытаюсь вырваться, отталкивая его, но лишь усугубляю ситуацию.

Миднайт пускает в ход и вторую руку, делая плотное кольцо вокруг меня. Он стискивает так сильно, что я едва не выплевываю свои органы. Хочется наорать на парня и потребовать, чтобы он немедленно отпустил меня, но я действительно не могу говорить, а лишь крехтеть и не дать себе не задохнуться.

— Прошу прощения за отсутствие всяких манер у моей несравненной невесты, — с легким, воздушным смехом обращается Миднайт к рыжеволосой девушке.

Та рассеянно кивает, едва улавливая какой-либо смысл. Как и я.

— Что ты себе позволяешь... — слово «урод» глушит ладонь блондинка, которой он накрывает, нет, зажимает мой рот.

В следующую секунду происходит то, чего я точно не ожидала. Он чмокает меня в щеку. Миднайт. Чмокает. Меня. Эй, я что, в параллельной вселенной? Его теплые, мягкие губы касаются моей скулы, и ему удается это: заткнуть меня, потому что я, блин, в шоке.

— У нее такой нрав, — он кружит ладонью в воздухе, а администратор, начинаю замечать, всерьез на него заглядывается.

Я думаю, основная причина, почему этому козлу так везет — он нравится женщинам.

Они любят его, потому что, не стану отрицать, он хорош. Да, я признаю это! Миднайт привлекателен. Но это все. В остальном парень проигрывает. Иезуит без чести и совести!

После последних слов он прижимает меня к себе ближе, спиной прислоняя крепко-крепко к своей груди, и громко шепчет, чтобы рыженькая все слышала.

— Обожаю ее за это.

На миг, всего на миг наши глаза встречаются, но я быстро отвожу взгляд, возненавидев себя за ту дрожь, которую почувствовала, когда Миднайт пустил в ход свой трюк, чтобы заставить девушку за стойкой открыть рот от зависти и умиления. Ее подозрения на счет великовозрастного ребенка за моей спиной полностью отпали.

Черт!

Он умеет дурманить мозги женщинам.

Глупым курицам.

Но я не такая — меня ему не охмурить.

Убрав на минуту одну руку от меня, блондин тянется к карманам коричневых брюк в стиле чинос и достает оттуда несколько крупных купюр, передавая их девушке, уже восхищенной им.

— Вот, — подмигивает он ей, — это за продление номера, — его взгляд возвращается ко мне, — ты ведь это хотела сделать, дорогая?

Рука взметнулась вверх, он нежно и аккуратно кладет ее на мою щеку, чтобы пальцами гладить кожу, практически безмятежно. Будь я на месте девчонки за стойкой, я бы тоже поверила, что мы встречаемся, и что козел с копной светлых волос на голове влюблен в меня.

Я не отвечаю ничего, продолжая вырываться, и в отличие от его лица, на моем нет ни тени, ни намек на улыбку. Может, эта администраторша поймет, наконец, что Миднайт представляет для меня угрозу и вызовет полицию?! Но нет... О, Господи...

— Прекрати, — шипит он мне в ухо, становясь самым собой, когда рыжая отворачивается.

Но я не упускаю возможности начать отбиваться от него сильнее, тогда Миднайт говорит угрожающе:

— Я сказал, прекрати, Анна, иначе мне придется пойти на крайние меры.

Как раз в этот момент девушка оборачивается к нам снова, и на ее лице сияет самая, что ни на есть, счастливая улыбка. Радует за нас, наверное.

— Все готово, сэр, — она кивает Миднайту, уголки ее губ расходятся еще шире. Затем кивает мне: — Мисс. Хорошего вечера, — звучат ее слова, и я воспринимаю это, как последнюю возможность, пока блондин не увел меня из фойе в сторону лифтов.

Мой голос повышается, когда я намеренно умножаю внимание к нашим фигурам:

— Вообще-то, мы не...!

Мне не удастся договорить, потому что Миднайт, схватив меня за подбородок, дергает его в сторону и припадает своими губами к моим. Первые несколько секунд моего полного шока делают свое дело: он мягко, без сопротивления, которое я должна проявлять, принимается меня целовать. Так приятно и бархатисто, что какое-то время я забываю обо всем, сконцентрировавшись только на подкашивающихся коленях.

Его ладонь на моем лице действует так же чувствительно, как и его губы аккуратно прижимают к моим, раздвигая их и углубляя этот фантастический поцелуй.

Стоит мне подумать о том, что слова «Миднайт» и «фантастический» не сопоставимы, как блондин сам легко, едва заметно отводит голову назад. Он распахивает веки, шаря прозрачно-голубыми глазами по моему лицу. Если бы не знала его, как восхитительного актера, поверила бы этим лживым глазам, ни на секунду не сомневаясь.

Миднайт ловит взгляд рыжей особы, чуть ли не пускающей на нас слюни. Чтобы объяснить мое поведение, он опять машет ладонью в воздухе.

— Сердится, — говорит, сморщив нос, — ревнует меня.

Девушка только вздыхает, продолжая любоваться им, а парень, пожелав ей спокойной ночи, действительно ведет нас к лифтам, придерживая меня за талию. Первые три, или четыре минуты я не пытаюсь сбежать, а потом осознаю, что на это он и делал ставку: на неожиданный поцелуй и мою реакцию.

Но когда я собираюсь сделать хоть шаг в сторону, Миднайт крепко хватает меня за руки и буквально поднимает за них, входя в кабину открывшегося лифта. Его счастье, что швейцар занимается другими гостями, только-только заселяющимися, и заходит с ними в соседнюю кабину.

Парень нажимает кнопку пятого этажа, и я спешу ударить его по груди:

— Вообще-то, я живу на седьмом!

Миднайт взбрасывает руками.

— Зачем вести себя, как дикарка? — говорит он с явным изумлением и кликает на семерку на циферблате у широкого зеркала.

— Я, конечно, подозревал, что не зря преувеличивал размеры твоей глупости, Анна, — буднично начинает Миднайт, поправляя запонки на рукавах бледно-голубой рубашки. — Но у тебя последняя стадия слабоумия, мне очень жаль. Ты, должно быть, сильно огорчена и сожалеешь, что сбежала, воспользовавшись моими деньгами, так?

Я толкаю его в грудь, посылая разъяренный взгляд.

— Ты можешь молча упиваться своим высокомерием? — шиплю, надвигаясь на усмехающегося Миднайта. — Раздражаешь,

черт возьми.

Он не сдвигается ни на йоту, позволяя мне приблизиться к нему на довольно близкое расстояние. Но я первая даю задний ход, когда на секунду попадаю в плен его уверенного взгляда, которым он мерит меня свысока. В сознании вспыхивают воспоминания о том, что натворил Миднайт несколько минут назад. Мерзавец! Как он посмел поцеловать меня?!

— Что, хочешь повторить? — с сексуальной хрипотцой спрашивает он и приподнимает одну бровь, провоцируя меня.

Ох, лучше бы ему не делать этого.

Двери лифта разъезжаются в стороны за моей спиной, и я спешу покинуть кабину. Несусь по коридору к своему номеру и с неприязнью наблюдаю, что британец преследует меня. Мне не удастся хлопнуть дверью апартаментов перед его носом, так как он ловко проскальзывает внутрь прежде, чем я хватаюсь за позолоченную ручку.

— Неплохо, — оценивает Миднайт, оглядывая номер.

Он проходит в зал, снимая с себя пиджак. Аккуратно складывает вещь и кладет ее на стул у стеклянного, журнального столика.

— Как провела время, пока скрывалась от меня? — от заботы, с которой он говорит, мне становится не по себе. Как будто к моей шее приставлен нож, и любое неосторожное движение может спровоцировать мучительную смерть.

— Все было прекрасно, пока ты не явился, — я скрещиваю руки на груди, с опаской наблюдая за ним. Мало ли что еще бредовое придет ему на не менее нездоровый ум.

— Рад, что ты повеселилась, пока я гнался за тобой через весь штат, — Миднайт присаживается на диван, раскинув руки по невысокой, твердой спинке.

— Как ты нашел меня? — холодно спрашиваю я.

— А ты действительно поверила в то, что сумеешь сбежать? Глупышка Анна, — его губы растягиваются в мефистофельской улыбке, по сравнению с которой пламя ада покажется дуновением ветерка.

Такая вот его улыбка — реально жуткая вещь.

Миднайт встает с дивана и плавной походкой направляется в мою сторону, словно хищник пожирает гипнотизирующим взглядом свою жертву (то есть, меня). Вот-вот, и он нападет. Мне некуда бежать. Остается лишь принять факт того, что я в ловушке, и пытаться продлить остаток своих последних мгновений.

— Я готов повторить еще раз. Попытаешься удрать снова — я доберусь до тебя. Где бы ты ни находилась. Я всегда буду следовать за тобой. До тех пор, пока ты не прекратишь упрямиться и позволишь мне с твоей помощью открыть Тардес.

Ну вот, опять он завел свою шарманку...

— Будь паинькой, Анна.

— Я понятия не имею, о чем ты просишь, — в сотый раз проговариваю с недовольством и незаметно для Миднайта завожу за спину руку, на которой полторы недели назад появилась метка.

— Ничего, я помогу тебе.

Блондин кладет палец на мой подбородок и приподнимает его, одаряя меня твердым взглядом. Я судорожно вбираю в легкие воздух и дергаю головой в сторону.

— Я уже говорила, что с радостью сделаю из тебя барбекю?

Миднайт с негромкой усмешкой опускает руку.

— Нет. Такую угрозу я еще не слышал.

— Так вот. Я сделаю.

Он запрокидывает голову в журчащем, звонком смехе.

— Продолжай утешать себя несбыточными надеждами, дорогуша. За этим невероятно уморительно наблюдать.

ГЛАВА 5

ЭЙДЕН

Иветт нарезает пармезан маленькими, аккуратными кубиками, подпевая негромко песню Джорджа Майкла, которая звучит из колонок в моем доме. Мы наслаждаемся временным отсутствием отца и готовим ужин. Вместе. Мне не хватало этого. Не хватало Ив. Вчера, перед тем как увидел Джейн у здания колледжа, я поймал себя на мысли, что давно так хорошо не проводил время. Просто вспоминая прошлое, хохоча, и не думаю о бывшей девушке, которая теперь уже влюблена в моего брата. Но мы не говорим об этом, не обсуждаем разбитые сердца и хреновое настроение, время от времени одолевающее тело и разум. Нет. Мы приятно проводим день, беседуя о смешных моментах былых, дружеских отношений.

Раньше мы были лучшими друзьями, и мне было хорошо с Ив.

Осмелюсь предположить, что и она чувствовала исходящее от меня тепло. Однако потом Иветт исчезла. Она так меня поддерживала после смерти родителей, и когда ее тоже не стало в моей жизни, я чуть было не сломался.

— Эй-эй-эй! — громко протестует Иветт, выставив руку вперед и буквально отнимая у меня бутылку спиртного, когда я уже вылил достаточно в еще не готовое блюдо. — Эйден! Ты что делаешь? В «Мусаку» следует добавлять всего пол бокала белого вина! А ты даже не придерживаешься рецепта...

Ив качает головой, а я только улыбаюсь, любуюсь ее серьезностью и сосредоточенностью, хотя точно знаю, что в прошлом девушка не любила готовить.

Вновь хватаю вино и наливаю его себе в бокал, пока моя подруга перемешивает бараний фарш вместе с луковичками, чесноком, оливковым маслом и элитным алкоголем.

— Думаю, получится вкусно, — подмечаю, изогнув бровь, и отпиваю немного вина.

Ив, отойдя от сковороды, забирает у меня из рук бокал и полностью осушает его. Затем она принимается нарезать кружочками

баклажаны, а мне дает задание обдать кипятком помидоры и снять с них кожицу.

Иветт уверяет, подмигивая мне:

— Можешь даже не сомневаться.

Сегодняшний вечер очень приятный. Мы по-ребячески флиртуем, и это совершенно не уместно в моем случае, ведь я могу только и думать о карих, расширившихся глазах Джейн Мортис, когда она заметила меня с Иветт. Она ревновала?

— А теперь... пора нарезать картофель, — когда я закончил с помидорами, девушка пододвигает мне миску и кивает на нее подбородком.

Ее волосы собраны в небрежный пучок. Несколько темных прядей выбились из прически, что делает Ив обаятельнее и красивее. Ей даже не нужно стараться быть хорошенькой. С такими пухлыми губами и длинными ногами она и так настоящая телезвезда!

— Итак, — Ив бесцеремонно запрыгивает на столешницу, где я нарезаю картофель. — Не хочешь немного поболтать? Ну, знаешь, о прошлом, настоящем и тому подобном.

— Эй, быстро слезай, — я толкаю ее в бедро, и она шлепает меня по руке.

Мы смеемся, переглянувшись друг с другом.

— Ты ни ка-а-пельки не изменился, — она сужает глаза и наклоняется к моему лицу, чтобы щелкнуть по носу. — Все тот же Мистер Мелкий Зануда.

Я закатываю глаза, отбрасывая ее наманикюренные ногти от себя.

— Вообще-то, ты только на год старше меня.

— Но ведь старше.

— Вам нужно как-нибудь поболтать с Россом.

Теперь настала очередь Ив возвести глаза к потолку и цокнуть.

— Вот уж нет. Спасибо. Ни. За. Что, — интонационно подчеркивает она последнее и понижает голос до хрипотцы. — Твой брат такой... Черт. Мой словарный запах внезапно становится

скудным, когда дело касается Росса Картера.

— Вы никогда особо не ладили, — вспоминаю я, кивая.

— Мягко сказано, приятель, — Ив отпивает из бокала с вином. — Ты дьявольски соблазнителен, когда готовишь. Ты в курсе? У тебя наверняка есть девушка.

Я замираю, вонзив нож в твердую картофелину, но так и не разрезаю ее пополам.

— Нет, — внезапно мой голос делается тихим.

— Нет? — с недоверием повторяет девушка.

Я кладу нож на стеклянную разделочную доску и опираюсь ладонями о край столешницы.

Низко опускаю голову, до скрежета зубов стискивая челюсти.

— Давай не будем портить этот фантастически прекрасный день вопросами о моей личной жизни, договорились? — осипшим голосом прошу я, медленно поднимая громоздкий взгляд на недоумевающее лицо Ив.

Она прикусывает нижнюю губу, немного наклоняя голову вбок.

— Все настолько хреново?

— Хуже быть не может. Поверь.

— Теперь, — Ив спрыгивает вниз и кладет руку на мое плечо, — я на двести процентов уверена, что хочу услышать историю твоей паршивой любви.

Я вздыхаю, добавляю к фаршу измельченные помидоры и томатную пасту, как и учила Иветт. Она не один раз, пока мы делали покупки, осведомила меня о том, что побывала в Греции, и оттуда привезла этот рецепт. Мне уже не терпится попробовать. Тем более, из всех видов мяса я всегда предпочитал баранину больше. Это обязано стать вкусным блюдом. Когда придет отец, оно уже будет готово.

— Лучше расскажи о Греции, — предлагаю я, добавляя специи в фарш, и помешиваю его деревянной лопаткой. — Как прошла твоя поездка? Как ты вообще оказалась в Греции?

— По работе... Пустяки.

— Брось. Мне безумно интересно. Правда! — я поднимаю руки, сгибая их в локтях. — Я весь во внимании.

Иветт закатывает глаза, отодвигая меня от плиты, и сама становится у нее, чтобы выступить в качестве домашнего «шеф-повара».

— Что ты хочешь знать?

— Почему ты вдруг исчезла? Это было слегка... — я потираю подбородок, подбирая наиболее подходящее слова для выражения тех чувств, которые переполняли меня два год назад. — Это слегка свело меня с ума. Ты была моим единственным и лучшим другом.

Ив замирает, повернувшись ко мне спиной.

— У меня не было выбора. Ты же знаешь, что моя семья не одобряла наше общение, — в ее голос прокрадываются грустные нотки.

Я киваю самому себе, вспоминая прошлое. Родители Иветт — чистокровные демоны, имеющие неплохое положение в Аду. Они были против того, что Ив проводила много времени с жалким полукровкой, то есть со мной. Демоны не считаются с ангелами смерти и внушают нам, что мы должны быть благодарны им за жизнь, которую они даровали, вступив в союз с человеком. Для них это унижительно и мерзко.

Ангелы смерти рождаются не по любви двух рас. Мы появляемся из необходимости выполнять грязную работу в мире людей и забирать их души.

Любовь запрещена.

За любовь демоны платятся собственными жизнями и тех, к кому прониклись. Такое случается редко, и чистокровные безукоризненно уничтожают данные союзы.

Ив заправляет за ухо темный локон и с опущенной головой поворачивается ко мне.

— Я продержалась столько, сколько могла, и ушла, когда убедилась, что дальше ты сможешь справиться сам.

Я не знаю, что ответить девушке. Я чертовски злился на нее, но со временем обида притупилась, и осталась легкая дымка печали. То, что два года назад было для меня предательством, сейчас я вижу, как

безысходность. Я никогда не ставил себя на место Иветт и просто был благодарен ей, что она помогает мне справиться с потерей родителей. Но она рисковала очень многим, чтобы быть рядом со мной и поддерживать. Она шла против принципов своей семьи и идеологии Ада в общем.

— Спасибо, — говорю я.

Я не мог поблагодарить ее тогда, поэтому делаю это сейчас.

И на душе сразу становится легче.

— Твоя семья знает, что ты здесь? — я не решаюсь произнести «со мной», потому что это даже в моих мыслях звучит двусмысленно.

— Нет. Я не связываюсь с ними, и они не горят желанием общаться со мной, — Ив вздыхает. — Мы взаимно игнорируем друг друга. Видишь ли, слухи о том, что я дружила с полукровкой, разлетелись под Аду с фантастической скоростью. Это подкосило репутацию родителей, поэтому я не стала возвращаться к ним, чтобы окончательно все не испортить.

— Что ты делала? — я чувствую вину за то, что Иветт оказалась в такой непростой ситуации.

— Эй, что с твоим лицом? — девушка улыбается и по-приятельски толкает меня в плечо. — Ты ведь не жалеешь меня? Не вздумай, Эйден. Всю свою жизнь я была под контролем родителей и, встретив тебя, получила возможность все изменить. Я обрела свободу и независимость от Ада. Последние два года были чертовски прекрасными. Seriously, — Ив подмигивает мне и обходит кухонную стойку, чтобы взять со столешницы рядом с плитой бутылку вина.

— Я рад, если все так.

— Все именно так, — она салютует мне, припадает губами к горлышку бутылки и делает несколько глотков. — Кстати, тебе что, совсем не интересно, как твой отец вышел на меня?

— Прочел объявление в газете? — невесело ухмыляюсь я. — Он сказал, что ты сможешь найти кое-кого.

— Ага. Точно. Вы ищите ведьму, а я специализируюсь на них.

Ого. А вот это уже интересно.

— Можно поподробнее?

Иветт пожимает плечами.

— Я использую их магию против них же самих. Как зеркало. Отражаю то, чем они владеют.

— Но... как?

Ив делает последний глоток вина и ставит бутылку обратно на столешницу.

— Я не обладаю силами ведьм, но научилась кое-чему, пока путешествовала по миру. Полтора года назад я оказалась в Перу и наткнулась на племя демонов. Я прожила с ними несколько месяцев и позаимствовала их знания о том, как защититься от ведьм и противостоять им.

— Погоди, погоди. Но зачем тебе это?

Ив легкомысленно отмахивается рукой.

— Я скрывалась кое от кого.

— От ведьмы? Господи, как тебя угораздило нарваться на ведьму?

— Вообще-то, это был колдун. Точнее он не совсем колдун... но и не человек. Таких называют фамильярами.

Честно говоря, я впервые слышу.

— Судя по твоему недоумевающему взгляду, ты ничегошеньки не знаешь, — Ив по-доброму смеется надо мной. — Фамильяры создаются колдунами и ведьмами в качестве помощников. Они сосуды для магии. Их сложно назвать людьми, но полноценными ведьмами и колдунами они так же не являются.

Теперь понятно, почему Иветт понадобилась отцу. И то, чем она занимается, чертовски странно. В смысле, демоны стараются не связываться с ведьмами и находиться с ними в... более-менее дружелюбных отношениях, насколько это вообще является возможным.

— Ну, а сейчас я бы хотела послушать о твоих любовных похождениях.

Я смотрю в ее зеленые глаза, понимая, что играть против нее невозможно — Ив слишком быстро раскусит ложь и все, что с ней связано.

— Что ты хочешь знать? — развожу я руками. — Моя история очень скучна и печальна.

Иветт посмеивается надо мной, приподнимая одну бровь. А потом она становится серьезной, встает ровно и основательно произносит:

— Может быть, так и есть, Эйден, однако насчет Росса так не скажешь. Верно?

Когда мои внутренности завязываются в узел, Ив продолжает.

— Ты его выгораживаешь? — девушка указывает на меня лопаткой. — Не стоит. Ты же понимаешь это, надеюсь? Старшие демоны, которые скоро будут в Дайморт-Бич, приготовили для него и для его девчонки наказание.

Я ощущаю, как потею от волнения, страха и ужаса. Мое дыхание ускоряется, словно я задыхаюсь. Даже не смотрю на Ив, опустив взгляд вниз, и крепко держась за края кухонного островка.

— Извини, что порчу все такой новостью, — говорит голосом, полным сожаления, девушка. — Я думала, ты в курсе, просто не хочешь это обсуждать...

Во мне просыпается зверь. Я в считанные секунды оказываюсь рядом с Иветт, чем пугаю ее. Она не ожидала, по всей видимости, что моя реакция будет такой. А я раздражен. И мне страшно. Страшно за Джейн... и за Росса.

— О чем ты говоришь? — на одном дыхании воспроизвожу, не позволяя себе грубо коснуться ее, хотя ненависть, переполняющая меня изнутри, подводит к этому. — Никто не посмеет тронуть Джейн.

Ее зеленые глаза с удивлением расширяются. Похоже, она не ждала от меня подобных слов. Ее рот открывается в бесшумном изумлении.

— Быть не может...

— Когда они окажутся здесь? — требовательно процеживаю вопрос сквозь стиснутые зубы.

— Во-первых, — спокойно произносит Ив, — отпусти мою руку. Во-вторых, мне неизвестны детали. Я случайно подслушала разговор... — она морщит нос, — и, между прочим, едва не попалась, когда прозвучали ваши с Россом имена. Значит, ее зовут Джейн.

Девушка, которая вскружила голову двум ангелам смерти, — она издает короткий, невеселый смешок. — Боже, звучит, как очень дерьмовый анекдот.

Я разжимаю пальцы, которыми держу Иветт за запястье, и она прижимает руку к своей груди, тихо шипя от боли.

— Когда ты успел стать таким качком? — бурчит Ив. — Послушай, что бы там ни было, ты должен держаться от Джейн как можно дальше, понял? И поговори с Россом. Его самолюбивая задница в огромной опасности.

— Черт! — я отталкиваюсь от столешницы и ударяю по ней ладонями.

С навалившимися проблемами, Тардесом и исчезнувшей душой Джейн я совершенно забыл об изначальной опасности, которая кружила вокруг нас все это время, выжидая самого неподходящего момента, чтобы нанести сокрушающий удар и окончательно раздавить.

Как иронично, что мой брат, отчаянно пытавшийся сделать все ради того, чтобы разлучить меня и Джейн, сейчас рискует расстаться с жизнью из-за девушки, которую всецело ненавидел.

Знает ли он о стремительно надвигающейся опасности?

— Эй, посмотри на меня, — беспокойный голос Ив слышится где-то рядом. Но мои глаза застилает красная пелена ужаса и ярости.

— Не надо, — я отдергиваю руку, когда девушка пытается дотронуться до меня.

Проклятье...

Я мчусь в свою комнату, чтобы взять ключи от машины, которые лежат в куртке. Иветт следует за мной с бесконечными вопросами и просьбами объяснить, что я собираюсь делать.

По пути к входной двери я набираю номер Росса и Джейн, но ни он, ни она не отвечают мне.

— Серьезно?! — рычу я, обвиняюще глядя на потухший экран телефона. — Вы сговорились?

Я должен предупредить об опасности двух самых близких мне людей и сделать все возможное, чтобы помочь им предотвратить

самый худший кошмар, какой только может быть.

Забудь об обидах и эгоизме, Эйден.

Как только я переступаю порог дома, Иветт хватает меня за локоть, останавливая.

— Ладно. Хочешь играть в молчанку? Пожалуйста. Но я иду с тобой. Куда бы ты ни отправился. И не вздумай, — она поднимает указательный палец в угрожающем жесте, — говорить, чтобы я не лезла в твои дела. Потому что, черт возьми, я все равно сделаю это. Тебе же лучше взять меня с собой по собственной воле.

Я не успеваю сказать и слова против, как Ив кивает, хлопывая за собой дверь.

— Отлично. Я рада, что ты сделал правильный выбор.

ДЖЕЙН

Кокетливое настроение Росса несомненно меня радует. И отвлекает. Но мне бы хотелось с ним серьезно поговорить. Кажется, он что-то не договаривает. Я это чувствую. И сейчас, когда я собираюсь, чтобы приехать к нему в мотель, в котором он на время остановился, мне бы хотелось быть уверенной, что наша беседа будет плодотворной.

Черт! Я встречаюсь с Россом Картером в номере мотеля. Это, правда, подразумевает под собой разговоры до двух часов ночи и размышления на тему бытия?! Я же не настолько глупа, да? Но все еще продолжаю надеяться на его сознательность и лишь мнимую игривость, сквозящую в голосе Росса, когда он выдает одну пошлую шутку за другой...

Продолжаю надеяться, натягивая синие стринги и надевая лифчик ему в тон. Ага...

— Знаешь, твой похотливый юмор имеет срок годности, — посмеиваюсь, говоря достаточно громко, чтобы он услышал меня, потому что я включила динамик и бросила телефон на кровать.

Картер старший смеется над моим замечанием, а потом фыркает.

— Не-не-не, с моими шутками это не прокатывает. Мой сарказм

вечен.

— Твоя самовлюбленность тоже, — отвечаю я, не оставшись в долгу у него.

Росс цокает языком, после чего вполне серьезно выдает:

— Ты же, блин, понимаешь, что за все язвительные слова, сказанные в мой адрес, получишь наказание, Джейн?

В этот момент я, примеряя темно-синее платье, замираю. Не дотягиваю его и до середины бедра. Все мои мысли переносятся к нему. Они предвкушают это наказание, сводят с ума воображение, и я сдерживаю себя, чтобы не возбудиться раньше времени.

Так, стоп! Вообще-то, ты, Джейн, собиралась поговорить с Россом. Это должна была быть серьезная беседа, которая теперь, скорее всего, не состоится.

Я качаю головой, подзадоривая его:

— Не боишься, что я могу ответить?

— Да что ты? — высмеивает по-доброму он мое только что сказанное предложение.

Зная, что Росс этого не увидит, выгибаю бровь. Снимаю платье, надеваю другое — красное, с глубоким вырезом. Пытаюсь представить, как будет вместе с ним смотреться короткая кожанка с рукавами из вельветовой ткани.

— Эй, чего молчишь? — иронично подкалывает Картер. — Неужели, испугалась?

Остановив выбор на этом ярком наряде, я специально наклоняюсь к телефону очень близко, поддерживая тело с помощью локтей, сложенных на постели. И шепотом произношу в динамик:

— Никогда. Я тебя не боюсь.

Не знаю, что сейчас с ним творится, но могу предположить, и от этого хихикаю по-девчачьи беззаботно.

— Ладно. Ты официально доигралась, Джейн Мортис, — нарочито формальным тоном отзывается Росс спустя минуту.

Я поправляю прическу, тонким слоем крашу губы матовой, коралловой помадой и убираю косметику в сумочку. Отхожу на

несколько шагов от зеркала и выношу окончательный вердикт своему образу.

— Он сойдет с ума, — довольно улыбаясь, киваю своему отражению и вспоминаю, что Росс по-прежнему на связи.

— Ты уверена, то доберешься самостоятельно? — кажется, он не слышал моих слов. — Если тебе снова станет плохо...

— Все в порядке, — я подхожу к кровати, чтобы взять телефон. Выключаю громкую связь и прикладываю мобильник к уху.

— Откуда столько уверенности?

Я закатываю глаза и усмехаюсь, чувствуя разливающуюся по венам теплоту.

— Я, правда, отлично себя чувствую, мамочка.

— Эй, — угрожающе рычит Росс, чем сильнее веселит меня.

Я напоследок оглядываю комнату перед тем, как выйти в коридор. Выключаю свет и с широкой улыбкой на лице спускаюсь по лестнице. В доме царит тишина, что можно наблюдать довольно редко. Оливия уговорила моего отца отвлечься от супер важных дел мэра Дайморт-Бич и культурно провести время, посетив выставку в Монтгомери с дальнейшим походом в ресторан.

— Все, я выхожу из дома, — говорю ему, открывая входную дверь. — Позвоню тебе, когда подъеду к мотелю.

— Не заблудись, — предупреждающе и заботливо произносит Росс.

Я улыбаюсь, почувствовав его равнодушие.

— Я ввожу адрес в навигатор, — обещаю, чмокая воздух рядом с микрофоном смартфона и отключаюсь.

Закрываю ключом дверь на замок, а когда спускаюсь с крыльца, вижу высокого мужчину с короткой стрижкой в длинном, черном плаще. Лица не разглядеть. Он уже отвернулся от меня. Идет довольно медленно, повернувшись в другую сторону, поглядывая на мою машину, припаркованную у подъездной дорожки.

Я сильно хмурюсь от нехорошего предчувствия. Дрожь проходит через все мое тело, кожа покалывает от страха перед неизвестностью. Но потом... потом я замечаю то, что упустила

раньше. Асфальт вокруг моей машины мокрый, тогда как дождя не было. Да и с нее самой что-то капает. О, нет.

О, НЕТ!

Мужчина в плаще кидает на меня через плечо первый и последний взгляд, прежде чем бросить в мою тачку зажигалку, приведенную в действие.

Она падает в лужу бензина.

Автомобиль вмиг загорается и взрывается так быстро, что я не успеваю осознать, как меня отбрасывает назад. Я ударяюсь о дверь собственного дома, ощущая, как больно круглая ручка врезается в бедро. Падаю на каменный пол. Слезы застилают глаза.

А паника душит. Но я точно, абсолютно точно различаю, что мужчины больше нет. Он ушел. Он уничтожил мою машину, чтобы потом скрыться.

Что за чертовщина?!

Схватившись обеими руками за волосы и выронив телефон, я с трудом сдерживаюсь от ужасающего крика. Соседи начинают один за другим выбегать из своих домов. И пока я позволяю волнам своей тихой истерики биться об меня, как о скалу, они звонят в 911.

В следующую минуту на нашу людную улицу со скоростью въезжает знакомый мне автомобиль. Это машина Эйдена. Он выходит из нее, а из пассажирской двери показывается девушка, которую я уже видела с ним во дворе колледжа Святой Марии.

У Картера младшего обеспокоенный взгляд. Он осматривает мое пылающее авто всего пару секунд, а позже подбегает ко мне и, встав на колени, загребает в свои объятия.

— Тише, тише, — успокаивающе его руки гладят меня по спине.

А я... я наконец-то могу позволить себе разрыдаться.

ГЛАВА 6

ЭЙДЕН

Я рассеян из-за Джейн и не могу сосредоточиться на вождении. Когда Ив предлагала сесть за руль, мне следовало согласиться и уступить ей кресло. Но я не придавал особого значения тому, что будет чертовски тяжело присматривать за человеком, которому несоизмеримо хочу помочь, и одновременно контролировать ситуацию на дороге.

Джейн сидит на задних сидениях, поджав колени к груди, и плачет. Точнее, перестала несколько минут назад, но до сих пор всхлипывает. Слезы оставили на ее бледном, словно зима лице темные разводы от туши, под печальными, отсутствующими глазами темнеют синяки.

Съездившаяся фигура Джейн попадает под свет располагающихся по обеим сторонам дороги фонарей, обнажая от тьмы небольшие царапины. Одна — на скуле, она небольшая и не кровоточит. Вторая — более глубокая, чуть ниже виска, и на ранке образуется багровый бугорок.

Мое сердце грохочет в груди, болезненно тарабаня о ребра. Количество неудачных попыток начать с Джейн разговор переваливает за сотню. Как только я открываю рот и вновь приковываю взгляд к зеркалу заднего вида в салоне автомобиля, чтобы убедиться, что она в сознании, я снова поджимаю губы, проглатывая слова.

Что бы я сейчас ни сказал, все это не будет иметь смысла.

— Машина взорвалась не сама по себе, — резкий голос Иветт разрывает в клочья царящую тишину. Она пристально смотрит вперед и будто озвучивает вслух свои мысли, не обращая внимания на нас.

Джейн вздрагивает, отрывая затуманенный взгляд от точки, в которую непрерывно смотрела на протяжении долгого времени, и устремляет на нее. Во внутренних уголках покрасневших глаз вновь скапливается соленая вода.

— Эй, — говорю я хмуро и смотрю на Ив.

Она пожимает плечами.

— Что я такого сказала? — она что, действительно не понимает этого?

— Имей хоть толику тактичности.

— Не думаю, что у нас есть время для подобных мелочей. Я уверена на восемьдесят девять процентов, что случившееся было... предупреждением, — Ив медленно сужает глаза, словно смотрит в невидимый экран перед собой, и тщательно пытается сложить из составляющих целую картину. — Эйден, мне кажется, что демоны уже в Дайморт-Бич. Это кто-то из них взорвал машину Джейн.

Я убираю одну руку с руля и тру напряженные веки указательным и большим пальцами.

Джейн по-прежнему молчит, но теперь уставилась в окно, а Иветт думает, кажется, так громко, что я буквально могу слышать ее мысли, и как она раскладывает их по полочкам. Я хотел избежать этого. Такой участи для Джейн. Но получается, что я сам привел ее к той дороге, где она сможет погибнуть, где вся жизнь девушки разрушится, где она в опасности из-за демонов.

У них тоже есть своя правда: мы не должны любить людей. Когда люди, к которым мы прикипели, умирают, мы не можем их отпустить. Как и папа не мог расстаться с мамой, так и я не смог бы расстаться с Джейн. Подозреваю, что Росс тоже. Он тоже чувствует это.

Беспомощность.

Безысходность.

Страх.

Не за себя.

За Джейн Мортис, которую больше года назад, в Чикаго, я не должен был заметить. Я должен был отвернуться, не заострять на ней внимание, подумать о хрупкой человеческой душе, а не о своих эмоциях, которые испытывал, глядя на Джейн. Я обязан был брать во внимание то, во что превратится ее мир со мной. В безумство, которое я буду желать остановить.

Но сейчас уже поздно жалеть. Я совершил роковую ошибку, влюбившись в нее. Я всегда буду расплачиваться за это.

Мой автомобиль подъезжает к мотелю, где остановился Росс. За то время, пока мы ехали, телефон Джейн пару раз вибрировал, но она не реагировала. Я выхожу из машины и Иветт тоже, но Джейн медлит, и как только мне в голову приходит мысль, что она просто не может выйти, что ей страшно, девушка отворяет дверь, и лишь сейчас я понимаю, что она даже не была пристегнута... Черт.

В ее карих глазах поселилась... нет, не паника... очерствелость. Точнее, Джейн просто маскирует под нее свою уязвимость.

Мы следуем за ней, ведь именно она дала нам адрес этого места. Брюнетка шагает по асфальту, сворачивая к номерам, а потом поднимается по железной лестнице на второй этаж скромного строения. Когда Джейн стучит в белую дверь, мы с Иветт уже достигаем ее.

— Я буду снаружи, — осведомляет Ив, касаясь моего локтя. — Если кто-то появится, то я задержу их. В лучшем случае. В худшем...

— Все будет хорошо, — я киваю ей. — Спасибо, что делаешь это.

Она не обязана находиться сейчас здесь и помогать нам. Если демоны настигнут нас сейчас, Иветт автоматически попадет в зону поражения, что абсолютно несправедливо. И я очень благодарен ей за смелость и самоотверженность.

Девушка вздыхает, мельком бросая взгляд на сгорбившуюся спину Джейн, и снова смотрит на меня. Я читаю в ее прожигающих глазах мольбу и надежду, но не решаюсь что-либо высказать по этому поводу.

— Ты у меня в долгу, — в итоге изрекает Иветт и возвращается к моей машине. Она останавливается у капота и прислоняется к нему, скрещивая руки на груди.

Проходит больше минуты, а я и Джейн по-прежнему стоим под дверью номера моего старшего брата. Я с безмолвным сожалением наблюдаю, как подрагивают плечи моей малышки. Знаю, что не имею никакого права так называть ее и вообще — стоять в полушаге и мечтать о поцелуе.

Проклятье, как бы мне хотелось поцеловать Джейн.

Я прикусываю нижнюю губу, сжимая кулаки от презрения к самому себе за несвоевременные мысли, от обиды к брату и негасимого притяжения к мисс Мортис — любви всей моей жизни. Во мне разом начинают бушевать чувства, которые я пытался заглушить алкоголем, равнодушием, притворством... всем, чем только мог.

Когда наша жизнь, — моя, Джейн и Росс, — и без того битком забитая неприятностями, успела стать такой невыносимо сложной?

— Спасибо.

Я моргаю несколько раз. Мне показалось, или Джейн что-то сказала?

— За то, — ее ватный голос звучит чуть громче, и меня прошибает внезапный прилив глупой бодрости, потому что это не оказалось моей слуховой галлюцинацией, — что пришел, когда...

Джейн проводит по лицу рукой в усталом жесте и делает судорожный вдох. Ее голова опущена вниз, и я не могу увидеть карих глаз, которые в ясные, солнечные дни становятся светло-янтарными. Я бы с удовольствием смотрел в них до конца своих дней.

Я долго и лихорадочно обдумываю, что ответить Джейн. И все, что хочу озвучить, не способно выразить то, как я на самом деле сожалею. Обо всем.

Наконец, перед нами открывается дверь.

Сначала Росс не видит меня, так как стоит достаточно далеко, подперев вертикальную, деревянную плоскость рукой.

— Обещаю, это станет самым лучшим вечером в тво... — брат обрывает себя на полуслове, сощурившись и наблюдая, как грустна Джейн, внимательно глядя на разводы на ее щеках, и краем глаза отмечает меня.

Потом его взгляд полностью концентрируется на мне. Он качает головой в полном замешательстве, а я кладу ладонь чуть выше поясницы девушки и подталкиваю ее вперед. Росс отходит в сторону. Вернее будет сказать, пятится. Прежде чем запереться, я смотрю на Иветт, которая скучаяще осматривается по сторонам.

Мы все напряжены. Комната Росса представляет собой большую кровать, две прикроватные тумбы, кресло в дальнем углу и стоящий

рядом торшер. Бардовая дверь напротив входной, по всей видимости, ведет в ванную. И Джейн направляется туда под мой понимающий взгляд и удивленный Росс. Он переводит его на меня и взмахивает руками, сильно нахмурившись.

— Ты-то тут что делаешь?

— Надо поговорить. Кое-что случилось, — говорю, услышав, как из крана потекла вода.

Росс складывает руки на груди. Первые несколько секунд он кажется мне придурком, готовым начать ерничать в любой момент, но позже, ощутив, похоже, всю серьезность, он опускает руки и садится на край кровати. Я же не могу успокоиться, хожу из одного угла комнаты в другой, чтобы прийти в себя, чтобы осмыслить все и прийти к какому-нибудь выводу.

— Ладно, — звучит его неприветливый голос, — я слушаю, Эйден.

В его глазах читается настоящий испуг, и как бы мне ни хотелось мягко начать разговор, ничего не получится.

— Машину Джейн кто-то сжег, — лицо Росса вытягивается после моих слов. — Возможно, это было предупреждением от демонов, которые против твоих с ней отношений.

Я так и знал, что эту мою фразу брат воспримет в штыки. Так и случается.

Вскочив с места, он упирает одну ладонь в бедро, другой же принимается размахивать в воздухе.

— Ага, значит, мои отношения с Джейн их напрягают, а с твоими все было нормально, так?!

— Росс... — пытаюсь я высказаться, но все тщетно, поскольку тот настроен враждебно.

Подходя ближе, он не перестает жестикулировать и быть агрессивным.

— Откуда ты знаешь, что это не уличные хулиганы сожгли ее тачку?! Откуда ты...?

В этот раз его прерываю я:

— Где твоя голова, черт возьми? Я не пытаюсь разладить ваш

контакт, хоть не буду скрывать, мне этого хочется! Но я, в первую очередь, — указав на дверь пальцем, повышаю невольно голос, — думаю о безопасности Джейн! А ты? О чем ты думаешь ты? Чем руководишься ты?

Усмехнувшись досадно, Росс снова качает головой — теперь уже слабо.

— Не нужно делать этого.

Его тихое мычание вмиг превращается в настоящий ураган эмоций, когда он тычет пальцем мне в грудь.

— Не нужно выставять меня козлом перед Джейн! — он скалится в ненавидящей улыбке. — Ты же этого и хочешь, да? Чтобы он ушла от меня, посчитав эгоистичным придурком?

Мне бы хотелось, чтобы она поняла это.

Поняла очевидное.

И хоть я люблю брата, он воистину идиот.

— Послушай, — яставляю руки вперед в останавливающем жесте и медленно опускаю их.

— Давай оставим колкости на потом. Сейчас необходимо решить, что делать прежде, чем они... придут за вами.

Росс отпускает мрачную усмешку и с холодом смотрит на меня.

— Ты можешь ошибаться, Эйден. Ты чрезмерно впечатлительный и пугаешься всего, что предполагает потенциальную опасность. Так что давай будем честны друг с другом, и...

— Я не собираюсь лгать тебе, — не даю ему договорить. — И Иветт не стала бы лгать мне.

— Погоди, что?! — лицо Росса кривится в гримасе. — При чем здесь вообще твоя бывшая?

— Она не моя бывшая. Мы друзья. Пару дней назад Ив появилась на пороге нашего дома, и я был в таком же недоумении, что и ты сейчас. Клянусь. Каким-то образом отец вышел на нее, чтобы она помогла найти Анну и вернуть... Но сейчас не об этом речь.

Я кратко передаю то, что сказала мне Иветт.

— И ты поверил ей? — Росс раздраженно вскидывает руками.

— У Ив нет причин, чтобы обманывать меня.

— Дурдом, — брат качает головой.

Он расстегивает пуговицу на воротнике рубашки и вновь садится на кровать. Опирается локтями о колени и запускает пальцы в копну густых волос, чтобы растрепать их.

— Ты должен уехать, — говорю я, когда Росс немного остывает. — Прямо сейчас собрать свои вещи и уехать из Дайморт-Бич.

— Не смей.

— Я на полном серьезе.

— Я никуда не уеду, — он пронизывает меня взглядом, полным неумолимой решительности. — Я не стану сбегать, поджав хвост. Это не в моем стиле, уже забыл, братишка? Я встречу с чистокровными и все улажу.

— Прямо сейчас я очень хочу врезать тебе, чувак, — я громко стискиваю челюсти. — Забудь о своем долбаном и никому не нужном эго и подумай о Джейн. Ты хоть представляешь, что ей только что пришлось пережить?! Если бы она сгорела вместе с гребаной машиной?! Даже если ты попытаешься поговорить с ними, они не станут слушать. Они накажут тебя, как бы ты ни оправдывался.

Росс молчит, и я знаю, что он сожалеет о своих словах. Но злость кипит во мне и разливается огненной лавой по венам, достигая нервов и самых потаенных уголков сознания, поэтому я не могу остановиться на сказанном.

— Уезжай, Росс. Я тоже уеду. Мы должны убраться как можно дальше от Дайморт-Бич, если не хотим причинить вред Джейн. Я отлично понимаю, что двигало тобой, когда я и она... когда мы были вместе и любили друг друга. Ты и сам не должен забывать об этом, слышишь?

Я подхожу к брату и кладу руку на его плечо.

— Давай вместе прекратим это и спасем жизнь той, кого любим.

Если нас с Россом не будет поблизости с Джейн, никто не

доберется до нее. Она будет в полном порядке.

Пусть лучше ее сердце будет разбито братьями Картер, чем его биение навсегда обратится в беспробудную тишину.

Росс избегает моих глаз, которые терпеливо покоятся на его лице. Собрав всю волю в кулаки, я жду понимания и поддержки от брата. Я знаю, что в глубине души он согласен со мной и чувствует, что это правильное решение, но сколько ему потребуется времени, чтобы осознать это и разумом?

— Что? Вы собираетесь уезжать?

Я и Росс прекращаем двигаться, когда слышим задыхающийся голос Джейн, и синхронно поворачиваем головы в ее сторону. Она стоит в дверном проеме и в полном ужасе смотрит на нас. Ее большие глаза становятся огромными, и в них плескается иступленное отчаяние.

— Нет, — она лихорадочно трясет волосами и делает неустойчивые шаги навстречу к нам.

— Джейн, — я и Росс произносим ее имя одновременно.

Но брат сбрасывает со своего плеча мою ладонь и обходит меня, чтобы оказаться рядом с Джейн.

— Я все слышала, — лепечет она, буквально падая в руки Росса, когда тот останавливается напротив нее. Джейн хватает его за запястья и слабо встряхивает. Я впервые вижу ее настолько разбитой и сломленной. — Пожалуйста, скажи, что ты не оставишь меня...

Джейн с невыразимой надеждой смотрит на Росса снизу-вверх и изо всех сил сдерживает слезы. Ее руки перемещаются на его лицо.

— Мне очень страшно от всего, что творится. Но я точно знаю, что сойду с ума, если тебя не будет рядом.

Росс издает тяжелый вздох и накрывает ее маленькие ручки своими ладонями. Он наклоняется к ней и целует в лоб. Я должен отвернуться, потому что наблюдать за моим братом и Джейн, которые стали настолько близки друг к другу, просто адски больно.

Но я не могу пересилить себя и сделать это.

— Эйден прав, — со страшной досадой в охрипшем голосе признает Росс. — Это может спасти тебя, Джейн.

Девушка становится между нами, выставив руки по обе стороны от нас.

— Нет, нет и нет, — изрекает Джейн, а ее глаза наполняются слезами. — Почему ты решаешь за меня? — с обвиняющей интонацией обращается она ко мне. — Кто дал тебе право?

Я протираю лицо ладонями, пытаюсь не сорваться на нее, потому сейчас Джейн говорит глупости. Несет несусветную чушь.

Как будто я хочу оставлять ее!

Как будто... этого хочет Росс.

Но мы должны, чтобы с ней все было хорошо. Это то, чего добиваются старшие демоны — разорвать все связи таких, как мы, с людьми. Никакой «любовной ерунды», как я не раз слышал от чертовых властителей Ада.

— Он прав, — раздается такой подавленный и горький голос старшего брата. — Джейн...

Но она перебивает Росса тоже, слегка его оттолкнув.

— Ты просто сошел с ума! — Джейн хватается за голову. — Если ты оставишь меня...

— Джейн, — пытается вставить брат.

—...Можешь больше никогда, — она поднимает указательный палец в его направлении, — слышишь, никогда не искать со мной встреч.

Брат обреченно закрывает глаза и тихо ругается. Мы устроили сцену, честное слово. Я знал, что разговор не будет легким, но не подозревал, что настолько. И мне, несомненно, дьявольски неприятно видеть, как Джейн сходит с ума по Россу, как когда-то у нее было со мной.

Она.

Любила.

Меня.

Не его. Сейчас все наоборот.

Невыносимо видеть, как она признается ему в любви. Господи. У меня на глазах.

Росс протягивает руку, чтобы удержать Джейн, но девушка уже мчится двери, не подозревая, сколько опасностей в себе хранит город за пределами этого номера. Она не успевает даже дотянуться до ручки, потому что вздрагивает от страха, услышав стук. Мы с Россом переглядываемся, а затем он заводит девушку себе за спину и отворяет. Я думал, это Иветт, но промелькнула мысль, что она-то стучаться бы не стала.

На пороге стоит... Сложно выразить то, что крутится у меня в голове, но перед нами копия Ив мужского пола. Те же ярко-зеленые глаза, темные, коротко стриженные волосы, смуглая кожа, как у моей подруги, практический одинаковый рост. И взгляд, наполненный уверенностью, ни капли сомнения. В чем? В себе. В моменте. В месте, где он находится. Понятия не имею.

— Добрый вечер, Эйден, Росс, мисс Мортис, — произносит он и улыбается так, что на щеках у него выступают глубокие ямочки, которых точно нет у Иви. Я непроизвольно провожу параллель между ними. Схожесть сильна.

Брат? Брат-близнец?

Нет. Невозможно. Ив не говорила, что у нее есть братья, или сестры.

Мой взгляд машинально перемещается за спину странного парня, и я чувствую зарождение холода в груди, когда не наблюдаю Иветт.

Демон. Один из старших, чистокровных.

Он читает вспыхивающую враждебность, которая искажает мое лицо, и вскидывает руки, словно тормозя меня и предотвращая то, что я собираюсь сделать.

А я намерен защитить Джейн и своего брата.

— Прежде, чем ты начнешь размахивать кулаками, позволь сказать, — криво ухмыльнувшись, демон в черном пиджаке и брюках в тон складывает ладони впереди и бесцеремонно входит в номер, не соизволив спросить разрешения. — Я пришел к вам не потому, что хочу убить. Все с точностью наоборот. Я здесь, чтобы предложить свою помощь.

ГЛАВА 7

ЭЙДЕН

Мне не нравится то, как новоявленный гость смотрит на Джейн. Росс закрывает ее своим телом, но она выглядывает из-за его плеча. Ее боязливое любопытство вызывает у демона широкую улыбку.

— Какая прелестная, — восторженно произносит он, буквально пожирая ее горящими глазами. В них пляшут шаловливые огоньки, и я в шаге оттого, чтобы начать бить его возбужденное, чертовски раздражающее лицо. — Разве вы позволите этой красоте так несправедливо погибнуть, парни?

Когда демон делает шаг вперед, я мгновенно реагирую. Хватаю его за ткань пиджака в области плеча и пригвождаю к стене. От взрывающегося адреналина мой пульс удваивает темп, я предвкушен и одурманен нахлынувшей силой. Демон с высоким, отрывистым смехом поднимает руки в жесте: «Сдаюсь».

— Что из моих слов: «Я пришел вам помочь» ты не понял, Эйден?

Моя ярость, с которой я сжигаю гостя дотла, лишь веселит его.

— Почему-то с трудом верится в твою доброжелательность, — шиплю я. Знаю, что мое превосходство над чистокровным лишь иллюзия, я дерзок, потому что он позволяет мне вести себя так. — Может быть, потому что ты пытаешься запудрить нам мозги? Что думаешь?

— Я думаю, что у тебя проблемы с доверием и контролем над гневом, — спокойно отвечает брюнет и внезапно обхватывает пальцами мои запястья.

Он с непринужденностью убирает от себя мои руки и отталкивает с неизменно азартным выражением.

— На лицо явные признаки биполярного расстройства, но я не твой психотерапевт. Однако настоятельно рекомендую записаться на прием к врачу, когда мы... — чистокровный разводит руки в стороны, обводя широким жестом всех здесь присутствующих, —

совместно уладим парочку проблем. Знаете, — он поднимает вверх указательный палец, а вторую руку убирает в карман черных, отутюженных брюк, — я считаю оскорблением то, что вы приняли меня за одного из моих неотесанных братьев. Я совершенно не такой. Они на коротком поводке у Ада, а я сам себе хозяин. И я достаточно силен, чтобы разобраться с вашим нежеланием следовать законам демонов. Бунт — то, что я о-о-очень люблю. У неповиновения терпкий вкус, но его хочется смаковать вновь и вновь.

— Много болтаешь, — Росс, который терпеливо молчал на протяжении всего этого безумно долгого монолога, не выдерживает. — Если пришел помочь, то говори, что тебе нужно взамен.

Все так же держа одну ладонь в кармане, предполагаемый близнец Иветт делает большие шаги вперед. Я и Росс напрягаемся, когда тот проходит мимо брата, и мне удается заметить, как мерзавец бросает на Джейн заинтересованный взгляд и лукавую полуулыбку.

— Нет, ну вообще я понимаю, почему вы так зациклились на ней, — говорит мужчина, присаживаясь в кресло.

Он делает глубокий вздох, ведет рукой в воздухе и закидывает ногу на ногу. Потом его зеленые глаза обводят всех нас.

— Меня зовут Себастьян. Если вы знаете мою сестру Иветт, тогда для вас все очевидно, — он издает смешок. — Да, я ее брат. Но все, что нас связывает — это только внешнее сходство, — демон вновь вздыхает, и в этот раз тяжелее и озабоченнее. — На самом деле, у меня к ней самые нежные чувства. Она хороший человек... — Себастьян прерывает себя на полуслове и громко смеется, демонстрируя белозубую улыбку. — Человек... Смешно, правда?

Росс не выдерживает и, буквально подлетев к нежеланному и неожиданному гостю, нагибается, кладя ладони на подлокотники кресла. Угрожающую интонацию брата я могу различить отсюда, пока подменяю его работу охранника, встав рядом с Джейн.

— Или ты рассказываешь, зачем пришел, — шипит Росс ненавистно, — или проваливаешь! Ты меня понял?

Следующее, что он делает — это ударяет сильно по боковой опоре старого кресла.

Росс не отходит от него еще некоторое время, выдержав долгий

взгляд демона. Тот, в конце концов, кивает, опустив уголки губ, но глаза его не перестают улыбаться. Ни на мгновение.

— Вполне, — звучит его абсолютно не дрогнувший голос.

Тогда-то брат подается назад и занимает свое место, вытеснив меня и отдалив от Джейн. Я не упускаю из виду, что она смотрит на меня, когда я нехотя отхожу.

— Где Ив? — с нажимом требую я.

— Решила прилечь на пару минут на задних сидениях в моем автомобиле, — Себастьян наклоняет голову вбок. — Интересно, чем же ты так приглянулся моей сумасбродной сестренке? Она отвернулась от собственной семьи ради дружбы с тобой. Это так... Это так... смешно! Но, — демон, у которого явно не все дома, вдруг хлопает в ладони, — я рад, что она окончательно разорвала наши «крепкие», — с закатанными глазами он делает пальцами кавычки, — семейные узы. Родители полностью разочаровались в своих детках...

— Нам плевать на детали твоей биографии, — выплевывает Росс.

Себастьян оценивающе наблюдает за действиями брата по отношению к Джейн. Он прижимает ее к своему боку, выглядит чертовски злым и готовым к обороне в случае, если невоздержанный на язык демон попытается атаковать.

— Я очень давно наблюдаю за вами, братья Картеры, — признается Себастьян, переплетая пальцы. Он опускает руки на бедро и вздыхает. — И за тобой, очаровательная Джейн.

Когда демон подмигивает ей, я слышу грудное рычание. Оно прорывается из самых глубин моего естества. Но Себастьян игнорирует мою ярость, которая близка к черте терпения. Вот-вот она станет необузданной дикостью, которую я изолью на чистокровного. И пусть моя несдержанность может убить меня, я не остановлюсь.

По крайней мере, выиграю время для Джейн и Росса.

— Вы правы. Взамен на свою помощь я вынужден попросить вас об одной крохотной услуге, — указательным и большим пальцем Себастьян показывает нам ничтожность своей еще не прозвучавшей просьбы. — Это не составит для вас почти никакого труда.

— Что мы должны сделать? — я удивлен тому, с какой

сдержанностью проговаривает вопрос мой брат.

Джейн испуганно хватается за его руку, жмуря глаза. Я ненавижу себя еще больше, видя то, как безудержный страх и желание очутиться как можно дальше отсюда съедают ее.

— Верните Анну Гарнер в Дайморт-Бич. Доставьте ее лично мне.

Я слышу посерьезневший и деловитый голос Себастьяна, но едва что-либо чувствую. Я хочу подойти к Джейн и забрать ее у Росса.

Вернуть ее.

Навсегда.

Услышав имя Анны, она поднимает голову и вопросительно смотрит на демона, вальяжно занимающего старое кресло. На его лице не остается прежнего легкомыслия. Он медленно переводит взгляд от Росса ко мне, и обратно.

— Для чего? — я и Росс синхронно озвучиваем свое недоумение.

— Вам ни к чему знать об этом, — с дразнящей, однобокой улыбкой отзывается Себастьян.

— Нет, черт возьми! Мы имеем право знать, — негодуя требует Росс. — Либо ты говоришь, либо...

— С ее помощью я открою Тардес. Вот вам причина.

И все вновь возвращается к Анне Гарнер и Тардесу.

Черт. Если бы я только знал, что эта девчонка такая проблематичная... Наверняка Росс сейчас задается тем же вопросом. Что, если бы он не встретил ее однажды?

Но я больше не вижу в Себастьяне лютого врага. Я не проникаюсь к нему доверием, однако понимаю, что союз с ним полезен для меня. Для моей цели. Если мы заключим сделку с этим чистокровным, мои шансы на то, чтобы вернуть душу Джейн, резко увеличатся.

— Мы понятия не имеем, где она находится, — отрезает Росс, не отрывая от Себастьяна испепеляющего взгляда.словно весь мир обратится в руины, если он перестанет проделывать дыру в демоне. — И не собираемся выяснять.

Чистокровный тихо хмыкает и приподнимает одну бровь.

— Я предложу в последний раз, Росс, — с несгибаемым хладнокровием предупреждает Себастьян. — Приведите мне ведьму Гарнер, и я избавлю вас от преследующего возмездия за ослушание.

— Черта с два, — рычит Росс. — Катись в Ад со своей сделкой.

— Очень жаль слышать отказ, — с театральным разочарованием вздыхает Себастьян и не без изящности встает с кресла. Он поправляет на себе пиджак и ворот белой рубашки. — Другие демоны будут здесь... — чистокровный встряхивает рукой, и из-под рукава показываются дорогие часы, — через сорок семь часов, плюс минус тридцать минут.

У меня на секунду спирает дыхание в горле.

Чуть меньше двух суток — вот, что нам осталось. За это время можно пролететь пол мира, но я знаю, что, даже действуя оперативно, сбежать не получится. Где бы мы ни были, демоны найдут нас. А скрываться до конца своих дней... будет ли тогда это жизнью?

— Стой, — звучит мой сиплый голос. Я не поднимаю головы, но чувствую, что Себастьян внял моей просьбе и ждет, что я скажу дальше. — Мы согласны.

— Что ты такое несешь, Эйден?! — взрывается Росс. Его внезапный крик заставляет Джейн вздрогнуть. — Мы ни хрена не согласны, понял, чистокровный ублюдок? Я не согласен! Уясни это и запомни, что я не изменю своего мнения. Я защищу Джейн без твоего вмешательства.

— И как же быть? — растягивая слова, проговаривает Себастьян. Его голос звучит слегка приглушенно и вдумчиво, словно он обращается к самому себе. — К чьему ответу мне прислушаться?

— Мы не согласны, — по слогам отчеканивает Росс.

Я поднимаю тяжелый взгляд на Себастьяна.

— Я приведу к тебе Анну.

— Эйден... — Росс с силой сжимает кулаки, что на его руках вздуваются вены и белеют костяшки пальцев.

Я игнорирую его.

— Не смей, — тише и сдавленно добавляет он.

— Как занимательно! — когда Себастьян восклицает это с оживлением, меня перекашивает от отвращения. — Один брат «за», другой — «против». Я предполагал, что все сложится именно таким образом. Поэтому, — коварный взгляд демона перемещается на Джейн, — я хочу узнать, что выберешь ты, милашка. Чью сторону примешь? Росса, или Эйдена?

— Не впутывай ее в это, — с угрозой говорю я.

— От твоего ответа будет зависеть судьба вас троих, Джейн, — лилейным голосом обращается к ней Себастьян. — Но прежде, чем ты озвучить этими прекрасными, пухлыми устами свой ответ, позволишь кое-что рассказать?

Отчего-то становится невыносимо дышать. Я хватаюсь за горло рукой, чувствуя, как легкие начинают гореть от нехватки воздуха. Я пытаюсь сделать вдох, хотя бы крошечный, но безуспешно погружаюсь в агонию. Перед глазами стелется пелена неясности, но я вижу, что с Россом происходит нечто подобное.

Что это, черт возьми?

Воздействие Себастьяна на нас?

Джейн в ужасе смотрит на то, как Росс и я корчимся от неизвестной боли. Она прижимает одну руку ко рту и опускается на колени рядом с братом, когда тот падает от сразившего его бессилия. Я не понимаю, как сам оказываюсь на полу, упираюсь ладонями в пол и с мучительной медленностью теряю сознание.

— Не слушай его, — Росс хрипит эти слова Джейн.

— Что с тобой? — она плачет. — Что вы с ними делаете? Почему они... боже... Пожалуйста, прекратите!

До моего слуха доносится отдаленный стук каблучков ботинок Себастьяна. Я вижу краем глаз, как он идет в направлении к Джейн. В попытке остановить его, ухватиться за ногу чистокровного, я окончательно падаю, растягиваясь на полу. Но продолжаю тянуться.

Я и Росс знаем, что Себастьян собирается сказать Джейн.

Мы отчаянно пытались уберечь ее от этого, но сейчас все кончится.

— Милая Джейн, — сладко поет Себастьян. — Что, если я скажу тебе, что и Росс и Эйден обманывали тебя? Утаивали правду,

которую ты имеешь полное право знать.

— Я... не понимаю, — лепечет Джейн. — О чем вы...

— Я о твоей душе, детка. О твоих воспоминаниях. Что, если они находятся где-то очень далеко, за пределами нашего понимания и видения этого мира? Запечатанные и невредимые. После того, как ты попала в аварию, твоя душа, которая буквально и значит память, переместилась в темное, холодное место, зовущееся Тардесом — загробной темницей душ. Те, кому ты доверяла, кого любила в своей прошлой жизни и любишь в нынешней, предали тебя, не сказав этого. Они знали о том, что стало с твоей душой. И использовали твое неведение в собственных, корыстных целях... Ведь так, Росс?

В ответ Себастьяну звучит шипение, громкие хрипы и обрывки ругательств.

Демон заливисто смеется.

— Возможно, то, что я сейчас скажу, окончательно поможет тебе выбрать сторону.

— Джейн... — я собираю остатки сил и привстаю на локтях.

Я вижу Себастьяна, склонившегося над дрожащей, словно осиновый лист, Джейн. Ладонь демона лежит на маленьком, остром подбородке девушки, приподнимая его. Мне чертовски горько оттого, что я не могу остановить Себастьяна и уберечь Джейн от ужасной правды, которую ей предстоит услышать.

Себастьян прижимается губами к ее уху и что-то говорит. Он улыбается, произнося убийственную правду, безвыходно слушая которую Джейн стремительно меняется в лице. Оно резко бледнеет и вытягивается, а карие глаза, искрящиеся чувствами, становятся пустыми.

Я хочу протестовать, но у меня нет сил. Я хочу встать, набить морду этому выскочке из дьявольского пепелища. Желая повернуть время вспять и закрыть дверь перед носом этого уроды, психологического маньяка подземного происхождения. Мне стоило предвидеть это. Мне стоило быть более дальновидным. Но теперь я обездвижен.

Как и Росс.

Брат пытается подняться и принять положение, которое принял я

несколько минут назад. Но локти его не держат. Он падает, поднимается снова и снова. Преодолевает себя почти с десятков раз. Ради нее.

Ради Джейн.

— Не слушай его! — кричит он настолько громко, насколько это вообще возможно в нашей ситуации.

Горло как будто горит. Любая попытка заговорить делает больно, словно меня режут изнутри. Представляю, как дорого ему дается этот крик.

Но потом Росс, невзирая на боль, орет опять. Более настойчиво.

— Джейн, слушай меня! Джейн... — брат издает невольный возглас, его голова падает на пол.

Вскидывая ее, он делает над собой гигантское усилие. Все, что делаю я — непрерывно наблюдаю за реакцией Джейн. За ее лицом, выражением, которое выдает равнодушие и безразличие.

Настоящая, истинная опустошенность.

Я боялся этого.

Я боялся этого больше, чем ее гнева.

Вдруг Себастьян встает на ноги, и я вижу, как он отдаляется. Все дальше и дальше от нас. А потом — внезапные щелчки пальцами обеих рук, после чего я наконец-то могу позволить себе вздохнуть. Я дышу часто, взявшись за горло и опустив голову. Дышу так, словно у меня не было такой возможности очень долго. В полную силу вбираю в себя воздух этой комнаты, пропитанный грустью и мраком.

И лишь спустя несколько мгновений, когда я решаюсь поднять глаза, то вижу, что Росс медленно пододвигается к Джейн. Он буквально ползет к ней, и в отличие от меня ему не понадобилось ни секунды на восстановление дыхательных каналов и всего остального. Вернее будет сказать, для него важно совсем не это. Для него, по всей вероятности, важно то, что Джейн сначала уставилась в одну точку, ничего не говоря. Теперь я тоже обратил на это внимание и забеспокоился.

Я присаживаюсь на ковре, глядя на то, как дочь мэра Дайморт-Бич подтягивает колени к животу, свешивает одну руку, а другую, согнув в локте, прислоняет к щеке. Я слышу ее тихий плач, и у меня

щежит в груди. Сердцу становится так тесно в грудной клетке! Я чувствую, как мои брови отчаянно взлетают вверх, как мое лицо принимает вид страдальца, которому не подвластны очень многие вещи в мире. И уберечь Джейн от плохих эмоций, от горьких слез не в моих силах.

— Джейн, — говорит Росс охрипшим голосом, — пожалуйста, выслушай меня...

Я могу поверить, что он тоже плачет. Когда брат взмывает руки, чтобы обнять девушку, она отталкивает его. Слабо, но отталкивает. А сама отодвигается, прильнув к углу номера. К самому, мать его, углу.

Себастьян, которого не было слышно несколько долгих минут, дает о себе знать, цокнув многозначительно языком.

— Могу предположить, что домой Джейн отвезешь не ты, — он в шутливой манере указывает пальцем на Росса, — и не ты, — да, а теперь на меня.

Его фальшивая улыбка уродует и без того опротивевшую мне физиономию. Как он может шутить сейчас? Это вызывает у меня приступ агрессии, но Росс, на мою зависть и разочарование в себе, реагирует первым. Он вскакивает на ноги и бросается на Себастьяна, свергнув того, и вместе с ним падает на пол. Росс находится сверху, когда этому мудаку достается от моего старшего брата неплохой удар с левой. Но это все...

После испуганного вздоха Джейн героический поступок Росса подходит к концу, потому что Себастьян быстро приходит в форму и отстраняет от себя брата. То есть, даже не проявляя никаких стараний, он взбрасывает ладонь, после чего Росс оказывается у противоположной стены, что есть мочи, соприкоснувшись с ней спиной. Он падает вниз, телом сдвигая кресло. Ножки его скользят по старому полу, издавая неприятный звук. Себастьян же поднимается в считанные мгновения. Он всего лишь поправляет запонки и воротник пиджака, убедившись, как мне думается, что выглядит превосходно.

Козел.

— Вам не нужно со мной соперничать, — изрекает демон ровно. — Все равно в выигрыше останусь я. И, так или иначе, добьюсь своего. Я хочу, чтобы вы нашли для меня Анну, — его голос холоден, слова звучат так просто, словно льется песня.

Он, наверное, насмотрелся ужасов на своем веку. Для него плачущая девушка с разбитым сердцем ничего не значит.

— Я уже сказал... — начинает было Росс.

Но Себастьян быстро надвигается в его сторону, присаживается на колени около моего брата, чем заставляет меня напрячься, поэтому я встаю, пока что просто наблюдая.

— Давай сначала вместе посмотрим одно кино, а потом ты поделишься впечатлениями, приятель, ммм? — не с насмешкой, но с иронией выходит это предложение у демона.

А следующее, что он делает — это приставляет пальцы к вискам Росса. Глаза моего брата закатываются... О, черт! Они... они стекленеют и белеют. Джейн, сидящая в противоположном углу, громко ахает и от страха сжимается.

Я прекращаю дышать.

Кажется, что время останавливается.

ГЛАВА 8

РОСС

Полгода назад я забрал у Пейдж Дайтон ее любимого дедушку. Тот сильно болел, мучился, ему был нужен этот покой. Я рад, что спустя шесть месяцев, в Хэллоуин, вижу Пейдж здесь, у входа в колледж, где уже началась вечеринка. На ней красный костюм знойной демоницы, и когда я замечаю ее улыбающейся, то внутренне ликую. И, словив себя на этом, слегка удивляюсь.

Огромная толпа сливается на территорию колледжа. Я жму на газ и продолжаю движение в сторону парковки. Эйден, наверное, уже здесь. Нужно позвонить ему. Надеюсь, что он не напялил на себя что-то несуразное. В смысле, мы, конечно, не договаривались, однако я решил не наряжаться. Мы пришли на этот дурацкий праздник только ради Джейн. Мне уже не терпится увидеть ее, поговорить с ней. После того, что ей сказал Себастьян, она перестала общаться со мной, избегает меня, черт возьми. Это сводит с ума — то, что я не могу ее касаться, не наблюдаю ее улыбку, посвященную мне.

Припарковав джип, я выхожу из него и блокирую дверь ключом. Но стоит мне повернуться, как мое сердце замирает. Джейн Мортис только что вышла из машины с одной из студенток, Синтией. Они с блондинкой смеются, шагая вперед по асфальту и сжимая в руках телефоны.

Я рад, что Джейн пришла в себя после того, что произошло с ее машиной. Я не был уверен, что это произойдет достаточно быстро, но даже без меня ей удалось восстановиться.

На ней костюм Белоснежки. Желтая юбка с белым подъюбником не достигает щиколоток, как у принцессы в сказке, но прикрывает колени. И это смотрится даже красивее, чем на экране у актрис. Ей к лицу обруч с бантом, украшающий распущенные волосы. Я так долго смотрю на Джейн, заглядываясь с раскрытым ртом, что даже упускаю из виду, как идет белокурой Синтии ее костюм полицейского. Никогда бы не подумал, что это будет смотреться на ней забавно, но все так.

Прежде чем остановить себя, зову Джейн по имени, и на

парковке, полной машин, но лишенной людей, эхом отдается единственное громкое слово, сказанное мной.

Они с Синтией останавливаются, повернувшись ко мне. Отсюда я могу видеть, как меняется выражение лица Джейн. Уголки ее губ медленно сползают вниз. Мои внутренности завязываются в морской узел, когда она смотрит на меня своими шоколадными глазами.

В темноте, которую рассекают светом несколько прожекторов, я рискую, делая пару шагов вперед. Даже не чувствую, как дышу. Кажется, эта функция потерпела крах. Ни на секунду не отрываю взгляда от Джейн, сжимая кулаки от волнения. Синтия треплет подругу по плечу, что-то шепчет ей на ухо, а потом удаляется.

Боже, как же я благодарен ей за это!

— У тебя есть ровно тридцать секунд, чтобы сказать мне то, что хотел, — высокий голос Джейн полон театральной важности, и мне хочется потрепать ее по волосам, смеяться над ней в голос, чтобы она разозлилась на меня. Видеть ее с абсолютным равнодушием на лице хуже всего на свете.

— Я не собираюсь говорить, — произношу на ходу и останавливаюсь лишь тогда, когда между нами не остается расстояния.

Я дерзко вторгаюсь в зону личного пространства Джейн и помещаю ее маленькое лицо в свои ладони. Я наклоняюсь к девушке и пламенно целую, прижимая ее вздрогнувшее тело к себе. Я тереблю пухлые, теплые губы Джейн так страстно, что становится тяжело дышать. И мне, и ей. Хочу поглотить Джейн. Хочу, чтобы она окунулась в опьяняющее вожделение вместе со мной. Я так давно во тьме и нуждаюсь в Джейн, как в сверкающем, неумолимом луче солнца.

Я отстраняюсь, но лишь на секунду, чтобы сделать глубокий вдох и продолжить совращение Джейн. Я уверен на сто десять процентов, что если буду напористым, то эта удивительно красивая девушка сдастся мне и позволит одержать над собой контроль. Я не из тех, кто опустит руки, потерпев поражение в битве. Я не сдамся даже тогда, когда проиграю всю войну.

Сердце Джейн стоит того, чтобы сражаться за него до последнего вдоха. Я чертовски сильно провинился перед ней. Не знаю, сумею ли когда-нибудь простить самого себя, но верю, что

Джейн достаточно добродушная, чтобы сделать это за нас двоих.

— Перестань... — задыхаясь, девушка изворачивается в моих объятиях. — Прекрати, Росс! — но она сопротивляется не в полную силу. Я чувствую сомнение в каждом ее движении. То, как Джейн упирается одной рукой мне в грудь, а второй пытается сбросить со своего лица мои ладони. — Отпусти! — она обрывисто отпускает слова с редкими выдохами, которые ей удастся сделать в перерывах между поцелуями, которые я не в силах проигнорировать, иначе мы задохнемся.

Я захватываю зубами верхнюю губу Джейн, пальцами очерчивая ее напряженные скулы. Второй рукой скольжу вниз, к шее, и мягко обхватываю заднюю часть, подталкивая к себе Джейн. Она несогласно мычит мне в рот, который намертво приклеен к ее рту.

Она не сбежит, пока я не позволю.

— Росс! — Джейн вскрикивает, когда я опускаю правую руку на ее задницу и крепко сжимаю.

— Тридцать секунд уже прошли? — я делаю выдох сквозь стиснутые зубы и прижимаюсь носом в плечо Джейн. — Теперь я готов поговорить с тобой. Давай уйдем отсюда и уединимся... Ты чертовски сильно возбудила меня, Джейн, — в глазах все кружится, когда я поднимаю голову, чтобы взглянуть в сердитые, темные глаза.

— Ты сам себя возбудил! — ворчит она, сдувая с лица выбившиеся из прически пряди волос. Даже в тусклом свете я вижу, как горят ее щеки. Я чувствую ее сумасшедшее сердцебиение. Мое бьется на несколько ударов чаще.

— Правда? — я невинно хлопаю ресницами, продолжая путешествовать рукой по совершенному, упругому телу девушки.

— Боже, — она приподнимается на цыпочки, получая наслаждение от моих прикосновений, но упрямо продолжает игнорировать то, что ее тянет ко мне.

— Хватит дуться, — я наклоняюсь к Джейн, чтобы прошептать это ей на ухо.

С неожиданной силой она отталкивает меня от себя.

— Еще раз сделаешь нечто подобное, и я...

— Ответишь мне, — перебиваю, делая большой шаг вперед.

Одновременно с моим действием Джейн так же отступает на шаг. — И все повторится. Будет происходить вновь и вновь, потому что нам обоим нравится быть друг с другом. Отпусти прошлое и поверь мне. Настоящему. Тому, кто стоит перед тобой в эту минуту и говорит все это.

— Даже сейчас ты не перестаешь быть легкомысленным! — она возмущенно взмахивает рукой. — Ты сделал мне больно, Росс. Ты обманывал меня и скрывал то, что столько времени терзало меня. Проклятье! Я не могу спать нормально с тех пор, как очнулась в больничной палате. Ты... Да ты...

— Джейн.

— Просто оставь меня в покое, Картер. Я серьезно, — она пятится назад, мотая головой. — Я не хочу иметь никаких дел ни с тобой, ни с Эйденем.

Джейн уходит. Мчится, спотыкаясь, к центральному зданию колледжа, где столпотворение студентов растет в геометрической прогрессии с каждой минутой. Перебирая про себя ругательства, я смотрю ей вслед и все отчетливее понимаю, что нужно было прикончить Себастьяна, а не позволить ему ускользнуть.

Зарывшись пальцами обеих рук в волосы, я запрокидываю голову назад. Мой взгляд цепляется за бесконечное множество звезд на ночном небе. Я закрываю глаза, затем открываю. Делаю глубокий вдох, чтобы обуздать и ту животную страсть, что проснулась во мне, и ненависть, которую испытываю. Безграничную ненависть. Ее слишком много, и с ней мой мозг не справляется. Она отравляет мое сердце, отправляет мою жизнь.

Вздохнув еще раз, наконец-то, выпрямляюсь и шагаю в сторону колледжа. Джейн уже спряталась в здании. Хочет она того, или нет, но я буду рядом. По крайней мере, сегодняшней ночью точно. Как и Эйден. Потому что за этим мы и здесь: чтобы защищать ее, чтобы проследить о ее возвращении домой в целости и сохранности.

Внутри какой-то молодой парень со странной прической протягивает мне красный, пластиковый стаканчик с такой улыбкой, будто предлагает золото.

— Пива, чувак?

Я мотаю головой, протискиваясь вперед, но тот догоняет меня и

буквально впихивает мне напиток, прислонив стакан к груди. Он пьян. Его зрачки значительно расширены. А может, еще и нюхнул чего-нибудь...

— Чуваааак, — противно протягивает парнишка, — ты чего такой не приветливый? — он оглядывает меня с интересом, а когда возвращается к моему лицу, кажется слегка удивленным. — И где твой костюм?

На нем, кстати говоря, наряд средневекового принца. Слушайте, а вообще такое надевают на Хэллоуин, да? Мне становится смешно, но я прокашливаюсь в кулак и, окончательно распрощавшись с парнем, вежливо посылаю его, а затем прорываюсь через толпу.

Как же много людей здесь! Неудивительно, что администрация колледжа не успевает контролировать всех: ведь и пить, и нюхать всякую дрянь здесь запрещено. Это учебное заведение, а не притон. Проходя к широкой лестнице, я замечаю Джейн, которая общается с Синтией. Вижу, как блондинка передает моей девушке (никакой, нафиг, не бывшей!) пластиковый стакан и сама отпивает из своего. Что они хлестают?

С настроением плохого полицейского я иду к ним. Джейн обращает на меня внимание и слегка вздрагивает, когда замечает в поле своего зрения парня, с которым рассталась минут двадцать назад на парковке.

— Что вы пьете, девушки? — говорю я серьезно, без шуток.

Скинув с себя пиджак, я вешаю его на перила деревянной лестницы. Джейн издает разочарованный и раздраженный вздох. Без этого.

— Слушай, Росс, — начинает малышка довольно грубо, — почему бы тебе просто не свалить?

Да и заканчивает она в таком же стиле. Уголки ее губ в искусственной манере взлетают вверх. Я вторю ей, и даже не чувствую ни капли сожаления, что достаю девушку и ее подругу. Синтия внимательно разглядывает нас. По искрящимся голубым глазам я могу сделать вывод, что блондинке интересно.

— Понимаешь ли, я не могу, — забросив одну руку на перила — туда, где покоится мой пиджак, я сверлю Джейн взглядом. — Я исполняю роль телохранителя.

Синтия неожиданно вмешивается в разговор.

— Все нормально! — взмахивает она ладонью. — Это самое безопасное место в городе, да и что может вообще случиться с нами? — смеется девушка, однако не вызывает такой же реакции у Джейн.

Потому что моя Джейн прекрасно знает, ЧТО может случиться.

Я вздыхаю и скрещиваю руки на груди.

Джейн вторит мне, но при этом еще сверлит меня сощуренным взглядом.

— Ты все еще не хочешь разговаривать со мной? — сдержанно интересуюсь.

Следует упорное молчание.

— Ладно, — киваю я, уходя в толпу бессвязно танцующих юнцов. — Я подойду через... — указываю пальцем на стаканчик в руке Джейн, — в общем, когда ты будешь более расположена к беседе.

Отворачиваясь от нее, я наблюдаю, как она выливает свою порцию алкоголя Синтии. На моих губах расцветает усмешка.

Я чувствую себя сталкером, украдкой наблюдая за притворным весельем Джейн издалека. Она прикладывает все усилия к тому, чтобы казаться непринужденной и не отягощенной бременем, которые мы с братом, сами того не желая, возложили на ее плечи. Но если приглядеться, то можно увидеть беспросветную печаль в темно-карих глазах, глядящих не на сцену, где выступает местная рок-группа, исполняющая музыку в стиле альтернатив, а в пол.

Белокурая Синтия из кожи вон лезет, чтобы привлечь к своей не скромной персоне как можно больше внимания. На то, как изгибается ее фигуристое тело, плятятся зубрилы и качки в радиусе тридцати футов. Но меня интересует вовсе не это. Джейн так же притягивает к себе заинтересованные, похотливые взгляды парней — вот, что дико злит.

Я собираюсь подойти к ней и увести подальше от прыщавых сосунков, у которых бушуют гормоны, но внезапно на моем пути появляются две фигуры.

— Так ты теперь повсюду будешь таскать за собой эту

ненормальную? — обращаюсь к Эйдену.

— Господи, кто это сейчас пикнул, а? — Иветт, державшая его под руку, прикрикивает это и вопросительно смотрит на моего брата. — Ох, стальные ягодицы Райана Гослинга, — приложив руку ко рту в жесте изумления, она поворачивает голову в мою сторону. — Теперь понятно, почему в воздухе витает такая мрачная атмосфера... Знаешь, Росс, ты и вечеринки — две абсолютно, — она подчеркивает слово «абсолютно» резким движением руки, которая только что была у губ, — не сопоставимы друг с другом. Пожалуйста, проваливай отсюда на хрен и не порть нам веселье. Ты же знаешь, где находится выход? Тебя проводить?

— Твой рот извергает слишком много ерунды, крошка, — я кривлю лицо в гримасе мучительной скуки и смотрю на Эйдена. — Зачем ты привел ее с собой?

Благо мой брат не совсем поехавший и решил наплевать на дресс-код вечеринки. На нем черная рубашка и темные джинсы. Классика. Но Иветт... Кажется, она отнеслась со всей серьезностью к отстойному Хэллоуину в Дайморт-Бич. Точь-в-точь подружка Джокера в обтягивающих шортах, короткой футболке, бомбере и с битой. На ней парик, и макияж выполнен с поразительной точностью.

— Знаешь, ты пятая Харли Квинн, которую я вижу за сегодняшний вечер, но из всех — самая натуральная подделка, — спешу обрадовать Ив, которая не перестает гаденько улыбаться мне. — Думаю, тебе бы идеально подошел костюм медузы. Я тебя только в нем и представляю, — и подмигиваю ей.

— У тебя чертовски извращенный вкус, — парирует Иветт.

— А теперь вы оба, — громко вмешивается Эйден, — замолчите. Ты прекрасно знаешь, — говорит он мне, — почему Иветт здесь. Точнее ради кого.

Эйден убежден, что дело в Джейн.

Но Иветт здесь исключительно из-за него.

— Плевать, — я решаю прекратить бессмысленную беседу с этой парочкой и кручусь вокруг своей оси в поисках выпивки. — Мне необходимо взбодриться.

Я почти добираюсь до стола с десертами, где кучкуется группа зомби-парней, глотающих виски, как вдруг в большом зале для

мероприятий пропадает свет. Всего лишь на мгновение замираю на месте и вслушиваюсь в тревожные звуки нехорошего предчувствия, которое селится в недостижимой глубине моей души. И как бы сильно ни хотелось, я не могу избавиться от этого странного чувства бесформенного, несбыточного страха.

Я вязну в оглушительном недоумении студентов, заполняющих каждый миллиметр окружающего пространства. Отовсюду доносятся возмущенные голоса, и бесконечный поток вопросов струится змеей, обвивая разум и сжимая его в тисках.

— Джейн, — я бессознательно произношу ее имя и ощущаю в себе острую необходимость начать немедленно двигаться в ее поисках.

Черт! Я понятия не имею, в какой она стороне, и как далеко от меня находится. Но я безоговорочно уверен в одном. Творится что-то неладное. Тягостный вкус подобного рода неприятностей отлично знаком мне. Поэтому прежде, чем что-либо случится, я должен найти Джейн и убедиться, что она в порядке.

Я бесцеремонно расталкиваю людей, пытаюсь отыскать в темноте знакомое лицо. Слышу, как кто-то просит всех соблюдать спокойствие и не паниковать. Этот голос обещает скорое возобновление электричества, но вскоре его заглушают возгласы требующих ответов студентов.

Затем слышится крик.

Слева от меня, может, в девяти-десяти футах. Пронзительный, истошный визг девушки, как будто ее режут заживо, прекращается спустя несколько секунд. Виснет гробовая тишина, и вопль слышится вновь. Только в этот раз реакция толпы следует незамедлительно.

Все несутся к выходу. К дверям, которые были распахнуты, но сейчас заперты.

— Выпустите нас!

Они безуспешно долбят в них.

— Эй! Это не смешно!

— Что за фигня?! Эй, откройте, чтоб вас!

— Пожалуйста, не паникуйте! Не паникуйте! — какой-то идиот до сих пор пытается призвать к спокойствию.

Я хватаю за шиворот всех, кто попадает на моем пути, вглядываюсь в их испуганные лица и отбрасываю.

— Джейн! — кричу я. — Джейн!

Крики повторяются. Мужские и женские. Несмолкаемые и обрывистые. Они становятся интенсивнее и оглушительнее. Я чувствую себя героем дешевого ужастика про психа-маньяка, убивающего детишек на вечеринках в Хеллоуин.

Твою мать, да что здесь творится?!

Кто-то хватается меня за руку, и высокий голос, бессвязно молящий о помощи, резко затихает.

Я пытаюсь разглядеть лицо девушки, которая никак не отцепится от меня. Но когда накрываю ладонью ее вонзившиеся в мою плоть пальцы, то ощущаю на них что-то вязкое, теплое и липкое.

Кровь.

Я отшатываюсь в изумлении, когда в мимолетной, неоновой вспышке света успеваю разглядеть искажившееся в невыносимом, жутком ужасе лицо девушки. С уголка ее губ стекает густая, темно-красная струя. Мои глаза округляются, когда я опускаю застывший взгляд.

Тело девушки — от ключиц до низа живота — рассечено.

От страха и ужаса я практически немею. В панике, не присущей мне, я отдергиваю обе руки назад, чтобы девушка не сумела вновь ухватиться за них. Но потом меня посещает мысль, в это время безумства и хаоса, что это из-за меня вся заварушка. Не будь нас с Эйденom здесь, демоны (а, скорее всего, это они и есть) не посетили бы это место. Нужно было уговорить Джейн сидеть дома. Все время. Так мы могли бы сконцентрироваться на спасении только ее жизни.

— Господи... — сам того не ожидая, шепчу я безвыходно.

Единственное, что я могу сделать — это провести девушку назад, к лестнице, где стоят несколько столов подряд, положить ее туда и...

А дальше что, Росс?!

Хватаюсь за голову. Да бл**ь! Почему я не могу быть таким, как раньше? Циничным, бесчувственным! Почему я не могу поступить

так с этой девушкой?! Мне нужно оставить ее здесь и уйти. Просто попрощаться с ней, прежде соврав о том, что все будет хорошо. Но вместо этого я беру ее на руки и, оглядываясь по сторонам, несущу девушку туда, куда и запланировал. Она скоро умрет. Но пусть хотя бы запомнит это — что кто-то о ней позаботился.

Студенты расходятся передо мной, и я быстро добираюсь до тех самых столов. Велю какому-то парню, в глазах которого плещется страх, все отсюда сбросить. Он, прислушавшись ко мне, скидывает на пол напитки и сладости. Я осторожно кладу ее на поверхность и закрываю глаза всего на мгновение. Всего на одно мгновение! А когда вскидываю ресницы, то девушка выпускает свой последний вздох.

Пытаясь контролировать все эти неожиданные эмоции, я опускаю голову и кулаками опираюсь о деревянную парту. После чего в мыслях о беспомощности и уязвимости я переворачиваю к черту несколько стульев и кричу, чтобы выпустить пар.

Оставив мертвое тело лежать у стены, я возвращаюсь в пепелище, сжимая кулаки и разминая шею, будучи нереально злым. Нереально рассерженным. Нереально обеспокоенным за Джейн.

Вопли продолжают. Это похоже на жуткую резню. Я с мандражом наблюдаю кровь повсюду. Стены и пол большого зала тонут в ней. Толпа всасывает меня, точно губка. Люди находятся в первозданном хаосе. Они напуганы так, что это передается мне, пока я продолжаю поиски Джейн. А так же поиски Эйдена и Иветт. В этот раз я обещаю себе, что ни в коем случае больше не позволю своей сентиментальности, внезапно проявившейся, взять верх надо мной и испортить все. Клянусь, что не прощу ни себе, ни этим вырождакам из Ада, если с Джейн что-то произойдет.

Окна в темном помещении принимают свет снаружи — свет полицейских мигалок. Звук сирен слышится все четче, и кто-то даже кричит с облегчением: «Наконец-то!», или что-то вроде этого... Наивные. Наивные, дьявол!

До меня доносятся отдаленные звуки и какофония голосов. Полиция угрожает нарушителям порядка своими командными фразами. Я думаю о том, что мэр города, скорее всего, вместе с ними здесь. И за него, если быть честным, я тоже волнуюсь.

Наконец, я замечаю Джейн.

Она прижимается к Синтии, и они плачут, забившись в угол за

сценой. Я собираюсь бежать к ним, но спотыкаюсь о мертвое тело парня, одетого как Дин Винчестер. Его горло перерезано, и побелевшие, неподвижные глаза безмолвно взирают на меня снизу-вверх. Я громко сглатываю приступ тошноты и переступаю через труп. Стараюсь не озираться по сторонам, сконцентрировавшись лишь на дрожащем теле Джейн.

— Они все... погибли... погибли... погибли... — когда я подбираюсь ближе к девушкам, то слышу бессвязное бормотание Синтии.

Джейн крепко обнимает ее за плечи и утешительно покачивает в своих руках.

— Не смотри туда, — сбивчиво говорит она. — Закрой глаза, Синтия.

Я падаю на колени перед Джейн и сгребаю ее в объятия. Между нами оказывается блондинка, которую прорывает, и она начинает захлебываться в истеричных рыданиях.

— Ты в порядке? — мое сердце сумасшедше колотится в груди от страха. Я отстраняюсь от Джейн и разглядываю ее лицо в ничтожном свете на наличие ссадин. Но она выглядит нетронутой, чему я безгранично рад. — Надо убираться отсюда.

Джейн прикрывает глаза на секунду, и я вижу блеск слезы на ее щеке. Она убирает одну трясущуюся руку со спины Синтии и проводит ею по своему лицу.

— Прости, — произношу я.

За то, что тебе пришлось увидеть эту чертову мясорубку.

— Мы ведь не умрем?! — Синтия впирается в мои руки, когда я помогаю ей встать на ноги. Она упирает в меня безумный, отчаявшийся взгляд огромных глаз. — Я не хочу умирать... Боже... — блондинка теряет равновесие, когда смотрит мне за спину.

— Эй, — я заставляю ее взглянуть на себя. — Соберись и перестать реветь. Я выведу вас отсюда. Поняла?

Я важничаю и строю из себя бесстрашного героя, который каждый день вместо вечерних пробежек бывает в таких заварушках. Но мне страшно. Неописуемо и дико. Я сохраняю непоколебимость, потому что Джейн смотрит на меня. Я ловлю ее взгляды —

благодарные, восхищенные, и оттого чувствую прилив уверенности в том, что смогу уберечь девушку, которую люблю.

Я переплетаю свои пальцы с пальцами Джейн и тяну ее к выходу, все же надеясь сломать двери. Джейн берет за руку Синтию, и мы делаем осторожные шаги, стараясь не наступать на мертвых студентов. Живых почти не осталось. За исключением нашей тройки, я вижу пятнадцать-двадцать человек, уже потерявших всякую надежду. Кто-то склоняется над мертвецами, обращаясь к ним с мольбами проснуться, кто-то бьется в истерику и кричит о скорой смерти. Это выглядело бы комично, будь я по другую сторону экрана на диване с миской чипсов и бутылочкой крепкого, ирландского пива.

Этот Хэллоуин надолго запомнится жителям Дайморт-Бич.

Среди живых я замечаю Эйдена. Он и Иветт тащат на себе троих студентов — двух девушек и одного парня. Они плетутся к единственному выходу из этой кровавой клетки. Эйден видит меня и на секунду жмурится, затем его губы расплываются в улыбке, и с них слетает вздох облегчения. Несмотря на цветущий хаос, я нахожу проблески счастья в чертах его лица. Он долго не может перестать смотреть на Джейн, и краем глаза я вижу, что она тоже смотрит на него.

Синтия, плетущаяся позади, завывает, не в силах сдержать любопытства. Она с нескрываемым трепетом разглядывает жертв расправы, уготованной лишь мне и Эйдену. Но пострадало невероятное количество людей.

Дальнейшее случается с молниеносной скоростью.

Я слышу скрипучий крик Синтии, который очень скоро обрывается, и протяжное, надломленное: «Нееет!» Джейн. Моя голова автоматически поворачивается на источник звука, но все, что я успеваю увидеть, это безвольно падающее тело блондинки с неестественно изогнутой шеей.

Время будто играет с нами. Оно вдруг замедляется после того, как мчалось со скоростью света, и дальнейший кошмар растягивается долгие-долгие часы, но проходят минуты.

Я прижимаю к груди изумленную Джейн, и она долго не может перестать вырываться. Она дергает конечностями, без умолка повторяя имя своей подруги. Но я не отпускаю ее, как бы сильно она

ни колотила меня в попытках избавиться.

Я крепче подхватываю Джейн и ускоряю шаг настолько, насколько могу с сопротивляющейся девушкой в руках. Чертовы демоны. С вихревой, головокружительной скоростью они сотворили преисподнюю в стенах Святой Марии и ни разу не показались на глазах. Сколько их? Одному, даже могущественному чистокровному не сотворить такое за столь короткий промежуток времени.

Джейн мякнет и больше не сопротивляется, когда мы достигаем дверей. У них толпится кучка парней и девушек. Мы подходим к ним, но шокированные происходящим детки настолько заняты собственным горем, что не замечают нас.

Вскоре присоединяются Эйден и Иветт. Мы с братом безгласно переглядываемся друг с другом, и я теснее прижимаю к себе Джейн.

— Мне жаль, — знаю, что в самую последнюю очередь Джейн нужны мои сожаления, но я хочу утешить ее боль.

— Что будем делать? — спрашивает Эйден.

Никто из нас не успевает ответить ему.

Чертовы запертые двери с тяжелым скрипом распахиваются настежь.

Джейн замирает в моих руках, потому что следующая картина невероятно ужасающая: ее отец и около десятка полицейских обездвижено лежат в лужах своей крови на асфальте перед главным входом в корпус здания.

— О, Боже! — полушепот, полувозглас срывается с ее губ, прежде чем я вскидываю глаза к дюжине демонов, окруживших окровавленные тела.

Среди них есть главарь. Высокий, статный и со шрамом, пересекающим лицо от левого виска до мочки правого уха. Он единственный, чьи руки чисты на вид — видимо, ему только нужно давать указания, кого убить и когда.

— Папа! — Джейн рвется вперед, но я удерживаю ее так же, как и Эйден, встав впереди.

Даже Иветт, уверен, повидавшая много всего, шокирована. Я замечаю, как она прикладывает ладонь к губам в абсолютном смятении. Она качает головой. Пока все затихли, и слышится только

плач девушек позади, голос Иветт раздается одновременно смело и подавленно:

— Какой же нужно быть сволочью, чтобы сотворить такое! — девушка оглядывает перед собой трупы.

Я изо всех сдерживаю рыдающую в мое плечо Джейн. Она сжимает в руках мой пиджак и кусает зубами ткань, заглушая эмоции.

Главарь взмывает ладонью с особой грацией, а потом прячет ее в карман.

— Я никогда не скрывал, что не ангел, а вот ты, Иветт, желаешь казаться той, кем не являешься, — он произносит это спокойно, а его шакалы стоят за ним, довольно скалясь, но в следующую минуту он будто бы выходит из себя. — Ты! — пальцем демон тычет в направлении Ив. — Ты просто никчемная дура, не заслуживающая ни родителей, ни статуса. Захотела стать человеком?! — смеясь, мужчина с черными-черными глазами фыркает. — Связалась с полукровкой? А теперь и от вида смерти тебе становится дурно?

Медленно, очень медленно он идет к нам. Его взгляд падает на Джейн, отчего я стискиваю зубы и сжимаю ее в объятиях еще крепче.

— О, — выдыхает демон, сооротив жалостливую физиономию, — как это мило... Любовь. А разве в детстве мама с папой тебе не говорили, что глагола «любить» для жалких отбросов Ада, как вы с братом, не существует?

Обманчивая ласковость в его голосе пугает. Даже меня. Представляю, что чувствуют остальные. Потом демон переводит свое внимание на Эйдена и, как и в случае с Иветт, указывает на него рукой.

— Романтичное отродье, — брезгливо изрекает смертоносец.

Он вздыхает, будто чертовски устал и вскидывает голову, уставившись в звездное небо. Прячет ладони в карманах, а его псы не сдвигаются с места.словно не живые.

— Мне стоило убить вас в первую очередь, — говорит демон, вновь взглянув в дверной проем, где стоим мы.

Студенты то ли загипнотизированы, то ли от услышанного и увиденного свихнулись. Все замолкли. Ни звука. Только монолог

безумца в костюме нарушает тишину. Но Джейн не перестает плакать — неслышно, слабо. Плечо моего пиджака промокло. Я боюсь только, что от душевной боли и нескончаемых слез Джейн может потерять сознание.

— Да, — отвечает вдруг Эйден, и я готов прикончить его за это! — Тебе стоило убить нас. Но ты не сделал этого.

Внезапная смелость братца совсем нам не на руку.

Заткнись, заткнись, заткнись, Эйден!

— Хмм, — выдает с незначительной улыбкой демон, оглядываясь на свою шайку, что так и продолжает насмехаться, — действительно... Какое упущение! — провозглашает подонок.

Мне не сразу удастся узнать нашего врага. Но когда его имя, проклятое и сеющее хаос, леденящим трепетом просачивается из самых глубин воспоминаний на поверхность сознания, я желаю провалиться сквозь землю, потому что демон, пришедший расправиться с нами, воистину монстр.

Имя ему Изаки. Он девятый канцлер Ада.

Один из самых беспощаднейших чудовищ, о которых я когда-либо слышал.

Когда мы с Эйденем были детьми, отец рассказывал страшилки на ночь. Ни одна история не обходилась без участия этого демона. Изаки принес черную смерть в мир живых, под его началом велись многие войны, сотрясшие человечество. Он изощренный, могущественный и коварный садист, не щадящий никого, кто посмеет перейти ему дорогу.

Сам факт его нахождения здесь уничтожает всякую надежду на спасение.

Мы загнаны в угол. Мы будем испепелены.

— Сыграем в игру, парни? — когда Изаки поднимает руку вверх, его подданные синхронно выступают вперед. Шаг за шагом они приближаются к зданию, и вот-вот окажутся внутри.

Куда нам бежать? Черт!

— Вы — пушечное мясо для моих псов, — он слегка наклоняет голову вбок, и на его лицо падает зловещая тень. — Бегите, уповая на

снисхождение вашего Господа. Кричите и умоляйте о спасении. Хочу слышать, как ваши уста произносят предсмертные крики. Напоите меня kloкочущим страхом, что растекается лавой внутри вас, — словно наслаждаясь и предвкушая предстоящее, Изаки запрокидывает голову и прикрывает веки. — Фас, песики.

Когда с его губ слетает последний звук, демоны растворяются в ночи.

Игра началась.

Мы все лихорадочно оглядываемся по сторонам, и как только одна из девушек, невысокая, рыжеволосая в костюме ведьмы, указывает на проход с левой стороны, соединяющий этот корпус с западным зданием, то бежим к нему.

Но все складывается совсем не так безоблачно, как я рисую в своем воображении. На нашем пути появляются три демона, и тех, кто на момент столкновения с ними находится ближе всех, рвут на части. В буквальном смысле, черт возьми. В считанные мгновения отделяют от туловища руки и ноги, отшвыривая их в разные стороны. Голова той самой рыжеволосой «ведьмочки» катится по полу и останавливается у мысков туфель застывшей от шока Иветт.

Я прижимаю Джейн к себе таким образом, чтобы она не видела этого.

Демоны исчезли так же внезапно, как и появились перед нами.

Стоит ли нам идти этим путем, или повернуть обратно? Какую дорогу выбрать? Где «гончие» Изаки не доберутся до нас?

— Вы должны уходить, — шепчет Эйден, глядя на разорванных студентов. По его лицу стекает пот, и он выглядит убитым виной и сожалением.

Наш персональный апокалипсис. Жестче сценария не придумаешь.

— Иветт, — он смотрит на девушку, которая по-прежнему не может оторвать взгляда от головы под своими ногами. — Эй, Ив, — Эйден подходит к подруге и мягко встряхивает ее за плечи. Наконец, она поднимает на него безжизненные глаза, в которых буйствует паника, изумление. В них мерцает влага. — Ты сможешь увести отсюда остальных?

— Что? — она заторможено мотает головой. — Я не оставлю тебя... вас. Даже не проси. Я могу помочь. Я... не подготовилась для такого, но у меня есть кое-что, что поможет нам сбежать.

— Вот и отлично, — Эйден находит в себе мужество, чтобы ободряюще улыбнуться ей. — Используй свою силу и знания, чтобы спасти жизни этих людей. Мы с Россом задержим демонов, чтобы дать вам больше времени.

— Но...

— Все вышло из-под контроля, Ив. Пожалуйста, я больше не хочу ничьей смерти. Послушай меня и сделай так, как я говорю. Прошу тебя.

— Я не согласна! — Иветт скидывает его руки со своих плеч. — Я вернулась не для того, чтобы бросить тебя. Снова.

— Им нужны мы, — звучит непреклонный голос Эйдена. — Только я и Росс. Если мы разделимся, они пойдут за нами и не тронут вас. Ты знаешь, что я прав.

— Я... хорошо, — в итоге она сдается и берет на себя ответственность за жизни напуганных до чертиков ребят, которые пришли повеселиться и оттянуться на вечеринке, но стали жертвами представления Изаки.

— Джейн пойдет с вами, — добавляет Эйден не без дрожи в голосе. Он сомневается, но считает это лучшим выходом. Но... проклятье, я не могу согласиться с ним.

— Черта с два, — рычу я, отступая от них с Джейн, которая все еще плачет в моих надежных объятиях. — Я не отпущу ее с Иветт. Даже не думай.

— Росс, — с нажимом произносит брат. — Ты вообще слушал, что я только что говорил? Если Джейн пойдет с нами, она абсолютно точно умрет! — «или увидит нашу смерть» Эйден не решается сказать, но я вижу это в его красноречивом взгляде, устремленном на меня.

Дерьмо!

Стискивая с силой челюсти, я давлюсь ругательствами, которые рвутся наружу. Черт бы побрал моего младшего брата за хреново умение убеждать и делать все так, как он велит!

Будь ты проклят за то, что в девяти случаях из десяти оказываешься прав, Эйден.

Я целую Джейн в макушку, закрывая глаза. Отстраняюсь и сжимаю ее холодные руки в своих ладонях. Она не смотрит на меня, спрятав лицо за завесой спутанных, испачканных кровью волос.

— Пожалуйста, — наклоняюсь к ней и шепчу это так тихо, чтобы только она могла слышать, — позволь мне в будущем искупить свою вину. За все. Я выберусь ради тебя, слышишь?

Мучительно больно ничего не слышать от Джейн в ответ. Но я пытаюсь поставить себя на ее место и понять. Я бы хотел заехать себе по лицу за все, что произошло. Из-за меня. Из-за моих чувств. Из-за моей неспособности быть честным с собой и с обстоятельствами, которые всегда были против нас с Джейн.

Я подвожу ее к Иветт и угрожающе смотрю на вторую.

— Уйдите отсюда живыми, во что бы то ни стало. Иначе я убью тебя. Клянусь.

К моему удивлению, Иветт пропускает колкости и дает обещание.

А затем они уходят. Возвращаются обратно — туда, откуда мы пришли. Я с невероятной болью наблюдаю, как Джейн отдаляется от меня и стараюсь оттолкнуть от себя чувство, что теряю ее. Навсегда.

— Эй, мерзкие ублюдки! — я начинаю кричать в пустоту, делая оборот вокруг своей оси. — Пушечное мясо ждет не дождется вас!

Я слышу нервную усмешку Эйдена и смотрю на него, улыбнувшись. Он кивает мне, по-приятельски бьет кулаком в предплечье и движется в противоположную сторону той, где недавно скрылись Иветт, Джейн и остальные.

Я спешу за братом.

Свет прожекторов ведет нас по темной тропинке вдоль фасада высокого здания. Мы оставили десятки трупов позади и двигаемся довольно быстро, ощущая, что в воздухе, как и раньше, витает нечто зловещее. Даже если никого больше не видно. Даже если силуэты демонов подхватил ветер. Они где-то рядом. Мое дыхание сбивается, когда я все бегу и бегу, постоянно оглядываясь на Эйдена, который отстает всего на полшага.

— Если у меня это последняя возможность, — тяжело дыша, начинает брат, — должен сказать, что я...

— Мы выберемся, понял? — прерываю я его, взглянув через плечо. — Скажешь все потом!

Мы достаточно быстро добираемся до заднего двора колледжа. Впереди пустая площадка для игры в баскетбол, чуть дальше — футбольное поле с блоками трибун. Я смотрю в том направлении, потому что поле охвачено светом, в отличие от чуть потрескавшегося асфальта, на котором мы с Эйденем стоим.

— Ну же! Покажитесь нам. Убивать слабых — это то, чем вы можете похвастаться! На большее вы не способны! — дразнит их мой младший брат, ощутив внезапный прилив храбрости. — Мы слабее вас, — тише говорит, уперев кулаки в бедра и опустив голову в отчаянии. — Сделайте то, что должны, и покончим с этим.

Я озираюсь, но никого не наблюдаю. Пока Эйден отдается волне депрессии, я не перестаю думать о Джейн. Хотя, возможно, его мысли тоже охвачены ею. Ее лицом, прекрасными чертами и голосом, нежным голосом, который я так люблю. Я люблю ее всю. И теперь, когда я допустил смерть ее подруги и отца, а так же все остальных, даже не знаю, смогу ли возвратиться к ней, будь у меня такая возможность. Я облажался. Я позволил этому случиться.

Это все из-за нас с Эйденем.

Брат прав — пускай скорее эти адские ублюдки закончат с этим делом, и тогда мы отправимся туда, где нам и место — в самое сердце Ада.

— О, нет-нет!

Звучание противного баритона Изаки я слышал раньше, чем его шаги. Эйден поднимает голову, а я поворачиваюсь в сторону демона, достаточно быстро направляющегося к нам. Походка его вальяжна, свободна и легка, будто бы не он стал причиной смерти десятков студентов менее получаса назад.

— Видишь ли, Росс, я не собираюсь убивать вас обоих, — говорит он, и мои зрачки расширяются.

И от удивления, и от страха. Он становится перед нами, а потом шагает назад, не отворачиваясь. Достигнув баскетбольного кольца, встает прямо под ним. Краем глаза я замечаю, что вся его чертова

стая уже окружила площадку, появившись совершенно бесшумно.

Это они умеют, подонки.

— Надоели твои игры, урод, ты понял?! — вырвавшись вперед, Эйден выговаривает ему все, что у него на уме.

В ответ канцлер всего лишь улыбается, сложив руки за спиной. Он несильно качает головой и вертит ею, вздохнув.

— А я считал братьев Картеров потенциальными, — из-за спины он показывает свою левую руку и, выставив указательный палец, трясет ею в воздухе. — Потом из-за глупости Эйдена сделал ставку на тебя, Росс, — обратившись ко мне, Изаки растягивает мое имя. — Ну, а после... сами понимаете. Вы оба меня разочаровали, — четко, с расстановкой проговаривает демон.

Я думал, что дальше последует лекция о том, почему не следует увлекаться людьми, любить и защищать их, но вместо этого Изаки неожиданно выставляет руку в сторону, не отворачивая при этом взгляда. Один из его многочисленных рабов, стоящий к нему ближе всего, подходит, чтобы передать... оружие? Через мгновение канцлер отпускает подчиненного и вертит в ладони блестящий револьвер.

— Все-таки, — задумчиво лепечет демон, — Росс мне нравился больше. Несмотря на его абсурдное поведение, я думаю, у него есть шанс исправиться и вылечиться от этой... заразы, — он морщит нос в отвращении. — То, что вы называете любовью. Пандемия, которая помогла человечеству скатиться на самое дно.

Его глаза сконцентрированы на Эйдене. Я с силой сжимаю кулаки и громко сглатываю.

Внезапно Изаки открывает барабан револьвера и демонстративно вытаскивает пулю за пулей из гнезд для патронов. Я наблюдаю за его движениями, не осмеливаясь пошевелиться. Кажется, даже забываю дышать.

Канцлер разжимает ладонь и все пули, что он вытащил, падают на асфальт. Соприкоснувшись с землей, издают характерный звук.

— Осталась всего одна, — изогнув бровь, демон ловко выставляет вращающийся цилиндр пистолета в привычное положение и, приготовившись к выстрелу, наставляет оружие на Эйдена.

Нет.

Нет.

Нет!

Я становлюсь перед братом, хотя тот пытается протестовать.

— Отойди, Росс, — велит Изаки, но я лишь качаю головой в полном отрицании.

Сердце стучит так быстро, как никогда. Осмелюсь признаться, что еще ни разу в жизни мне не было так страшно. Я не могу потерять Эйдена. Этот придурок нужен мне, он должен портить мою жизнь дальше, доставать меня и выводить из себя.

— Я не позволю убить своего брата, — я стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно, однако дрожь в нем легко слышится, отчего, наверное, и улыбка этого адского безумца ползет вверх.

Через секунду он подтверждает мои подозрения.

— Боже мой, Росс Картер, что с тобой произошло? Откуда столько прекраснодушия и слащавости?!

— Если я тебе так противен, почему бы тебе не убить меня?

— Заткнись, Росс! — шипит сзади брат, схватив меня за плечи.

Изаки цокает языком и закатывает глаза, будто для него это просто, мать его, игра! Но это жизнь. Наша жизнь.

— Отойди, Росс, или мне придется заставить тебя, — настойчиво говорит демон, вскинув подбородок.

Я вспоминаю о его шайке, о которой успел за несколько минут напрочь забыть. Все мои мысли перенеслись к спасению Эйдена. Я не смогу пережить его смерть. И действительно готов пожертвовать собой ради брата.

Я покорно отступаю назад, но стук сердца, как и ранее, отдается эхом в ушах.

— Здесь всего одна пуля, — довольствуясь ситуацией, повторяет Изаки, — а это значит, что мы играем в русскую рулетку. Если револьвер не выстрелит, тогда обещаю, что мы распрощаемся, и можете дальше любить вашу очаровательную Джейн, проделывая с ней... — он не договаривает, начав негромко смеяться.

Канцлер зажимает пальцами переносицу.

— В общем, вы поняли, парни. Я оставляю вас. И никто — обещаю, — никто больше из Ада вас не тронет. Однако если выиграю я, — демон прицеливается снова, и кровь у меня в жилах застывает, — Эйден отправится со мной в подземельное царство. Точнее, его гнилая душонка.

Изаки скалится. Я смотрю на брата, готового принять свою смерть с достоинством. Он шепчет мне: «Позаботься о Джейн», а потом отворачивает голову, глядя прямо перед собой. Внутри у меня все разрывается от боли и несправедливости.

— Забыл упомянуть, — Изаки облизывает губы, — что я не любитель прелюдий...

Я едва могу уловить смысл последних сказанных мною слов, как раздается роковой выстрел, а мой брат, раненный в голову, падает безвольно на землю.

Что?

Ощущая слезы, стекающие у меня по щекам, я немедленно следую за ним, упав на колени, чтобы подхватить его тело, чтобы запомнить навсегда черты родного лица. Посмотрев на Изаки, я вижу, как он удовлетворенно улыбается и слегка разводит руками.

— Я выиграл, — спокойно сообщает демон.

Далее следует его невозмутимый свист. Нескончаемый свист. И ему абсолютно плевать, что умер дорогой для меня человек. Моя семья. Мой брат.

Еще какое-то время я нахожусь в ступоре, но потом, вновь взглянув на демона, я кричу, вложив в это всю силу и мощь голоса:

— ЗАТКНИСЬ. ПРОСТО ЗАТКНИСЬ, СВОЛОЧЬ! ЗАТКНИСЬ!

Ответом мне служит его раскатистый смех и бесследное исчезновение всех демонов через мгновение. Я продолжаю держать голову Эйдена на своих коленях, ткань брюк на которых пропиталась кровью.

— Нет, — только и могу произносить. — Нет, нет, нет.

Я глажу его лицо, прикрываю его веки и вытираю свои слезы, капающие на кожу брата.

Все не должно быть так.

Все должно было быть по-другому.

— Я не справлюсь один, — шепчу я, прислонив свой лоб ко лбу Эйдена, в котором зияет дыра от пули.

Только после этого ко мне приходит полное осознание, и я позволяю себе разрыдаться, точно маленькому ребенку, потерявшему все.

ГЛАВА 9

ЭЙДЕН

Я могу только предположить о том, что сейчас наблюдает Росс в неизведанном, видимом лишь ему пространстве. Его потухший, немигающий взгляд устремлен в потолок, но голубые глаза смотрят на что-то другое. Не на радужных пони — это сто процентов.

Возможно, мне всего лишь чудится, но я подмечаю, как за несколько минут осунулось лицо брата. Приобретшее нездоровый оттенок, оно выглядит истощенным и грустным. Словно из Росса выжали все соки, и он вот-вот упадет замертво.

— Что ты делаешь с ним? — игнорируя головокружение, я поднимаюсь с колен и смотрю на Себастьяна с высоты своего роста.

— Уже ничего, — непринужденно отзывается чистокровный и убирает пальцы с висков Росса. — Я как раз закончил.

Но брат по-прежнему не двигается. Затаив дыхание, я жду проявления каких-либо эмоций, но он будто застыл. Во времени. В том жутком неизвестном, куда переместил его брат Иветт. Мой взгляд перемещается немного левее, на Джейн, но она мало чем отличается от Росса.

Я со злостью закрываю глаза, чувствуя угнетающее бессилие, которое выворачивает наизнанку. Сжимаю подрагивающие руки в кулаки, потому что ничего не смог сделать для Джейн, чтобы уберечь от кошмара, в который превратилась ее жизнь. Ни я, ни брат не имели прав портить существование этой ни в чем не повинной девушки, лезть к ней со своими чувствами и требовать что-то.

— Что ты показал ему? — сквозь зубы процеживаю я, не размыкая век.

— Документальный фильм с элементами ужасов, — я слышу издевательскую улыбку в певучем голосе Себастьяна.

— Ты...

— Я, — перебивает он, — показал ему правду, которая не оставит его равнодушным. Если тебе любопытно, что увидел твой

брат, так почему бы тебе не спросить у него самого? Я сделал то, что должен был.

Себастьян достает из кармана брюк белоснежный платок и вытирает им руки, а затем бросает на пол.

— Могу сказать одно, мой дорогой Эйден, — продолжает, сверкая улыбкой в тридцать два зуба. — Это было довольно познавательно для Росса, но, честно говоря, я имею сомнения относительно его желания сообщать тебе детали своего видения. То, что он увидел, до конца его дней останется с ним.

Со щемящей болью в груди я смотрю на Росса, на Джейн.

— В том, что ты сделал, не было необходимости, — произношу, наконец. — Я же сказал, что верну тебе Анну. Почему ты...

— Нет, Эйден, — демон взмахивает рукой, жестом требуя от меня незамедлительного молчания. — Ты, кажется, до сих пор не понимаешь. Если бы дело было только в тебе, думаешь, стал бы я тратить свое время так бессмысленно? О, нет. Я знал, что ты выберешь мою сторону, потому что твои мотивы ясны, как день. Проблема в твоём брате. Ваше с Россом противостояние является главной помехой. Так уж вышло, что наши дороги переплелись друг с другом, — Себастьян жестикулирует руками, расхаживая по комнате. — Я всего лишь помог определиться. Что, или кто важнее принципов? Ради кого, или чего мы готовы оказаться от самих себя? Не смотри на эту ситуацию столь поверхностно, Эйден, — голос чистокровного приобретает задумчивые нотки.

Он останавливается у окна, пальцем сдвигая в сторону выцветшую шторку, и ненадолго оставляет свой взгляд на улице.

— Теперь я абсолютно уверен, что твой брат выберет правильно, — спустя минуту зыбкой тишины добавляет Себастьян. — Он выберет жизнь вместо смерти.

Значит, в видении Росса кто-то умер?

Кто?

— Джейн, — шепчу я, вдруг теряя почву из-под ног.

Конечно же, Себастьян не отвечает.

— Я был рад встрече с вами, братья Картеры, — медленно отступая от окна, проговаривает чистокровный с дружелюбием. —

Прекрасная Джейн, — он коротко склоняет голову в кивке, когда поворачивается к ней.

Его воздушные шаги отзываются легким скрипом половых досок. Расслабленной походкой Себастьян движется к выходу, но останавливается сбоку от меня.

— Ах, да, — как бы невзначай роняет он. — Совсем забыл сказать. У вас двое суток на то, чтобы вернуть Анну Гарнер в Дайморт-Бич.

Я с возмущением смотрю на демона и открываю рот, чтобы высказать свое негодование относительно небольшого срока на ее поиски.

Но Себастьян вновь опережает меня.

— Это не подлежит обсуждению, Эйден. Двое суток. Если опоздаете, то я позволю демонам, которые идут за вами, свершить то, что должно произойти. В ваших же интересах поторопиться.

Затем тяжелая ладонь чистокровного падает на мое плечо, с силой сжимая его.

— Надеюсь на вас, друзья.

И Себастьян уходит.

Еще некоторое время я смотрю ему вслед, на закрытую дверь, спрятав ладони в карманах. В голове проносятся мысли о том, что он сказал, но больше всего меня сердит этот ничтожно маленький срок. Как, скажите, пожалуйста, за такое короткое время я найду Анну, отвоюю ее у Миднаита и привезу в Дайморт-Бич?! Неужели, я похож на волшебника?

Раздумья отступают, только когда краем глаза замечая движение: это Росс встает на ноги. Он поднимается с колен, но остается таким же растерянным и на вид слегка безумным. Да что с ним сделал этот поганец?!

— Нам нужно немедленно найти Анну, Эйден, — внезапно обращается Росс, пугая меня и удивляя.

Я хмурюсь, приближаясь к нему. В глазах старшего брата плещется самая настоящая обеспокоенность. Я давно не наблюдал такого волнения. Я не понимаю, почему он так резко поменял свое мнение.

— Что тебе показал Себастьян? — игнорируя его заявление, спрашиваю я.

Ожидаю ответа. Черт возьми, каждый человек, задавая вопрос, ожидает ответа!

— Нужно найти Анну, — словно механически повторяет Росс. — У тебя есть предположения, где она может быть?

Единственно, что помогает моему брату выйти из состояния «куклы-робота» — это то, что Джейн Мортис, держась рукой за стену, встает и на шатающихся, дрожащих ногах двигается к выходу.

Признаться, на какое-то время я даже позабыл про нее. Мы оба ринулись за ней, но Джейн уже практически у двери, поэтому, взявшись за ручку, она резко оборачивается к нам. Я вижу, что ее ноги предательски дрожат. Но она пренебрегает этой слабостью в теле, выставив одну руку вперед.

— Отойдите, — четко и внятно говорит она, но мы, долбанные эгоисты и встревоженные собственники, не сделали и шагу вперед. — Не хочу видеть ни тебя, ни тебя, — продолжает Джейн, взглянув сначала на Росса, потом на меня.

В сердце кольнуло от боли и разочарования, но я могу понять, почему это является ее решением. После того, что наговорил Себастьян... Боже! Я ладонью провожу по лицу, желая, чтобы это сняло усталость, но чуда, конечно же, не происходит. Однако, открыв глаза, я натыкаюсь на карие океаны печали и грусти напротив. Из них вот-вот вытекут слезы. Больше всего на свете я хотел бы предотвратить это, но боюсь, этой порции влаги суждено вылиться.

А, может, и нужно. Может, Джейн станет легче, когда она проплачется, проревется. И все же отпустить я ее не могу.

— Ты не можешь вернуться обратно сама, как бы того ни хотела. Тебе лучше остаться здесь, — поясняю я спокойно, хотя внутри бушует настоящий ураган. Даже не знаю, как мне хватило сил произнести это.

Я ощущаю разгневанное дыхание Росса. Взгляд старшего брата прожигает мой профиль, и как только поворачиваю к нему лицом, встречаюсь с настоящим огнем в его глазах.

Джейн, сокрушенно засмеявшись, наконец, позволяет слезам скатиться по ее щекам. Она прижимает ладонь ко рту, не переставая

тихо хихикать.

— Ты шутишь, да? После того, что я узнала? Как вы могли...?!

Ее вопрос-возмущение остается без продолжения, но девушка переводит взгляд на моего брата. Сумасшедшая ревность берет свое. Как ни стараюсь, не могу выносить даже того, что они смотрят друг на друга.

— Я вызову такси, поеду домой, и мне будет лучше без вас, — отрезает Джейн и быстро скрывается за дверью, громко хлопнув ею напоследок.

Росс собирается следовать за ней, но я торможу его, схватив за локоть. Он не пытается вырваться, позволив мне управлять ситуацией.

— Оставь ее, — говорю я с тяжестью на сердце. — Джейн нужно немного времени, чтобы остыть, — не верю, что настолько дерзок, чтобы озвучивать нечто подобное.

Хорошо, что она не может слышать моих мыслей. Как хорошо, что она оказалась достаточно сильной, чтобы оттолкнуть нас и уйти первой. Сейчас я на толику больше уверен, что Джейн сумеет справиться. Она не такая слабая, какой может показаться на первый взгляд. В ней таится сила — огромная и необыкновенная. Сила, необъяснимая для меня, Росса и кого-либо еще в этом мире.

Эта девушка...

— Время, — тихо вторит мне Росс, абстрагировавшись. — У нас его нет, Эйден.

Брат дергает рукой, которую я держу, и мои пальцы ослабляют хватку на его локтевом сгибе. Росс долгое время о чем-то сосредоточенно думает, и я не решаюсь помешать ему.

Терпеливо стою позади и смотрю, как вздымаются его покатые плечи с каждым громоздким вздохом и опускаются с выдохами.

— Не хочешь рассказать мне, что этот дьявол внушил тебе? — но мое терпение достаточно быстро себя изживает, и я нарушаю воцарившуюся тишину.

Росс переступает с ноги на ногу, двигаясь в сторону душа.

— Ничего хорошего, — просто отвечает он.

— И это все? — я всплескиваю руками. — Да брось! Слушай, что бы ни было в твоём видении, мы не можем знать наверняка, что это произойдет. Себастьян с лёгкостью мог обмануть тебя! Ему выгодно запудрить мозги нам обоим.

Проклятье. Что я делаю? Пытаюсь отговорить своего брата быть на моей стороне? Или хочу утешить его? Хочу, чтобы он был честным со мной до конца.

— Именно поэтому, — Росс медленно разворачивается ко мне лицом и пронизывает мрачным, взволнованным взглядом, — тебе не зачем знать.

— Если это как-то связано с Джейн, то я имею право знать, — насупившись, твержу я.

— Это коснется всех нас, Эйден, — брат понуро опускает голову, произнеся моё имя сдавленным шепотом. — Вместо того чтобы тратить оставшиеся у нас часы на болтовню, давай займёмся делом.

С этими словами он скрывается в ванной комнате.

— Прекрасно, чтоб тебя! — я стараюсь перекрыть шум воды.

Я плюхаюсь на кровать и достаю из кармана телефон. Нахожу в контактах листе номер Ив и нажимаю на кнопку вызова. Женский голос сообщает, что абонент находится вне зоны действия сети. Я чувствую вину перед Иветт за то, что подверг её опасности. Но Себастьян сказал, что она его сестра... Он не сделает ей больно. Ведь так?

Теперь я понимаю, почему Ив скрывала его существование от меня. Он конченный на всю голову псих, с которым лучше не связываться и никогда не попадаться на глаза.

После пяти неудавшихся попыток дозвониться до Иветт, я набираю номер Миднайта.

Но и тут ничего.

Я слушаю монотонные, длинные гудки и продолжаю убеждать себя в том, что выбью из этого хитростного британца всю дурь, как только встречу.

Как нам вернуть Анну? Где её искать? Я не настолько хорошо знаю Миднайта, но радиоактивные тараканы, обитающие в его

голове, способны подтолкнуть парня на совершенно непредсказуемые и безумные поступки.

Если Анну до сих пор ищут, значит, Миднайт не открыл Тардес. Они скрылись из Дайморт-Бич две недели назад. Чего он ждет? Чем занимается? Готовит свой супер-ритуал?

Сорок восемь часов на поиски ведьмы. Этого мало. Очень мало.

Росс прав.

Нельзя разбрасываться временем, данным нам на поиски Анны. Нужно действовать. Прямо сейчас.

Я останавливаю машину у нашего дома с первыми лучами солнца, пронзающими затянутое светло-серыми тучами небо, они окрашивают их в блекло-лиловые, розовые и пурпурные тона.

Я надеюсь скорее добраться до кофеварки и сделать себе крепкий кофе, чтобы снять легкую дымку сонливости и упорядочить сумбур в голове.

Дверь открыта, так что мне даже не приходится вытаскивать из кармана ключи. На удивление, свет тоже горит, и, пройдя в гостиную, я вижу отца со своими... приятелями. Они восседают на наших диванах, но как только видят меня, заметно напрягаются. А папа и вовсе встает.

Что еще случилось?

— Сынок, — он теряется, но находится с тем, что мне предъявить мгновенно: — Где ты был? Тебя не было всю ночь.

Боже, я пережил кошмарный день. Поэтому на его замечание закатываю глаза и, вытянув ключи и бумажник из кармана, бросаю на кухонный островок. После мое внимание привлекает то, что друзья отца прожигают меня взглядами. Без сомнений, это демоны, работающие на Ад, которые так же, как и мой папа мечтают предотвратить открытие Тардеса. А значит, мы по разные стороны. Не в одной команде. И я готов играть против них, да и Росс тоже. Хотя его видения, вызванные Себастьяном, не дают мне покоя. А то, что не сумел связаться с Иветт, и вовсе выводит из себя.

— Я хочу принять душ, — стоит мне пройти к комнате, как голову тут же посещает мысль о том, что нужно поговорить с папой.

Он должен знать, что его сыновья в опасности. Черт. У нас реально мало времени. А если... если отец будет в курсе, что мы можем умереть, вдруг я смогу таким образом заполучить его в союзники? Сторонник вроде него мне совершенно не навредит.

Времени мало.

Я напоминаю себе это снова и снова, пока не поворачиваюсь к папе и не маню его пальцем. Бросив взгляд на неожиданных гостей, я могу заметить, как они отворачиваются молниеносно, застигнутые на подсматривании за мной.

Шагнув к двери своей комнаты, я открываю ее настежь и предлагаю папе войти внутрь. Он какое-то время размышляет, но потом все-таки переступает порог, немного поигрывая желваками.

— Эйден, я бы не хотел говорить, что ты пугаешь меня, но это так.

В ответ я лишь достаточно красноречиво на него смотрю. Все еще сомневаюсь, стоит говорить, или нет, но на самом деле другого выхода не представляется.

— Слушай, — начинаю, облизнув губы и приставив кулаки к бедрам, — это действительно очень серьезно...

Отец прикрывает дверь и, нахмурившись, вновь переводит обеспокоенный взгляд на меня.

— В общем, демоны — не твои друзья — другие демоны, пап, желающие нашей с Россом смерти, скоро будут в городе. Мы... мы... я, — должен сказать это, но язык не поворачивается. — Мне очень страшно, пап.

Я не знаю, какой будет реакция отца, хотя он, наверное, знает, что мы увлеклись Джейн Мортис, однако вряд ли догадывается, что все настолько серьезно, что адские черти гонятся за нами именно по этой причине.

До чрезвычайности удивив меня, отец облегченно вздыхает и облокачивается о стену боком. Стойте. Мне не показалось? Он действительно испустил легкий смешок?! Как будто у него от сердца отлегло?

— Ты об этом... — качнув головой, изрекает папа оторопело.

Я поражен, поэтому делаю шаг назад. Я просто в чертовом шоке

от того, с какой легкостью отец произносит слова. Мы с Россом совсем ему не важны?

— Так ты знал? Знал, что нам угрожает опасность? — не сдерживая голоса, давлю на него я.

Но мой собеседник совершенно не меняется в лице, оставаясь все таким же спокойным.

— Было глупо думать, что я не в курсе, — моргнув и посмотрев себе под ноги, выдает отец.

И правда.

Это было очень глупо.

— Ты обманул своих сыновей, — начинаю я на высоких тонах.

Но теперь и отец, не собираясь мне уступать, кричит:

— Один из них тоже обманул меня!

Он выпрямляется, и мы сталкиваемся стальными, непреклонными взглядами.

— Ты думал, я настолько слеп, Эйден? — говорит он, подходя ко мне. — Думал, мне неизвестно, что ты на стороне нашего врага, желаешь открыть Тардес и спасти душу своей девчонки, в которую безнадежно влюблен? Это я тебя породил, — кулаком мужчина ударяет себе в грудь. — Это я. Считаешь, ты умнее меня?

Когда я ничего не отвечаю, он отступает. Невероятно, но на его лице расцветают признаки сожаления. Пока еще я ничего не могу сказать, потому что изумлен вещами, происходящими со мной, но вскоре голос прорезается сам собой.

— Без нее мне плевать на этот мир, пап, — наконец, выговариваю я.

Он мотает головой.

— Не смей так говорить. Ты...

— Разве бы ты не сделал то же самое для мамы?

Я вступаю в контратаку и использую действенное оружие против него. После упоминания о маме он замирает на какое-то время, глядя на меня в упор, и я вижу, как в его глазах распадаются и сгорают звезды.

— Меньше всего на свете я бы хотел, чтобы моим сыновьям пришлось пережить то, что пережил я, — шепчет он. — Я бы хотел сказать, что, влюбившись в человека, вы совершили огромнейшую ошибку в своей жизни. Но я не имею права упрекать вас в том, что до последнего защищал сам. Я все понимаю, Эйден, — он делает глубокий вдох и вновь подходит ко мне. Его ладони накрывают мои плечи. — И мне невероятно жаль, что мы находимся по разные стороны. Как бы я ни хотел, чтобы вы с Россом разделяли мои взгляды и убеждения, судьба все перевернула и разделила нас. Я принимаю это и не держу на вас с братом зла.

— Тогда помоги нам, — я хватаюсь за его предплечья и с отчаянием в голосе прошу. — Пожалуйста, помоги спасти ее.

Папа смотрит на меня с бесконечным сожалением, и я знаю, что он хочет сказать, и что скажет, но не готов мириться с этим.

— Я люблю тебя, Эйден. Я не хочу, чтобы ты страдал.

Я болезненно сглатываю, чувствуя, что за этими словами последует роковое «но». И я с трепещущим страхом в груди жду продолжения.

— Ни ты, ни Росс.

— Пап...

— Я защищу вас. Сделаю все для этого. Но ты должен отказаться от своей любви. В первую очередь, ни ради себя, ни ради безопасности семьи. Ради нее.

Я опускаю взгляд, совершенно растеряв все слова для ответа. Но когда поднимаю глаза обратно на отца, то вижу, что он больше не смотрит на меня. Точнее его взор устремлен сквозь меня. Я отчетливо читаю на его лице легкий шок.

— Ты... — произносит он.

Я собираюсь обернуться.

Но чувствую резкий, сильный удар, и мои глаза закатываются против моей воли. Темнота стремительно накатывает огромной волной и поглощает меня, унося в непроглядные, глубокие воды.

Реальность бесследно ускользает сквозь пальцы.

Печальное, меркнувшее лицо отца растворяется в небытие.

ГЛАВА 10

АННА

Иерусалим встречает нас адским пеклом.

Овации пассажиров все еще звенят в ушах, когда мы спускаемся по трапу. Миднайт свободной походкой идет вниз, его даже не подташнивает, в отличие от меня. Я безумно боюсь летать, а этот паршивец подверг меня такому испытанию. Ко всему прочему воздух здесь густой, сухой и чертовски горячий. Интересно, температура выше тридцати градусов по Цельсию? Тридцать пять? Нет. Такое чувство, будто все сорок.

Я задыхаюсь, желая облиться ледяной водой, и мысленно рыдаю от тоски по Дайморт-Бич. В это время года в городе начинается сезон дождей, который длится около двух недель. Я ненавидела холодную, пасмурную погоду... до сегодняшнего дня. Как только моя нога ступает на раскаленный асфальт столицы Израиля, я совершенно неожиданно обнаруживаю в себе нерушимую тягу ко всему холодному.

Почему, черт возьми, мы не полетели в Арктику?

В аэропорту имени Давида Бен-Гуриона нас встречает черный BMW последней модели с тонированными стеклами. Водитель ожидает нас у задней дверцы, которая уже открыта. Другой сопровождающий в строгом костюме и темных очках забирает наш немногочисленный багаж и довольно небрежно бросает его в багажник. Позже мы с Миднайтом юркаем на задние сидения, и за нами закрывается дверь.

В салоне, как ни странно, не душно — работает кондиционер. Во встроенном мини-холодильнике на выбор есть несколько напитков: простая вода, лимонад и виски. Не трудно догадаться, какой выбор делает Миднайт... А я останавливаюсь на водичке. Тем более что водитель на чистом английском отмечает, что она родниковая. А это еще один плюс к ней.

Я залпом осушаю небольшую бутылочку и лезу за второй.

Из окна я могу видеть все прелести чудесного и величественного

Иерусалима, пока мы едем к нашей точке назначения. О том, что за чертой города у Миднайта есть недвижимость — «Скромный домик площадью в тысячу триста квадратных метров» — я узнала, когда мы пролетали над Атлантическим океаном. Конечно, он заявлял об этом не без своей фирменной надменной физиономии.

Я стараюсь не выдавать своего любопытства, но мне безумно интересно увидеть его дом.

Дорога довольно долгая, но совершенно не утомительная благодаря кондиционеру и прохладным напиткам, которые я по очереди достаю из мини-бара и прикладываю к своему лицу. Стараюсь не замечать насмешек Миднайта, который изредка поглядывает на меня, отрывая взгляд от телефона, я наслаждаюсь видами бесчисленных пляжей города под музыку, льющуюся из колонок. Сопровождающий включил радио, и песня Little Mix звучит очень громко. Оно и к лучшему, мне совсем не хочется слышать голос противного Миднайта.

Он выкрал меня из Штатов, и как бы мне ни нравился Иерусалим, это не значит, что подонку можно поступать так со мной. Сыворотка, которую он применяет на мне, действует совершенно без сбоев, что раздражает еще больше.

— Ты заболела? — вдруг интересуется блондин, наконец, откладывая в сторону свой телефон. Он принимает расслабленную позу, широко расставив ноги, и расстегивает три верхние пуговицы рубашки. — Выглядишь паршиво и молчишь с тех пор, как мы приземлились. Язык отсох от жары? Мне стоит поблагодарить здешний климат.

И он усмехается, похоже, невероятно довольный своим грандиознейшим уровнем сарказма.

Я закрываю глаза, мечтая, чтобы у Миднайта отсохла вся голова и отвалилась. Прислоняюсь липким лбом к прохладному окну и стараюсь перенаправить всю концентрацию на звуки приятной музыки. Мне с легкостью удастся отвлечься на звучащую песню. Она мгновенно привлекает мое внимание. Исполнители поют не на английском. Кажется, это корейский.

— Тебе что, ни капельки не интересно, зачем я привез тебя в Иерусалим? — Миднайт не собирается закрывать свой рот. Очень жаль.

Я не считаю нужным отвечать ему. Все равно не добьюсь внятного объяснения. Он снова начнет увиливать и неуместно придуриваться.

Неугомонный британец фыркает и наклоняется ко мне, чтобы щелкнуть по носу. Черт!

Серьезно?!

— Будь добра использовать свои голосовые связки, когда я разговариваю с тобой, — произносит он с играющей улыбкой на губах.

— Тц, — я убираю его руку от своего лица. — Просто оставь меня в покое.

— Что? Это невозможно, — Миднайт качает головой. — Мне просто любопытно, что ты думаешь об этом, — он кивает подбородком на пейзажи, мелькающие за окном.

— Ничего хорошего, — бурчу я, отворачиваясь.

Очевидная ложь, которую проще простого раскусить. Все потрясающе!

Наш автомобиль несется мимо большого холма с изобилием оливковых деревьев и исторических строений. Мне виднеются будоражащие воображение картины, выворачивающие наизнанку душу виды.

— Это Гефсиманский сад, — раздается приглушенный голос Миднайта. — Именно среди бессмертных масличных деревьев Иисус был предан Иудой. Там же он молился перед тем, как быть распятым, и вознестя на Небеса.

Я слабо вздрагиваю, ощущая, что он находится очень близко ко мне, но не собираюсь оборачиваться и сжимаю в кулаках всколыхнувшееся волнение.

— «И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая перед лицом Иерусалима к востоку; и раздвоится гора Елеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, а половина ее — к югу»...

Наконец, я реагирую.

— Ты что, цитируешь Библию?

— Не спрашивай об этом так удивленно, Анна, — Миднайт закатывает глаза. — Я разочарован, что выгляжу в твоих глазах невежественным.

— Ты же... злодей, — я возмущенно хмурю брови.

— Эй, с каких пор нам запрещено знать Библию? Ты ущемляешь права всех злодеев!

Мы проезжаем под широким мостом и скрываемся в туннеле, из-за чего хоть на несколько мгновений можно не смотреть на Миднайта. Хоть чуть-чуть. Не видеть его лица, насмехающейся улыбки, тщеславного выражения и пронзительных глаз.

— Слушай, ты мне надоед, — абсолютно честно отзываюсь я, махнув на парня рукой.

Он цокает языком, и когда я отворачиваюсь, кладет палец на мой подбородок, заставляя вновь встретиться с ним взглядом.

— Я не говорил, что по уставу тебе запрещено...

Но он не договаривает, потому я спешу его перебить.

— Ах, так у нас еще и устав есть? — мой голос полон ехидства.

Миднайт убирает руку от моего лица и указывает на себя, блаженно улыбаясь.

— У меня, крошка, у меня.

— Я, наверное, тебя жутко удивлю, если скажу, что мне глубоко наплевать на все твои правила? — наклонившись к нему максимально близко, я прикладываю ладонь ко рту и говорю все это заговорщическим шепотом.

Меня сначала забавляет то, что Миднайт смотрит на меня серьезно первые несколько секунд. Показалось, что его раздосадовали мои слова и рассердили, однако я не успеваю опомниться, как его губы оказываются на моих губах. Как и в прошлый раз, поцелуй Миднайт мягок и нежен. Но теперь он целует меня не потому, что хочет заткнуть, чтобы я не наговорила лишнего. Теперь он желает этого? Поцелуя?

Я опускаю ладонь вниз, и, исправляя положение, парень кладет свою на мое лицо, безмятежно касаясь пальцами моих скул, нижних век и мочки уха. Когда он собирается углубить поцелуй и уже

просовывает язык в мой рот, слышится покашливание водителя, отчего я вмиг отстраняюсь, пылая и краснея.

— Приехали.

Я отталкиваю от себя Миднайта и залепляю ему пощечину.

— Держи свой болтливый рот подальше от меня, понял? — хватаю его за воротник и встряхиваю, с яростью процеживая эти слова.

— Лгунишка Анна, — Миднайт тянет губы в дразнящей улыбке и накрывает мои сжатые в кулаки руки своими ладонями. Без усилий заставляет мои пальцы отпустить черную ткань рубашки. — Признай, что ты вовсе не против, чтобы мой, как ты выразилась, болтливый рот истязал твои сладкие губы.

Когда он подается вперед, я инстинктивно отстраняюсь, прижавшись затылком к стеклу. Не сводя с меня шального взгляда мерцающих глаз, Миднайт протягивает руку, и я слышу негромкий щелчок.

А затем опора позади меня куда-то исчезает. Дверца распаивается, но я слишком поздно осознаю это, поэтому лечу назад.

Миднайт не дает мне упасть. Резко тянет на себя и прижимает к своей груди. Его подбородок ложится на мою макушку, а теплые руки как будто утешают, стискивая в порывистых объятиях. Я невольно прижимаюсь щекой к оголенному участку его нежной кожи и раскрываю рот в беззвучном изумлении.

Хочу потребовать, чтобы он немедленно отпустил меня, но мое сердце с такой оглушительной силой тарабанит в груди, что я перестаю слышать даже собственные мысли. Я теряюсь и не шевелюсь. Со стороны выглядит так, будто мне нравится, что Миднайт обнимает меня. Но это совсем не так!

Чертова судьба смеется надо мной, бросая в объятия отморозка, который пытается использовать меня в своих грязных злодейских делах!

— От-ва-ли, — я собираюсь с духом и упираю руки в его грудь.

Миднайт лениво высвобождает меня и делает это с легким раздражением, как будто я нас задерживаю. Он подталкивает меня

вперед, я выползаю из автомобиля, ворчливо перебирая все известные мне ругательства. Блондин не скрывает своего веселья, заливаясь басистым смехом позади. Чем громче он хохочет, тем сильнее мне хочется напакостить ему.

Но многочисленные планы мести тут же испаряются, как только я замечаю перед собой дом. Нет. Неправильно называть это домом. Скорее огромный, четырехэтажный дворец с раскинувшимися по обеим сторонам цветочными аллеями, высокими и низкими пальмами, длинными, узкими фонтанами с радужной подсветкой.

— Ты могла бы подобрать свою челюсть, Анна? — ухмыляется Миднайт. — Она упала прямо на мой ботинок из крокодиловой кожи.

Заткнись, чтоб тебя.

Я в полном шоке смотрю на парня.

— Эта роскошь не может быть твоей, — говорю я. — Кто ты такой, черт подери?!

Он кичливо вскидывает подбородок, его так и распирает от заносчивости.

— Ты многого обо мне не знаешь, дорогуша. Все вблизи гектара принадлежит мне.

Я давлюсь его словами.

— Скромный домик?! Тысяча триста квадратных метров?! Твоему тщеславию нет предела!

— Ну, я не соврал про площадь дома.

— Это не оправдание, — рычу я.

— Не вижу логики в твоём поведении, Анна, — с усталостью вздыхает Миднайт и берет меня за руку. — Я готов великодушно распахнуть перед тобой врата рая, а ты благодаришь меня очередной порцией гадостей? Ты уверена, что верно понимаешь такое простое понятие, как признательность? Я бы не отказался услышать от тебя «спасибо».

Я пытаюсь выдернуть свою руку из его, но все мои действия приводят к тому, что Миднайт лишь усиливает хватку.

— Пойдем.

Он буквально тащит меня в дом вдоль фонтанов и остальных красот. Мне бы хотелось остаться в саду и просто побыть подальше от него. После того, что Миднайт сделал, я хотела бы всего лишь любоваться местным колоритом и не думать о произошедшем поцелуе. Но когда мы заходим внутрь, я понимаю, что времени и желания на размышления не останется. Все потому, что такого величия я не видела нигде! Прожив всю жизнь в скромном, маленьком Дайморт-Бич, я и не подозревала, что в действительности у людей есть возможность позволить себе такую роскошь.

Это же все стоит огромных денег. Лампа в холле из хрусталя и золота. Мраморный стол посреди комнаты, на котором стоит огромная ваза с целой дюжиной красных роз. Миднайт отпускает мою руку, ведь теперь точно знает, что я не хочу никуда уходить. Все, что мне хочется — это кружиться на месте и разглядывать исписанный чудесными ангелами, высокий потолок.

— Ты подрабатываешь наркодиллером? — это первое, что приходит мне на ум, и я немедленно озвучиваю свою догадку.

— Слишком предсказуемо, — с разочарованием отвечает Миднайт. — Давай же, поднапряги свои извилины и озвучь вариант оригинальнее.

— Ты выжал все соки из моих извилин своими выходками, — вздыхаю я.

— Хмм. Я рад это слышать. А теперь...

Из передних, огромных, деревянных дверей выходит молодая женщина в скромной униформе черного цвета. Она и дворецкий забирают чемоданы, которые внес в дом охранник. Миднайт что-то говорит служанке на незнакомом языке, а потом легко подталкивает меня вперед, и горничная, все быстро болтая, рукой машет в сторону гостиной.

— Приведи себя в порядок, — великодушно предлагает блондин.

— Не беспокойся. Я собираюсь оттянуться по полной. Ведь все за твой счет, да?

Он ухмыляется, и я следую за прислугой.

Эта комната еще лучше предыдущей. Мебель из настоящей темной кожи, дубовый обеденный стол и такие же стулья стоят у левой стены. Яркий, солнечный свет проникает через окна рядом. Я

любуюсь выдержанным цветом стен, не сумев спрятать восторга. Мы поднимаемся по широкой, дубовой лестнице на второй этаж, который делится на два крыла.

Служанка сопровождает меня в левое и останавливается через пару метров. Отворяет передо мной третью сосновую дверь и отодвигается в сторону, пропуская меня в светлую комнату в лимонном цвете. Шторы, подушки и даже ковер — ярко-желтые. Не совсем в моем стиле, но настроение, и вправду, заметно поднимается.

Женщина обращается ко мне, по всей видимости, на иврите, кивает головой и, прощаясь, выходит.

Я обхожу кровать и быстро вхожу в очередную дверь. За ней оказывается... о, Бог мой! Шикарная ванная в бежевых тонах, а самая важная часть этой комнаты — произведение искусства из слоновой кости. В самом центре, вашу мать. В высоту оно не меньше восьми футов.

Я уже хочу скользнуть в эту ванну, наполненную горячей водой и ароматными маслами.

Должна признать, в моем спонтанном и безумном путешествии есть очевидный плюс. Сам факт путешествия. Конечно, оно не было бы таким увлекательным, если бы не состояние Миднайта, благодаря которому сейчас я могу наслаждаться жизнью, плескаясь в джакузи под мягкие звуки джаза, словно доносящиеся извне этой комнаты, дома, реальности.

Сколько скелетов он прячет в своем шкафу? Каких размеров его гробница секретов? Нет, не подумайте, будто я горю желанием узнать, что скрывается за его коварной душонкой. Просто мне нужно знать чуть больше о своем враге. Информирована — значит, вооружена.

Есть ли у него семья и счет в швейцарском банке? Насколько он богат? Почему притащил меня в Иерусалим? Именно сюда, а не в любую другую точку мира. Оказавшись в таком роскошном месте, я не сомневаюсь, что Миднайт имеет недвижимость где-нибудь еще. Монако? Швейцария? Арабские Эмираты? Сингапур? Возможно, и там, и там.

После водных процедур я обнаруживаю в своей комнате

серебряный поднос с бутылкой шампанского и бокалом-флюте. Пытаюсь прочесть название напитка, но мой французский не настолько хорош. И где, черт возьми, пояснение на английском? Бутылка выглядит дорогой.

Я открываю ее, чтобы наполнить представленный бокал. Чьей бы идеей ни было сподать меня, я благодарна этому человеку. Пусть даже им окажется Миднайт.

— Будь аккуратнее с Перье Жуе. В коллекции всего двенадцать бутылок. Точнее, уже шесть. Это шампанское очень...

С моих губ непроизвольно слетает писк мыши, попавшей в мышеловку, и я подпрыгиваю от испуга. Потому что, господь всемогущий, Миднайт стоит в дверном проеме, скрестив руки на груди, и пялится на меня. Но я точно помню, что закрывала дверь. Однако сейчас это не так важно, как то, что бутылка с шампанским выскальзывает из моих вспотевших пальцев.

И разбивается.

—... Дорогое.

Я отскакиваю, когда брызги напитка попадают на мои ноги.

В спальне виснет тишина. Я медленно и с опаской открываю глаза, которые зажмурила секунду назад. Миднайт по-прежнему выглядит отстраненным. Он не расстроен, и на лице не появились признаки без контрольного гнева. Можно выдохнуть с облегчением?

— И как я мог усомниться в твоей грациозности? — но он по-прежнему может язвить.

Я прочищаю горло, кашлянув, и отпиваю из бокала.

— Вкусно, — говорю. — Хочешь попробовать?

Парень поджигает губы, опуская взгляд к осколкам битого стекла и впитавшемуся в светлый ковер пятну.

— Я скажу Эстер, чтобы она убрала здесь все.

— Угму.

Я изо всех сил стараюсь не придавать своему виду виновности и изображаю крайнее недовольство.

— Почему ты врываешься без стука? А если бы я была не одета?

— Во-первых, дверь была открыта. Во-вторых, — Миднайт прячет руки в карманы, — это мой дом, и я могу быть везде, где только пожелаю. Комната, любезно выделенная мною тебе, не является исключением. Знаешь, я мог бы запереть тебя в подвале, в сырой и темной камере. Но позволяю наслаждаться шампанским за пятьдесят тысяч долларов.

Сколько?!

Он делает короткую паузу, чтобы смаковать вид моих выпучившихся глаз.

— Я даже спускаю тебе с рук, что ты разбила этот вкуснейший напиток прямо на моих глазах! Я гурман и алкогольный эстет, поэтому очень трепетно отношусь к своей коллекции выпивки.

Проклятая совесть. Я опускаю голову, прикусывая нижнюю губу. Нет. Не-а. Ни за что не скажу этому мерзавцу, что мне жаль.

— Но рядом с тобой мне хочется быть всепрощающим рыцарем, — приглушенно добавляет он.

— Что? — переспрашиваю я, сама не знаю, почему. Хочу, чтобы Миднайт повторил свои слова, потому что они странной взволнованностью отозвались в моем сердце? Или для того, чтобы убедиться, что мне не послышалось, и рассмеяться ему в лицо и ответить что-нибудь едкое?

Миднайт пересекает спальню и останавливается напротив меня. Он забирает бокал и допивает шампанское.

— Я должен отлучиться. Меня не будет до утра. Так что тебе придется развлекаться самостоятельно.

Я сглатываю, ощущая некую нервозность в теле. Кожу вдруг покрывает обжигающий зуд, и дико хочется куда-нибудь пристроить свои блуждающие, избегающие лица Миднайта глаза.

— Почему ты говоришь мне об этом? — не понимаю я.

— Просто, чтобы ты знала. Не пытайся сбежать. Дом надежно защищен, персонал и охрана предупреждены о том, что не должны спускать с тебя глаз и выпускать.

— Как предусмотрительно.

— Само собой.

— А... куда ты уходишь?

— Ого, — присвистывает Миднайт, наклоняясь вперед, чтобы лучше видеть мое лицо. — Неужели, тебе интересно?

— Вовсе нет, — я отворачиваюсь и молюсь, чтобы краска не залила мои щеки.

— У меня назначена встреча, — его голос звучит бодро и довольно. — Но не переживай. Я не стану флиртовать с девушками.

— Можешь спать, где угодно и с кем угодно. Мне все равно, — бросаю я.

— Я притворюсь, что поверил тебе, — Миднайт смеется в кулак. — Выспись, потому что завтра мы с тобой кое-кого навестим.

— Может, достаточно говорить загадками? — я вскидываю руками. — Зачем мы в Иерусалиме? Точно не из-за того, что в тебе проснулся азарт туриста.

Он слегка щурит глаза и наклоняет голову вправо.

— Узнаешь обо всем завтра.

Я даже не злюсь. Потому что, когда я рядом с Миднайтом, то в ярости всегда.

— Надеюсь, ты отлично проведешь ночь в моем доме, — радушно улыбаясь, он разводит руками. — Только постарайся больше ничего разбивать и ломать до моего возвращения, договорились?

Может, мне тут все поджечь?

— Да, — я улыбаюсь ему в ответ.

— Твое лицо выглядит пугающе, но я надеюсь, что ты будешь хорошей девочкой.

Миднайт разворачивается и идет к выходу. Он останавливается прежде, чем переступить порог, но так ничего и не говорит.

Еще через несколько секунд его стройная фигура скрывается из поля моего зрения.

Я тереблю пояс белого махрового халата, пока мне в голову не приходит мысль, что лучше его снять и надеть что-то легкое и удобное из имеющихся в моем гардеробе вещей. Я рыскаю в

чемодане и быстро нахожу голубой топ к черным джинсам. Быстро надеваю это поверх нижнего белья, затем бросаю халат на спинку стула, а после выхожу из комнаты, аккуратно закрыв за собой дверь. Постоянно оглядываясь, я чувствую себя шпионом. Миднайт мог бы сговориться с прислугой, чтобы те следили за мной, не выпускали из спальни и так далее. Но меня невозможно удержать в клетке, именно поэтому я двинулась на осмотр большого дома, что принадлежит мерзавцу, не заслуживающему даже кирпича с фасада.

Мне повезло. На пути никто не встречается, а это значит, что я смело могу пройти в левое крыло. Двери там повыше и двустворчатые. Так и не поймешь, за какой из них кроется комната Миднайта. Я открываю одну за другой, пока не встречаю что-то оригинальное среди одинакового, светло-бежевого цвета всех дверей. Та, у которой я стою, выкрашена в темно-коричневый, и высота ее достигает до самого потолка. Учитывая то, насколько славлюбив этот парень, можно с уверенностью предположить, что впереди меня ждет именно его спальня.

Я угадала. Заперевшись, не спеша разглядываю золотые узоры на темно-зеленых стенах, кровать огромнейших размеров с балдахином, гардеробную и два кресла у окна. На них висят черные шторы. Они приоткрыты, поэтому в спальню просачивается солнечный свет. Он, кстати говоря, стал более ласковым, и уже не так адски печет, поэтому позже я даже могу прогуляться по саду, без опасений получить удар.

— Как здесь красиво, — тихо говорю сама себе, проведя рукой по поверхности камина, на котором стоят фотографии в рамках.

Я решаю не вглядываться. Возможно, знать про Миднайта больше, чем я рассчитывала, — ошибка.

Прыгаю с разбега на мягкую кровать, и пушистые покрывала встречают мое тело с особым теплом. Я ощущаю на простынях запах парня и, сама того не ожидая, вбираю ноздрями его аромат, сжав пальцами подушку, буквально приклеившись к ней носом. Даже не хочется делать замечание самой себе. Знаю, что это неправильно, но безумно хочется.

Все-таки, не выдержав, подрываюсь и, подбежав к камину, принимаюсь разглядывать фотографию справа. Я не сразу замечаю ее, потому что она менее приметная: очень старая, черно-белая. На

ней двое взрослых мужчин с лихо-закрученными усами, двое молодых парней с гладко выбритыми лицами и милая, юная девушка, длинноволосая и изящная. Ее волосы захвачены в свободный хвост, несколько темных прядей струятся по одному плечу. Все бы ничего, если бы не один странный и интересный факт, невероятно меня пугающий. Один из молодых парней на старом фото — Миднайт.

Я совершенно точно не могу спутать. Я совершенно точно понимаю, что это тот самый парень, который обожает сарказм и готов соревноваться в нем с кем угодно. Сощурившись, я беру рамку в руки и хмурюсь, чтобы рассмотреть все, не упустив ни одной детали.

Черт! Да на них же одежда восемнадцатого, или девятнадцатого веков! Мои познания в истории не позволяют мне сделать окончательный вывод, однако понятно, что столько люди... даже ведьмы и колдуны молодыми быть не могут!

Как такое возможно?

Я пальцем провожу по фотографии, задевая голову Миднайта, такого беззаботного. Внешне он совсем не изменился, но взгляд стал другим, более циничным. А на этом старом фото Миднайт добр, юн и мил. Наверное, такой Миднайт мне бы с легкостью понравился.

Но я все еще в ужасном шоке. Отшатываюсь, присаживаясь на край кровати, опустив руку с фото, но разглядывая каждый угол с настойчивостью, страхом и любопытством.

Эти люди на фотографии — его семья? Дальние родственники? Может, они его предки? И жил когда-то человек, как две капли воды похожий на моего нового знакомого.

Самый важный вопрос, ответ на который я так и не получила до сих пор... Кто такой Миднайт?

ГЛАВА 11

ДЖЕЙН

Я всюду слышу его. Голос, преследующий меня, куда бы ни пошла, куда бы ни взглянула. Голос, произносящий слова, ранящие сотней кинжалов в самое сердце. Отравляющие сознание, испепеляющие чувства, что бурлили во мне безудержной силой и помогали оставаться в здравом уме.

Всего лишь несколько слов, повторяющиеся снова и снова. Словно против собственной воли я несусь по замкнутому кругу, из которого невозможно выбраться... невозможно прекратить это нескончаемое движение.

Я загнана в ловушку и безжалостно казнена обстоятельствами.

Тот человек... демон (не знаю, как будет правильнее назвать его), самым жестким образом излил на меня правду, которую я так жаждала получить. Мое равнодушие к вопросам, терзающим меня на протяжении долгого времени, привело, наконец, к шокирующим ответам.

Я потеряла память, потому что потеряла свою душу. Она заточена в Тардесе — загробной темнице, которая таит в себе нечто зловещее. То, что нельзя выпускать.

Росс знал об этом.

Эйден знал об этом.

Им обоим было известно о причинах того, что после аварии я очнулась совершенно другим человеком.

Они оба утаивали от меня то, что я должна была знать.

Один — потому что желает во что бы то ни стало вернуть мою душу из Тардеса. Несмотря на то, что многие опасаются этого, он готов пожертвовать целым миром ради того, чтобы я стала прежней, и мои чувства к нему так же изменились.

Второй — потому что пытается удержать рядом с собой, испугавшись того, что если ко мне вернется душа, я перестану

любить его.

Прикрывшись тем, что пытались уберечь меня, Картеры действовали в собственных целях. Чтобы защитить СВОИ чувства и самих себя от боли.

Оба поступили эгоистично и лишили меня права выбора, оставив в стороне наблюдать за всем творящимся безумием.

Как бы сложилась моя жизнь, если бы я знала обо всем с самого начала?

Проклятье.

Я предпочла бы вообще ни о чем не знать.

Я с завистью смотрю на то, как мой отец и Оливия украшают гостиную к предстоящему Хэллоуину. Папа лезет на деревянную стремянку и берет из рук своей жены гирлянду с надписью: «Счастливого Хэллоуина». Они обмениваются теплыми улыбками, и я чувствую укол зависти.

Выглядят такими счастливыми и беззаботными. Не отягощенные запретными знаниями о демонах, ведьмах, вселенском зле и о потерянной душе, заточенной черт знает где. Они живы и радуются каждому дню. Их беды кончаются на бытовых неурядицах, и это так прекрасно.

Я мечтаю хотя бы на один день увидеть мир их глазами. Не искать подвоха, не бояться людей и не видеть в каждом прохожем потенциального врага. Я бы хотела любить и быть любимой без страха за наши жизни.

Разве желание жить, как все, настолько невыполнимое?

— Джейн, детка, — Оливия обращается ко мне, и я встряхиваю волосами, прогоняя дурные мысли, — не могла бы ты заняться украшением двора? Все необходимые декорации уже снаружи. Я была бы тебе очень признательна.

Эта женщина, как и всегда, невероятно добра ко мне.

Я киваю ей.

— Да, конечно. Без проблем.

Возможно, это поможет мне отвлечься.

Оливия широко улыбается и хлопает меня по плечам.

— Спасибо.

Я накидываю черную жилетку с капюшоном из болоньи поверх вязаного свитера и выхожу из дома на крыльцо, заставленное различными украшениями для праздника.

Я делаю так, как просит Оливия, но стараюсь не предаваться мыслям полностью.

Постоянно ощущать напряжение от того, что в жизни кое-что пошло не так, ужасно. Я не хочу свихнуться и попасть в сумасшедший дом с подозрением на шизофрению.

Пару больших тыкв, уже должным образом вырезанных, я выставляю по двум краям подъездной дорожки и еще две оставляю на крыльце, а после достаю толстые свечи изнутри каждой и с помощью зажигалки, валяющейся на полу, зажигаю их. Когда наступят сумерки, можно будет любоваться, как красиво светятся тыквы на улице, ведь уже все наши соседи позаботились о том, чтобы в Хэллоуин наш район был самым нарядным.

Я верчу зажигалку в руке. Как ни старалась не думать об этом, но теперь, присев на ступеньки деревянного крыльца, могу быть сконцентрированной только на том, что произошло.

Черт. Дьявол.

Я мысленно смеюсь, и уголки моих губ поднимаются вверх. Отличная попытка стать обычной хотя бы на один день. Это вызывает у меня в действительности саркастичный смех, ведь всякое мое старание венчается провалом. Произносить имя Дьявола, даже не вслух — не лучшее решение, когда стремишься позабыть о реалиях, которыми окружена твоя жизнь.

И эта зажигалка... Я прикрываю на миг глаза, но стоит мне сделать это, как снова вижу того мужчину в плаще, бросающего свою зажигалку на мою машину, облитую бензином.

Случилось кое-что странное. Конечно, это не такое уж дикое по шкале необычностей жизни Джейн Мортис. Но все же... Когда я вернулась домой из мотеля, где остановился Росс, то увидела свой автомобиль целым и невредимым на дорожке у гаража. Я была настолько шокирована, что буквально утратила способность говорить.

«Как такое возможно?!», подумала я. Мне не могло померещиться. Я точно знаю, что видела. Свидетелями ужасного происшествия были соседи, и Эйден...

Во время завтрака папа и Оливия вели себя, как ни в чем не бывало. Папа поинтересовался, как я провела время с Синтей. Понятия не имею, почему он решил, что я была с ней, а не со старшим Картером, но я подыграла ему. Давясь пересоленным куриным рулетом, приготовленным Оливией, я изо всех сил старалась не проболтаться. Меня раздирало непонимание ситуации, в которой я оказалась.

По окончании завтрака, наслушавшись болтовни о том, как папа и моя мачеха провели время в Монгомери, я и сама начала верить в то, что просто схожу с ума. Количество сумасшедших вещей за последнее время превышает допустимую норму необыкновенностей.

Я убираю зажигалку в карман жилетки и немного откидываюсь назад, упершись руками в деревянный пол. Прикрываю глаза и подставляю лицо морозному, унылому ветру, лениво подгоняющему сухую и яркую листву шелестеть по холодной земле.

Я пытаюсь заглушить поток неорганизованных мыслей, жужжащих в голове, пробую расслабиться хотя бы на минутку и ни о чем не думать. Просто сидеть на крыльце дома и наслаждаться хрупким оцепенением.

— Что будешь делать дальше, Джейн? — кажется, я действительно тронулась умом, потому что начинаю разговаривать сама с собой.

Смогу ли я делать вид, что моя жизнь не потерпела очередную метаморфозу? С каждым днем, проведенным в Дайморт-Бич, все становится сложнее.

Хотелось бы мне сделать виновником всех бед этот несчастный, маленький городок в Алабаме.

Но виноваты люди. Виноваты обстоятельства. Виновата судьба. Дайморт-Бич безмолвно впитывает в себя всю боль, пережитую его жителями. Насколько его хватит? Чем он заслужил столько неприятностей? Или такая чертовщина с разборками демонов, ангелов смерти и ведьм происходит в каждом третьем городке? Сомневаюсь.

Как бы мне хотелось вскрыть себе грудную клетку и вырвать сердце, потому что оно беспрестанно ноет о Росссе Картере. Разорванное в клочья, оно обливается кровью, и я совершенно сбита с толку. Я не знаю, как сделать так, чтобы эта боль прекратилась.

Я думаю о Росссе.

Я хочу увидеть его.

Я хочу выслушать то, что он скажет в свое оправдание.

Я хочу поверить ему и простить.

Но не могу.

Не стану ничего предпринимать, потому что... потому что с меня довольно, черт возьми. Я стисну зубы и буду терпеть, ждать и уповать на то, что тоска по мужчине с незабываемыми голубыми глазами в скором времени растворится и станет прошлым.

Только так я смогу исцелиться.

Я слышу, как позади меня открывается дверь.

— Джейн? — голос отца звучит слегка удивленно.

Я распахиваю глаза и смотрю на него по-прежнему с запрокинутой головой. Вижу его улыбку и то, что в руке он держит кружку с надписью: «Любимому папе». Боже, это же мой подарок ему на Рождество десятилетней давности... Обалдеть.

Я делаю вдох и слышу терпкий аромат свежесваренного кофе.

— У тебя все хорошо? — обеспокоенно интересуется папа.

— Угм, — бормочу в ответ.

Все просто ооочень хреново, пап.

— Почему ты не идешь в дом? На улице холодно, — он изображает дрожь и проводит рукой по седеющим волосам.

— Присядь, — прошу я, хлопая по месту рядом с собой.

Отец с улыбкой выполняет мою просьбу.

— Будешь? — он предлагает мне кофе.

— Нет. Спасибо.

Кажется, его смущает то, что мы погружаемся в тишину. Папа

ерзает и кашляет в кулак, затем отпивает напиток. И снова кашляет. Он смотрит куда угодно, но не на меня, и это выглядит немного забавно.

— Почему ты улыбаешься? — вдруг спрашивает он. — У меня что-то на лице?

И начинает щупать свой подбородок, рот, щеки и нос на наличие «странности», которая якобы рассмешила меня.

Я слегка наклоняю голову вбок, не сводя с него глаз.

— Ты очень красивый, папа.

— Боже, Джейн, ты смущаешь меня, — он громко сглатывает, изображая шок, и прикладывает ладонь к щеке. — Господи, нельзя так шутить со своим стариком...

Я издаю негромкий смешок и падаю головой на его плечо.

— Ты вовсе не старый, папочка, — заверяю, просовывая руку под его локоть. — Оливия бы не вышла замуж за старого и страшного.

— Ну спасибо, — хохочет он, хлопая рукой по моему колену.

Оливия громко включает музыку, из дома доносится лирическая песня группы Tyrone Wells. Она вызывает у меня эмоции, которые я хотела бы спрятать далеко, куда-нибудь в уголок своей души. Сглотнув ком в горле, позволяю папе трепать меня по предплечью, ведя по нему ладонью в согревающем жесте.

— Хорошо, что ты у меня есть, — вдруг произносит папа над моим ухом.

Его слова действуют на меня не так, как он, наверное, ожидал. В носу щиплет, ком становится все больше, я поджимаю губы, но чувствую, как по щеке уже скатывается одна слеза. Она падает вниз, задевая рот, и когда я облизываю губы, то ощущаю на языке солоноватый вкус своей печали.

— Я ни о чем не жалею из того, что пережил, — вспоминает отец, заставляя меня плакать сильнее.

Он впадает в ностальгическое настроение, а мне жаль. Очень жаль, что я знаю так много об этом мире и не могу поделиться с ним. Знаю, что авария забрала у меня душу, и моя любовь к Россу... могу

ли я считать ее настоящей? Ведь выходит, она очень неожиданно началась, и толчком была именно автокатастрофа, или я что-то чувствовала к нему до?

Папа продолжает обнимать меня, рассказывая о молодости, о годах, которые он провел с мамой и обо мне, маленькой-маленькой, которую он любил катать на своей первой в жизни машине.

Я пытаюсь сдержаться, но ничего не получается, и судорожный вздох случайно выдает мое состояние с головой. Отец тут же отстраняет меня, чтобы взглянуть на мое лицо.

— О, Боже, — шепчет он с родительской заботой в голосе, принимаясь вытирать мои слезы. — Милая, что произошло? Почему ты... почему ты плачешь?

Он в недоумении качает головой, а я морщусь, опуская ресницы, разрешая себе практически рыдать. Закрываю рот рукой, заглушая иступление, которое рвется наружу.

После я все же мысленно прошу себя успокоиться и вздыхаю еще раз, набирая в легкие как можно больше воздуха. Папа продолжает встревожено смотреть на меня.

— Я очень тебя люблю, пап, — признаюсь ему я и кладу свою ладонь на его плечо.

Он слабо улыбается, пытаясь разгадать причину моих слез.

— Но я...

Не решаясь закончить, я вновь поджимаю губы.

Я собираюсь сказать ему кое-что, что сильно огорчит его и может разбить сердце. Но в своем неожиданном решении я вижу единственный выход, чтобы все уладить как можно безболезненнее для себя.

Я не уверена, что смогу жить в одном городе с братьями Картер. Я не сумею сохранить остатки здравого рассудка, находясь в месте, где каждый переулочек напоминает о том, что довелось пережить.

Мне нужны перемены.

И начать их необходимо прямо сейчас.

— Возможно, будет лучше, если я вернусь в Чикаго.

ГЛАВА 12

РОСС

Остается катастрофически мало времени.

Двадцать три часа до того, как Изаки явится в Дайморт-Бич, устроит свою версию Кэрри и проделает дыру в голове моего брата.

Кстати, об Эйдене. Этот засранец куда-то пропал. Он ушел почти сразу после Джейн — это было сутки назад — и до сих пор не возвращался. Его телефон отключен, и я в растерянности.

Сейчас не время, черт возьми, игнорировать меня! Мы должны действовать сообща, и если братишка задумал свершить что-то в одиночку... в общем, как только я увижу Эйдена, то поджарю его задницу на гриле.

Без него я слеп. Я не продвинулся ни на йоту, потому что не имею ни малейшего понятия о том, где Миднайт и Анна, и как с ними связаться. Но Эйден знает и может. Поэтому он так сильно нужен мне сейчас.

Я оставляю ему сотое голосовое сообщение, разбавляю послание угрозами и ругательствами. Я даже отправляю видео-сообщение, чтобы наглядно показать, как дьявольски зол.

Но Эйден не читает. Не отвечает.

— Совсем страх потерял, маленький уродец, — шиплю я, с силой сжимая в ладони телефон.

Я взбешен, но переживаю. После того, как Себастьян устроил мне персональный тур в ближайшее будущее, залитое кровью невинных людей и моего брата, я не могу унять в себе беспокойство.

Чертовски не хочется даже думать об этом, но, возможно, отец знает что-нибудь? Нет. Ему по-любому что-то известно. Эйден всегда был ближе к нему, чем я. Я так же не отрицаю того варианта, что брат обо всем рассказал отцу, и они вместе решают, что делать дальше.

Без меня.

Ну уж нет. Черта с два они оставят Росс Картера в стороне.

Грядущая проблема касается и меня тоже. Папе и Эйдену не хватит ума и смекалки, чтобы во всем разобраться самостоятельно.

В конце концов, это я спал с Анной Гарнер на протяжении последних двух лет. Хотя она и продолжает упрямо утверждать, будто понятия не имеет, кто я такой, я ближе всех могу подобраться к ней. Я способен заставить ее плясать под свою дудку, как делал это всегда, с первых минут нашего знакомства. Жестоко, я знаю. Но эта девушка прекрасно знала, каков я, с самого начала. Она добровольно подписалась быть использованной мною.

Признаться, в какой-то момент мне казалось, что Анна — лучшая из всех девушек, с которыми меня когда-либо и что-либо связывало. Мне было комфортно с ней.

Но затем в мою жизнь ворвалась Джейн Мортис безумным шквалом, уничтожила меня и возродила тем, кто я есть сейчас.

Новый Росс Картер. Способный любить. Способный сопереживать.

Я и Анна Гарнер связаны особыми узами. Не дружбой. Не враждой. Не любовью. Чем-то исключительным, едва уловимым. Если в моих силах использовать то, что было между нами, я обязательно сделаю это.

И я больше не могу сидеть на месте.

Я сейчас же отправляюсь домой, к отцу.

Проезжая на джипе мимо главной трассы, я вижу аварию и ловлю себя на мысли, что теперь мне не приходится думать о том, что если сегодня кто-то умрет, нужно будет забирать его душу. Я не знаю, радует меня это, или удручает. Мы с Эйденем потеряли работу — это плохо. Но заботы, навалившиеся на наши плечи, слишком ужасные, чтобы переживать о недостатке денег.

И все-таки я скучаю по роду нашей деятельности, как бы это ни звучало извращенно и странно. Я родился таким, я для этого создан.

Припарковавшись у нашего небольшого дома, я быстро выхожу из машины, нервно вертя в руке телефон. Дверь не заперта, я свободно вхожу в дом, в гостиной встречаясь с отцом, который напряженно о чем-то размышлял до моего прихода. На мгновение его взгляд светлеет, лицо разглаживается от морщин, но это всего на миг. Спустя несколько секунд он — пожилой мужчина, измученный

проблемами и попытками их решить.

— Росс, — на выдохе произносит папа.

Щетина на щеках и подбородке того же цвета добавляет ему несколько лет. Я не могу перестать смотреть на отца, нахожу в его глазах частичку себя. Отмечаю, что мы с ним действительно похожи.

Когда мы впервые увиделись после долгих лет, я был так разозлен и взвинчен, что просто не успел рассмотреть его, разглядеть, найти одинаковые черты. А сейчас... возможность есть. Я пришел сюда для мирного разговора, хоть и спешу. Однако во мне больше не горит огонь ненависти и вражды. Я всего лишь хочу смотреть в его изумленные глаза, из которых катится слеза. Отец быстро смахивает ее с лица и приближается на полшага, но в нерешительности замирает.

— Сынок... — выходит у него с невольным всхлипом.

Мои плечи опускаются. Я только теперь ощущаю на них тяжесть всех трудностей. И все равно, держа себя в руках, сухо бросаю:

— Привет.

— Здравствуй, — он неоднократно кивает головой. — Не ожидал увидеть тебя здесь.

Из меня вырывается саркастичный смешок, когда я бросаю на тумбочку свой телефон и ключи от машины.

— Это мой дом, пап. Мой и Эйдена.

Краем глаза могу видеть, как он снова кивает и переминается с ноги на ногу. Я прохожу к диванам, сажусь на один из них, широко разведя ноги в стороны, и кладу локти на колени, сцепив пальцы вместе.

— Выпьешь чего-нибудь? — нервно спрашивает отец, но жестом я прошу его сесть.

Послушав меня, папа садится напротив, внимательно глядя на меня, чуть приоткрыв рот.

— Росс, — снова начинает он, судорожно облизнув губы. — Может, ты... я не знаю, что сказать тебе. Я очень скучал и хочу, чтобы ты вернулся домой.

— У нас нет времени болтать об этом, — подсказываю я.

Беспокойно переплетя пальцы вместе, отец положительно качает головой.

— Хорошо.

— Как давно ты видел Эйдена? Он не отвечает на мои звонки, и я подумал, что ты мог бы знать.

Прежде, чем папа успевает что-либо произнести, я спешно добавляю:

— Не вздумай лгать мне.

Отец отвечает мне прямым взглядом.

— Я бы не стал говорить тебе неправду.

Ох, да ладно тебе, старик...

Я пропускаю свое язвительное замечание и потираю переносицу.

— Он нужен мне. Срочно. Поэтому если ты знаешь что-то, то лучше скажи.

Папа откидывается на спинку кресла, не сводя с меня глаз. Я стараюсь выдержать его немигающий, словно проникающий в самую суть моих мыслей взгляд, но все же сдаюсь и первый отворачиваю голову в сторону, где находятся наши с Эйденком комнаты.

— Оставь это, Росс, — вдруг слышится от отца. — Я знаю, что вы с Эйденком пытаетесь найти ведьму и вернуть ее ради спасения души девушки, в которую влюблены.

— Прекрасно, — кидаю я, но внутренне напряжен. В голове тут же рисуется образ Джейн, и мне хочется удавиться от дичайшей тоски.

— Поэтому тебе нужен Эйден? Чтобы выйти на связь с тем парнем? Миднайтом.

— Я смотрю, ты отлично осведомлен, — я кривлю лицо и соскакиваю с дивана. — Но кое-чего все же не знаешь. Ты... ты просто не представляешь, что может случиться, если Анна Гарнер не появится в Дайморт-Бич к завтрашнему дню. Осталось меньше суток, чтобы все предотвратить!

— Это невозможно, Росс, — голос отца приобретает стальные оттенки, и от мягкости, радушия не остается следа. Я смотрю на папу,

но вижу незнакомца, холодного и отчужденного, с испытующими глазами. — Даже если бы у тебя была возможность вернуть Анну, ты не успел бы добраться до нее. Она находится за десять тысяч километров отсюда.

— Где она?

— В Иерусалиме. Иветт и остальные отправились к ней. Несмотря на расстояние, впервые за две недели у нас наконец-то появился реальный шанс поймать их.

— Отлично. Я сейчас же вылетаю, — я разворачиваюсь и собираюсь идти к выходу, но оказываюсь остановленным отцом. — Лучше отпусти. Я не хочу делать тебе больно.

— Я не отпущу тебя. Не лезь в это, сынок. Умоляю.

Я с силой выдергиваю свое запястье из его хватки и посылаю полный враждебности взгляд.

— Останавливая меня, ты подписываешь Эйдену смертный приговор, — я шиплю это сквозь зубы, испытывая все оттенки гнева.

Он непонимающе глядит на меня.

Скривив рот в желчной ухмылке, я спешу пояснить.

— Брат-близнец вашей гончей шавки — Иветт — потребовал привести ему Анну Гарнер в обмен на то, что он гарантирует мне, Эйдену и Джейн безопасность от беды, которая произойдет. Если мы не выполним условия сделки, Эйдена ждет смерть, — сказав, наконец, эти слова вслух, я вдыхаю полную грудь острого, как бритва, воздуха. — По наши души придет сам канцлер Изаки. Себастьян показал мне, заставил увидеть то, как Изаки порубит половину города и убьет Эйдена, зарядив пулю ему в лоб. Все ради игры. Хреновой игры с нашими жизнями! Так что ты теперь скажешь? Позволишь умереть своему сыну, или будешь продолжать гнуть свое, черт тебя дерит?!

Сложно сказать, что именно подожгло фитиль моего терпения, но я явственно ощущаю, как стремительно приближаюсь к тому, чтобы взорваться.

Я приказываю себе собраться и быть хладнокровным. Не позволять отчаянию и злости туманить изничтоженный безумствами здравый ум. Я должен оставаться спокойным и сохранять

способность мыслить рационально. Мне ни к чему срываться на отца и высказывать ему все то, что заставляет душу яростно kloкотать.

Хотя другая часть — мой эгоизм, моя обида — требует, чтобы он обо всем знал. Папа бесследно исчез из моей жизни много лет назад, оставив одного с впечатлительным, ранимым младшим братом с разбитым сердцем. Он бросил меня, скинул непостижимый груз ответственности на мои юношеские плечи, лишив очень многого. Я никогда бы не заставил себя усомниться в его смерти. Я считал его героем, хоть и глупцом. Но сейчас, когда тот, кто числился в мертвецах очень долгое время, стоит передо мной живой и постаревший, я больше не хочу оправдывать его.

— Ты, — я стискиваю в исступлении зубы и приближаюсь к отцу, — должен забыть о своих гребаных планах и помочь мне. Ради Эйдена. Если он... — я не решаюсь сказать «умрет». — Я никогда не прощу тебе.

Отец выглядит сбитым с толку, и я не могу скрывать своего удовольствия его рассеянным видом. Я чувствую, что близок к победе в нашей маленькой битве и стараюсь заглушить все «но», прорывающиеся через возведенную стену уверенности.

— Изаки мертв, Росс, — папа проговаривает эти слова медленно и четко. При этом он смотрит на меня с гипнотизирующей пронзительностью. — Я собственноручно убил его, когда он пришел за мной и вашей матерью много лет назад. Я не успел спасти ее, но отомстил.

Этого не может быть.

Я недоверчиво пялюсь на отца и старательно ищу подвох в его мимике, жестах, словах. Но он выглядит непоколебимым, абсолютно уверенным в том, о чем только что поведал мне.

— Он мог выжить, — предполагаю я, но мой голос подрагивает от нахлынувших сомнений.

— Он мертв, — настаивает отец.

Если папа сказал правду, тогда что я видел? Что мне показал Себастьян?

— Этот демон запудрил тебе мозги, — напряженно продолжает отец. — Себастьян хитер и способен пойти на многое ради достижения собственных целей. То будущее, что он показал тебе,

было ложью. Не верь тому, что видел, Росс.

И вдруг я осознаю, что был обведен вокруг пальца, как младенец. Выставлен полным дураком, который позволил себе внушить полную чушь. Я был загнан в ловушку с самого начала.

Выставив одну руку вперед и потупив взгляд, я все еще пытаюсь понять, говорит мне отец правду, или нет. Если честно, его слова не вызывают во мне доверия. Возможно, папа на это и рассчитывает: что я быстро поверю в его байку и расслаблюсь, оставив Анну в покое. Но с другой стороны... неужели ему хочется видеть смерть своего сына? Я тяжело сглатываю и зажмуриваюсь.

Любимого сына.

Папа не стал бы рисковать Эйденем.

Только не им.

— Зачем Себастьяну лгать мне про Изаки?

Отец отвечает незамедлительно, четко выговаривая каждое слово.

— Изаки был беспощадным монстром. Он творил отвратительные вещи, даже по меркам Ада. Он — отличный вариант для того, чтобы пугать демонов и ангелов смерти. Брату Иветт нужны союзники. Он оставил Ад, бросил ему вызов, отрекся от уклада того мира, наших законов и правил. Себастьян считает, что если освободит зло, кроющееся в Тардесе, то сделает всем одолжение. Но тогда будет уничтожено все. В том числе и загробная жизнь. Не останется ничего, и Себастьян одержим мыслью о том, чтобы оставить после жизни чистейший хаос, — заканчивает отец, понижая голос.

Я не успеваю ответить ему, как он, жестикулируя руками, дает понять, что мы с Эйденем в безопасности.

— Я следил за вами, Росс. Тайно следил. И прежде чем начать эту операцию, моя команда устранила всех соперников и врагов. Всех, кто мог бы вам навредить. Я просто не позволю, чтобы кто-то причинил вам вред, сынок. Ты можешь не беспокоиться об этом, — на его тонких губах расцветает слабая улыбка, но я сдерживаюсь от ответной и просто прячу глаза. — Много лет назад я был слаб, но сейчас все иначе.

— Не понимаю, почему Себастьян не думает о своей смерти тоже, если Тардес будет открыт? — задумчиво изрекаю я, облокотившись о стену.

Папа пожимает плечами.

— Мне кажется, он все понимает.

Я вскидываю на него вопросительный взгляд.

— Себастьян готов пожертвовать и собой тоже, — поясняет отец. — Под его руководством создана организация... что-то вроде секты. Мне не очень много известно о ней. Он под воздействием своей безумной идеи. Я не могу гарантировать того, что брат Иветт совладеет с собой.

Я грустно усмехаюсь.

— Думаю, что от Себастьяна пора избавиться.

Папа улыбается мне шире, но не успевает ничего сказать, потому что дверь спальни Эйдена нешироко открывается, и мой брат выходит в гостиную слегка удрученный и держащийся за голову.

— Серьезно, приятель?! — я всплескиваю рукой. — Я чуть не свихнулся, потому что ты кинул меня и не отвечал на мои звонки, которых, между прочим, я оставил тебе целую кучу! Какого хрена ты прохлаждаешься в своей комнате?

Он морщится, бормоча что-то о том, чтобы я не говорил так громко, приводит волосы в беспорядок и только потом опускает руки вниз.

— Вчера я вернулся сюда, чтобы кое-что взять и поговорить с папой... Но потом... Черт, в общем, Иветт ударила меня. Она была чертовски зла, как выяснилось позднее, — начинает брат, глядя то на меня, то на понимающего все отца. — Ей не понравилось, что я позволил Себастьяну вырубить ее на время и запихнуть в свой автомобиль, вот и решила сделать со мной почти то же самое, — Эйден морщится, приложив ладонь к затылку.

Пройдя к холодильнику, он достает из морозилки пакет со льдом, приложив к больному месту.

— Тебя уложила девчонка, — отмечаю я шутливым тоном.

Эйден вскидывает палец свободной ладони вверх.

— Она — демон, брат, демон.

И, пользуясь случаем, дополняет:

— Я слышал обо всем, что вы тут говорили. Ты должен был сказать раньше о том, что внушил тебе этот засранец Себастьян.

Я цокаю языком и закатываю глаза, скрестив руки на груди. Папа садится рядом с Эйденем на софу.

— Я думал, в твоих видениях погибает Джейн, — продолжает брат.

— Ты посчитал, я могу так реагировать только на предполагаемую смерть Джейн? — вопрошаю я, изогнув бровь.

В ответ он качает головой и опускает глаза вниз. Его губы трогает легкая улыбка, ничего не значащая.

— Неужели, ты так расстроился из-за меня? — Эйден не скрывает веселья в своем удивлении. Придурок. — Ты плакал? Боже. Ты наверняка плакал. Как жаль, что я пропустил это зрелище. Нужно было остаться и заснять тебя, а затем залить видео в ютуб. Проклятье, я мог бы прославиться за счет твоей сентиментальности, Росс.

— Пошел ты, недомерок. Если бы я плакал, то исключительно от счастья, что твой рот, наконец, навсегда замолк, и больше не будет генерировать паршивые шутки. Из тебя отстойный юморист, братишка.

— У меня был достойный пример для подражания, — он подмигивает мне.

— Гавнюк.

— Тупица.

Я скрещиваю руки на груди.

— Соплежуй и зануда.

— Охохох, — Эйден запрокидывает голову в приступе гогочущего смеха. — Прошу любить и жаловать, дамы и господа. Король Идиотских и Скучных Прозвищ, Мистер Заурядность в одном лице — Росс Картер!

— Ну все, последний девственник планеты, ты нарвался.

Я бросаюсь в его сторону, закатывая рукава рубашки. Эйден

вырывается, когда я обвиваю его шею рукой и начинаю душить, заваливая на софу.

— Отпусти, — просит он сквозь приступы несмолкаемого хохота. — Чтоб тебя, Росс! Моя голова и так разрывается...

Второй рукой я начинаю теребить кулаком его по волосам.

— Что ты там лепечешь, принцесса? — я наклоняюсь к Эйдену. — Я тебя не слышу. Говори, пожалуйста, громче. Ты попросил напирать тебе под зад? Вообще-то, я не бью девчонок. Но раз ты настаиваешь... я джентльмен, поэтому не могу отказать в просьбе милашке вроде тебя.

Мы с Эйденем замираем, когда неожиданно слышим смех отца.

Он смеется громко и так искренне, что в уголках его глаз скапливаются слезы. Папа смотрит на нас, не скрывая побагровевшего лица, и широко улыбается.

— Я безумно скучал, ребята, — сознается он. — Я рад видеть вас обоих. И хочу поблагодарить за то, что вы остаетесь сильными, несмотря ни на что. Пожалуйста, всегда будьте друг у друга и помните, что нет ничего превыше семьи. Что бы ни случилось, мы справимся, если пройдем через это вместе. Я поступил неправильно, оставив вас, но хочу, чтобы вы знали. Я думал о своих сыновьях каждую минуту каждого дня. Я никогда не покидал вас, как бы далеко ни находился. И сейчас, когда я, наконец, могу быть рядом, хочу наверстать все то, что упустил. Если... — его голос подрагивает от волнения, — это все еще возможно.

Свойственное моему дрянному характеру желание испортить бесценный момент какой-нибудь дурацкой колкостью исчезает почти сразу после того, как вспыхивает. Я убираю руки от Эйдена, но не решаюсь заговорить первым. Отец смотрит на нас в ожидании любого ответа.

Эйден приглаживает волосы, опуская взгляд к полу. Наше тяжелое дыхание звучит в унисон.

Слишком многое произошло, чтобы вот так просто забыть это и начать играть в сплоченное семейство Картеров. Мы не заслуживаем этого и, кажется, что счастье столь же недостижимо для нас, как тайны будущего для человечества.

Но... возможно ли, что этому есть место быть?

Хотя бы на один день. На один вечер.

Просто стать двумя сыновьями и отцом. Забыть на несколько часов о том, что мы не люди, и что у меня с Эйденем нет проблем с одной и той же девушкой, которую мы оба любим.

— Полагаю, — я прочищаю горло и собираю всю смелость в кулаки, чтобы продолжить, — с Себастьяном все прояснилось? Ни о какой сделке и речи быть не может. Этот ублюдок обманом пытался сделать нас своими пешками. Я хрущу суставами шеи, представляя, как снова и снова переезжаю чистокровного на своем внедорожнике. До тех пор, пока от него останется только сырое пятно.

Но имеет ли теперь это какой-нибудь смысл? Себастьян раскрыл Джейн то, в чем я и Эйден хотели бы признаться ей в самую последнюю очередь. Она ненавидит меня, ненавидит его. Она ясно дала понять, что хочет оборвать с нами все связи.

Я вздыхаю, снимая с себя кожаную куртку и бросая ее на журнальный столик. Разминаю мышцы плеч, под наблюдающие взгляды отца и Эйдена направляюсь к мини-бару, чтобы достать весь имеющийся алкоголь. Сегодня я намерен осушить его. Все до последней капли.

— Я хочу напиться, — поворачиваюсь к ним и трясу в руке бутылку с абсентом. — Вы со мной?

ГЛАВА 13

АННА

Я просыпаюсь, потому что слышу грохот, доносящийся откуда-то снизу. Сквозь неясность и пелену на глазах пытаюсь дотянуться до светильника, чтобы включить его. Вожу рукой по воздуху, нащупываю что-то твердое и прохладное. Затем раздается приглушенный грохот, окончательно выдергивающий меня из состояния сна. Я протираю глаза кулаками и в ночной тьме пытаюсь разглядеть что-либо. Понятия не имею, что я ожидаю увидеть в огромной спальне, которая по размерам в три с половиной раза больше той, что в моем доме в Дайморт-Бич. Комната будто впитывает в себя сгустившийся за большими окнами мрак, притягивая его и укутывая неподвижную мебель.

Я снова слышу странные, резкие звуки и ловлю себя на мысли, что теперь не смогу уснуть. Свешиваю ноги с высокой из-за перин кровати и ступаю на что-то ногой. Мое действие отзывается вспыхивающей болью в ступне, и я хрипло шиплю от неприятного ощущения. Мне все-таки удастся обнаружить на тумбочке телефон, я снимаю блокировку с экрана и свечу им вниз.

Оказывается, я наступила на абажурный светильник.

Половина третьего ночи. Я с огорчением смотрю на время и корю эту проклятую вселенную за то, что она наградила меня чутким сном, который порой может нарушить даже жужжание мухи.

Что произошло?

Следом за характерным для бойни грохотом следуют взвизгивания и чужие крики.

Окей. Теперь мне по-настоящему любопытно и страшно.

Я на носочках крадусь к двери, чтобы приоткрыть ее и выглянуть наружу. Я высовываю голову через небольшой проем и жмурюсь, потому что в коридоре горит свет, и он слепит меня на несколько мгновений.

Кажется, внизу происходит что-то плохое. Стоит ли вмешаться,

или лучше не высовываться из комнаты? Похоже, нас снова вычислили.

Как же надоела эта бессмысленная беготня. Вот-вот, и я сама сдамся в руки преследующих нас демонов.

Неожиданно чья-то рука зажимает мой рот и с силой тянет назад. Я мычу, выставив руки вперед в нелепом жесте, и пачусь назад, потому что сопротивление причиняет боль.

— Тихо, — когда мой слух ловит знакомое шипение, я немного успокаиваюсь. — К нам пожаловали недружелюбные гости, поэтому постарайся не шуметь. Черт, они нашли нас быстрее, чем я ожидал.

Я наступаю пяткой на пальцы Миднайта и добиваюсь желаемого результата. Он убирает руку с моего лица и слабо отталкивает от себя.

— Какого... — я оборачиваюсь к нему, тыча пальцем в гнев. — Не подкрадывайся ко мне! Как ты вообще здесь оказался?! — боже, он что, следил за мной? Смотрел, как я сплю?! Даже не знаю, смущаться, или побить его за это...

— Да тихо ты! — шепотом прикрикивает на меня блондин и, конечно же, пропускает мимо внимания мои вопросы. — Нужно убираться отсюда. Из города. Страны. Как можно дальше.

— Знаешь, что? С меня довольно, — я тяжело вздыхаю и провожу рукой по волосам. — Я никуда не пойду.

— Черт возьми, — Миднайт с рыком подходит ко мне и встряхивает за плечи. — Ты что, не понимаешь? Сейчас мы в полной заднице!

— Это ты, — я толкаю его в грудь, — в полной заднице. Не приплетай меня к себе.

После того, как я делаю это, парень издает хриплый стон и сгибается пополам. Он обвиняет рукой свой торс и затрудненно дышит, словно его раздирает от жуткой боли. Ночь препятствует тому, чтобы ясно видеть Миднайта, но, хорошенько приглядевшись, я замечаю темное пятно на его одежде.

Пятно от крови.

— Ты ранен? — жесткость и недовольство исчезают, обнажая росток беспокойства.

Сама того не осознавая, я делаю шаг вперед. Во мне просыпается желание помочь ему, узнать характер раны и минимизировать боль. Миднайт сжимает ладонью левый бок, но, кажется, органы не задеты.

— Ерунда, — глухо отзывается британец.

Из-за «ерунды» не бывает столько крови.

— Тебе нужно в больницу, — бормочу я, едва слыша его.

— Пожалуйста, — когда Миднайт сжимает мое запястье, обращаясь сдавленным голосом, я чувствую, как сквозь мое тело проходит мощный, электрический заряд. Его светло-голубые глаза сверкают, и этот блеск в крошечной тьме я бы сочла волшебным, если бы не напряженность обстановки. — Мы должны уйти. Сейчас же. Прекрати спорить со мной и задавать вопросы.

Я поджимаю губы, не хочу бороться со своим упрямством, но это выходит само собой. словно мое тело действует самостоятельно, игнорируя крики разума. Да и рассудок начинает потихоньку отказывать...

— Поклянись, что все расскажешь мне, или я брошу тебя здесь, — я пользуюсь моментом, чтобы внести коррективы в наши дальнейшие взаимоотношения.

— Хорошо, — похоже, Миднайту действительно хреново, потому что он соглашается почти сразу же.

— И еще! — пока позволяет ситуация, нужно брать от нее сполна. — Ты перестанешь колоть мне сыворотку.

На этот раз блондин не спешит давать положительный ответ.

— Что же. Не скажу, что была рада нашему знакомству, — я отступаю все дальше и дальше, к двери, но не свожу глаз с корчащегося парня.

— Я согласен, — он процеживает это с неуверенностью и мрачностью.

Я останавливаюсь.

— Как нам выбраться из дома незамеченными?

Безопасный выход оказывается в самом неожиданном месте. В шкафу моей спальни. За кучей не принадлежащей мне одежды находится дверь. За той дверью — крутая лестница, ведущая в

подземельный лабиринт, который выводит нас к заднему двору дома. Я чувствую себя героиней приключенческого фильма типа Индианы Джонса. Погоня, тайные ходы... Это, конечно, безумно круто, но невероятно выматывает.

Не думала, что когда-нибудь признаюсь себе в этом даже мысленно, но я скучаю по своей прежней, невзрачной жизни в Дайморт-Бич.

Если бы я знала, что однажды ввяжусь во что-то подобное, была бы такой беспечной?

Думаю, я бы больше понимала ценность обычных дней в окружении ворчливой матери.

— Куда дальше? — уточняю я, озираясь по сторонам.

Миднайт кивает подбородком в сторону сада, за которым можно разглядеть задний бампер его машины. Я медленно волоку парня по тропинке, но вдруг он останавливается, как вкопанный, не позволяя мне идти дальше. И я вскидываю голову, чтобы понять, что произошло. Не знаю, как здесь появляется молодая копия Наоми Кэмпбелл, однако словно из воздуха перед нами образовалась светлоглазая мулатка. Она ведет себя уверенно, приставив ладонь к бедру. Ее брови вскинуты вверх, и она совершенно точно знает, что делает.

— Иветт... — грудным голосом произносит Миднайт. — Давненько не виделась. Я думал, ты мучительно умерла в джунглях Перу. Но ты здесь... Мне стоило лично убедиться в том, что тобой позавтракало какое-нибудь животное.

Это ее имя?

Кажется, они знакомы. И эта девушка — демон.

— Как иронична судьба. Еще недавно я проводила месяцы в бегах, скрываясь от тебя. Но сейчас все с точностью наоборот, — с нескрываемым ехидством изрекает она. — Не буду лгать, я в восторге от нынешнего положения вещей.

Миднайт, несмотря на ранение, громко и достаточно легко усмехается в ответ на ее слова.

— Значит, ты пустилась в охоту за нами. Взяла дурную привычку — портить мои планы своим существованием.

— Ты же понимаешь, что вам не убежать, да? — азартный, победный блеск в ее глазах вызывает во мне неприятное чувство. От мягкого, певучего голоса Иветт мои органы скручиваются в морской узел, и боль спазматически разливается по телу.

— Я бы предпочел отправить тебя в ад, но извини, — Миднайт цокает языком и ведет одним плечом. — Видишь ли, я сегодня не в духе.

Мулатка кивает головой, ярко улыбнувшись.

— Мне это на руку, красавчик.

Она поднимает руку, похоже, готовая требовательно схватить меня, и за долю секунды я представляю, что будет дальше, а Миднайт даже не сможет мне помочь.

Внезапно Иветт пошатывается. Даже не успеваю понять, что произошло, как девушка падает на землю, ударяясь коленями о твердую землю, и начинает задыхаться в громком, судорожном кашле. Ей тяжело держать свое тело в вертикальном положении, оно будто стремительно наливается свинцом. Иветт поднимает голову, ее рассеянный, затуманившийся взгляд пытается сфокусироваться сначала на лице Миднайта, затем на моем. Она не ожидала подобного так же, как я.

— Что... со... мной...

Прошелестев эти слова, девушка накрывается вбок и падает.

И тогда я вижу женщину, значительно превышающую в возрасте ту, что лежит у моих ног в бессознательном состоянии. Я машинально дергаюсь назад, но облегченный вздох Миднайта заставляет меня остановиться.

— Ты как никогда вовремя, Дэниз, — со спокойной интонацией произносит он, и краем глаза вижу, как парень однобоко улыбается, показывая ямочку на щеке.

Светлокожая и рыжеволосая женщина, одетая в длинное, темное платье с цветочным принтом и поверх кожаную куртку, очень серьезна и немногословна.

— Я позаботилась об ее союзниках, но это ненадолго, — сообщает она с южным акцентом, а после без разрешения хватает меня за руку, опускает пальцы к запястью и переворачивает ладонь

так, чтобы видеть ее внутреннюю часть.

— Эй! — пытаюсь протестовать я.

На женщину, как ни странно, совершенно не влияет то, что мне больно, неприятно, и я не понимаю, что она хочет сделать. Ее взгляд устремляется к моей метке. Дамочка долго разглядывает ее, после чего, не отпуская моей руки, поднимает взгляд на Миднайта.

— Это клеймо блокирует воспоминания, — бесстрастно изъясняет Дениз. — Кто тебе поставил ее?

Какое-то время я думаю не отвечать, но потом пожимаю плечами и говорю так, как есть, ничего не проанализировав:

— Это случилось во сне.

Миднайт, крихтя от боли, вмешивается в наш диалог:

— Я видел нечто подобное, но сомневался. Скорее всего, это сделали предки. Ведьмы ее рода, Дэниз.

Женщина не сводит с меня карих, пронзительных глаз.

— Тебе известно не больше, чем ты говоришь, — на это ее замечание я хмурюсь, однако женщина просто сглатывает и переводит взгляд на раненого Миднайта. — Я знаю, кто сможет снять метку. Вам в любом случае нужно покинуть Иерусалим. Немедленно.

Дэниз, закинув за спину длинные волосы морковного оттенка, некоторые пряди из которых заплетены в тоненькие косички, поворачивается, чтобы пройти вперед по дорожке из дорогого камня. Мы делаем то же самое, обойдя лежащую на земле Иветт. Дэниз выходит напрямик к «Ауди ТТ» черно-красной расцветки.

— Отправляйтесь в Тибет.

Я выпучиваю глаза.

— Китай?!

Миднайт и Дэниз даже не обращают на меня внимания.

Женщина невозмутимо продолжает.

— У подножия горы Кайлас живет Ешэ — жрец и очень могущественный колдун. Он может убрать метку, минимально навредив ей, — стальные глаза устремляются в мою сторону.

— Навредить? — я повышаю тон. — Простите, что рушу ваши

грандиозные планы, но я пас.

— Какой-то очередной безумный старик? — в параллель мне спрашивает Миднайт у своей знакомой. — Впервые о таком слышу. Может, есть варианты поближе? Все-таки, Китай далековато находится.

— Есть, но никто не потянет проклятие такого типа, — поясняет Дениз.

Стоп-стоп-стоп.

— Проклятье? — я хмурю брови. — О чем вы?

— Тебя проклял собственный род, — монотонно толкует женщина. — Эта метка очень медленно отравляет твой дух. Ее воздействие основывается на подпитке твоими жизненными и магическими силами. До тех пор, пока из тебя можно высасывать энергию, клеймо будет выполнять свои функции. В конечном итоге, это все равно убьет тебя.

Я с шумом выдыхаю.

Все это на самом деле происходит со мной? Просто не могу поверить, что я умираю. Незаметно и тихо. Неужели, моя собственная семья обрекла меня и лишила выбора? Неужели, мама... и бабушка возложили на меня такую ответственность? За что именно я должна поплатиться собственной жизнью? Какую тайну скрывает Тардес, и почему он должен остаться запечатанным любой ценой?

Возможно, если бы я знала больше, то сумела бы понять, за что должна отдать свои несчастные, оставшиеся три-четыре десятка лет. Косвенных обрывков информации недостаточно.

— Вы должны добраться до озера Ракшас-тал, — Дениз складывает руки на груди. — Шаманы будут ждать вас и отведут к Ешэ. Я свяжусь с ним и предупрежу о скорых гостях.

— А дальше? — я больше не могу быть терпеливой. — Что, этот жрец поколдует, и все исчезнет? — не могу говорить без нервозности и сарказма. — Моя жизнь будет спасена?

Ведьма-википедия-Дениз что-то бормочет на иврите и отворачивается. И как это понимать, черт подери?!

Эй, хочется сказать мне, хватит игнорировать меня! Я не пустое место и стою прямо перед твоим длинным носом! Но я еще могу

мыслить здраво и оценивать свое невыигрышное положение. Пока действует сыворотка — я бесполезна и жалка, как ведьма.

— Я попрошу подготовить самолет, — оповещает Миднайт, скорее обращаясь к самому себе, потому что сейчас мне точно не до него. Он достает телефон из кармана брюк, чтобы сделать звонок и договориться о брони частного самолета.

Дэниз, тем временем, уже открыла заднюю дверь машины, настойчиво предлагая Миднайту лечь назад. Ее обращение ко мне, как и все предыдущие, сухое и резкое:

— Ты умеешь водить?

В конце концов, от ее тона мне становится не по себе, и я отвечаю ей так, как она того заслуживает, — не менее несдержанно.

— Гонщица в третьем поколении, — закатив глаза, прохожу к водительской двери.

Спрятавшись в автомобиле, безрадостно завожу мотор. Стекла опускаются, хотя я не делала ничего, чтобы это произошло. Повернув голову, я вижу, что причиной стала Дэниз. Теперь она опускает руки вдоль туловища, прекратив магию.

— Я бы помогла вам доехать до аэропорта, но меня ждут, — бесстрастно произносит женщина с кожей молочного цвета. — Берегите себя, — последнее, что она говорит, прежде чем отступить на пару шагов назад.

Звук ее голоса в моей голове заменяется ревом мотора, когда мы стремглав уносимся с места.

ЭЙДЕН

Неприятности сменяют друг друга с головокружительной скоростью.

Когда только начинает казаться, будто все более-менее налаживается, и на сотую долю сотой доли процента поселяется уверенность, что дальше будет легче, — судьба выкидывает очередную, отстойную шутку. Она и бракованный юмор — слова-синонимы.

Джейн возвращается в Чикаго.

По иронии я узнал об этом совершенно случайно — сегодня утром, когда отправился в супермаркет за продуктами. Там я встретил Синтию, и она выглядела очень расстроенной. Мы поздоровались, и она сказала, что Джейн уезжает. Хотя Джейн просила никому не говорить об этом, но Синтия посчитала нужным раскрыть секрет своей лучшей подруги, потому что ей больно смотреть, как я страдаю. Оказывается, наша пара нравилась блондинке.

Джейн решила незаметно ускользнуть из моей жизни и начать заново. Без меня. Без Росса. Без Дайморт-Бич.

Нет. Неверно.

Джейн давно перестала принадлежать мне. Я потерял ее в тот самый момент — год назад в Чикаго, — когда впервые сказал, что хочу расстаться. Я разбивал ей сердце несколько раз. Даже если бы воспоминания Джейн были при ней, она бы ни за что не простила меня после того, как я в очередной раз бросил ее на вечеринке в чертовой кладовке колледжа.

Я был трусом. Был эгоистом. Я остаюсь им и сейчас.

Моя безудержная любовь была ядом. Но я не представляю своего существования без того, что медленно убивает меня и Джейн.

Смирение накатывает холодными волнами. Я принимаю то, что, в конце концов, должен отпустить эту девушку. Но не таким образом. Я не хочу, чтобы последнее, что произошло между нами, было той ужасной сценой в номере Росса, где Себастьян раскрошил ее сердце окончательно.

Я должен увидеть Джейн. В последний раз. И достойно попрощаться. Извиниться и пожелать удачи. Так будет правильно, по-человечески. Так я смогу усмирить свою совесть, которая сейчас дерет острыми когтями мои внутренности.

Просидев перед мерцающим телевизионным экраном еще некоторое время, я все-таки поднимаюсь с дивана, проверяю в кармане ключи от моей машины и, не предупредив о своем уходе, выхожу из дома.

Я завожу автомобиль, ощущая вибрацию мотора всем телом. Концентрируюсь на деталях: включающемся радио, как только ключ

поворачивается в замке зажигания; шумных соседях на улице; крикливой девушке, быстро сбегающей по деревянной крылечной лестнице и выходящей за территорию двора, пока мать зовет ее домой.

Осознав, что времени у меня не так уж и много, я словно выхожу из ступора и буквально срываюсь с места. Дорога, к счастью, пуста. При выезде из Дайморт-Бич меня не встречают пробки, я ощущаю себя прямо-таки чертовым везунчиком. Путь до самого Аннистона вперед по трассе занимает примерно сорок минут, но я жму на газ, вдавливая педаль в пол, желая прибыть на место не позднее, чем через полчаса. Я должен. Должен сказать все, что хочу.

Синтия сказала, что самолет Джейн вылетит вечером, но точное время ей не было известно. Я отправляюсь вслепую, имея лишь веру в то, что сумею застать Джейн.

Но если она улетела... Проклятье!

Мне бы немного успокоиться, но я так волнуюсь, что мои руки трясутся, сжимая руль. Вспотевшие ладони соскальзывают с кожаного материала, и невероятным образом мысли, хаотично метавшиеся в голове некоторое время назад, испаряются, словно по щелчку пальцев. Остается только жгучее сожаление и воспоминания лучшего месяца в моей жизни, который я провел с Джейн в Чикаго.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Я волнуюсь о брате. Что с ним сделают его чувства?

Я постоянно слышу от него, что я слаб духом и легкоранимый. Но правда в том, что Россу будет гораздо сложнее справиться с тем, что он испытывает к Джейн. Он рьяно гнал от себя все, что связано с отношениями. Сама мысль о любви претила ему и не вызывала ничего, кроме насмешки.

Не мне судить, сильнее ли его чувства моих, но Росс определенно будет в гневе из-за отъезда Джейн.

Я не сказал ему об этом. Это неправильно по отношению к нему, как к брату, и в каком-то роде я даже предаю его. Но я честен перед самим собой, я знаю, что не хочу, чтобы Россу было известно. Он мой брат, но когда дело касается Джейн — то и соперник.

Я уверен, что Росс так же не сказал мне, если бы узнал первым. Если бы у него был шанс заполучить последние минуты с Джейн,

которые он мог провести наедине и разрешить то, что хотел.

Он прикончит меня и будет дуться, наверное, целую вечность.

Но...

Я тоже люблю ее.

Гнев Росса — это последнее, что меня сейчас беспокоит.

Когда я подъезжаю к аэропорту, из-за многочисленных водителей такси мне не удастся припарковаться ни у одних дверей, парковка тоже поголовно забита. Приходится возвратиться немного и остановить тачку практически на обочине. Далее я добираюсь пешком, смотрю на указатели. Сердце внутри скачет, словно бешеное. Только от мысли, что сейчас увижу Джейн, у меня бурлит кровь. Возможно, это в последний раз, но я увижу ее.

В какой-то момент, когда я оказываюсь в здании, мне хочется достать телефон и сообщить Россу правду, но я отгоняю от себя глупые мысли. В любом случае, он узнает, что я уже на месте, и ссоры не избежать. Я снова окажусь виноватым. Будет лучше, если он вообще не будет знать, куда подевалась Джейн, а она, в свою очередь, не станет выходить с ним на связь.

И со мной тоже.

Подобные отношения были обречены с самого начала. Мы тянули до вот такого плохого, трагичного конца. Авария, потеря памяти, познания моей любимой о моей жизни, о мире, которая для нее чужая и фантастическая. Шок, который она испытала, я не прощу себе никогда.

Поэтому, как бы ни было трудно принимать правду, но давно пора: мы никогда не смогли бы стать хорошей парой. Все закончилось бы антихэппиэндом. И случилось бы так и через год, и через два, и даже через десять лет, раз уж на то пошло.

Я всматриваюсь буквально в каждое молодое, девчачье лицо. Со спины всех девушек с миниатюрной фигурой и темными волосами принимаю за Джейн, но пока не нахожу ее, а ведь прошло уже более двадцати минут, как я попал в здание.

Пока я упорно ищу Джейн взглядом, зал ожидания пустеет.

И, наконец, она появляется в поле моего зрения. Такая хрупкая, одинокая и невероятно грустная. Она находится в противоположном

конце помещения у сидений, сжимая ладонью чемоданную ручку, и стоит ко мне таким образом, что я могу видеть ее, а она меня — нет. Ее глаза беспокойно мечутся по пространству, будто высматривает кого-то. На секунду я позволяю вообразить себе, что человек, которого Джейн желает встретить в плывущих мимо лицах, — это я.

Я застываю на одном месте, вдруг ощущая себя опустевшим. Это возникшее из воздуха чувство легко принять за покой, и мне хочется обмануть себя, заверив, что я держу себя в руках. Но это не так. На самом деле мне просто стало страшно.

Я здесь. Я нашел Джейн.

Где моя смелость?

По дороге в аэропорт я прокручивал, выстраивал в предложения сотни слов, которые предназначались для нее. В своих мыслях я был уверен и действовал решительно. Так почему сейчас я боюсь показаться из тени и предстать перед Джейн со своим великолепным, отточенным монологом?

Я бы сразил ее тем, что собирался сказать.

Ну же, Эйден. Черт тебя подери, засранец.

Зачем было так рьяно гнаться, если ничего не предпринимаю? Я упущу ее. Я позволю Джейн исчезнуть. Я буду ненавидеть себя еще больше за то, что оказался трусом, когда должен был быть храбрым.

Когда я делаю шаг вперед, затем еще один, и еще, появляется Росс.

Вычислить его проще простого. Я досконально знаю собственного брата. Его походку, стиль одежды, своеобразную манеру прически, тяжесть шагов. Я даже знаю, каким цветом нижнее белье он предпочитает.

Он ураганом несется сквозь группу людей, расталкивая их с непринужденной простотой. Росс не обращает внимания на их незамедлительные, возмущенные обращения к его стремительно отдаляющейся фигуре.

Цель Росса — Джейн, которая стоит к нему спиной. Он выглядит чертовски уверенным и даже воинственным. Его немигающий взгляд направлен только на нее, не замечая ничего и никого вокруг. Росс так же не видит меня, потому что может смотреть лишь на одного

человека в этом зале.

Часть меня ждала его появления. Часть меня знала, что Росс придет. Я отчаянно глушил в себе эту мысль, отказываясь верить, что это произойдет, и он явится, чтобы все разрушить. Росс всегда действовал быстрее меня. Он не подвергал себя и других ожиданию. Даже если его действия вели к неминуемому провалу, Росс все равно пытался.

И сейчас мой брат без колебаний идет к Джейн. Опережая меня. Заставляя наблюдать за тем, как серьезно он настроен. В очередной раз доказывая мне, что я жалок и проигрываю ему.

Если она увидит его первым...

Как он вообще узнал о том, что Джейн летит в Чикаго?!

Я заставляю себя идти. Ускоряю шаг, не сводя глаз с фигуры старшего брата. Я тоже сталкиваюсь с двумя прохожими и безмолвно несусь мимо.

Это безумное соревнование: «Кто доберется до Джейн первый — того она и будет».

Если бы я мог телепортироваться, это облегчило бы мне жизнь. Потому что я опаздываю и снова застываю, когда Росс резко останавливается позади Джейн — лишь на мгновение, — а затем обнимает ее. Крепко обхватывает руками узкие плечи и прижимает к себе. Он зарывается носом в ее распущенных волосах, кажется, вот-вот раздавит в своих объятиях. Я сокрушенно смотрю на лицо Джейн и вижу, как молниеносно меняется выражение на нем. Нежный румянец окрашивает щеки, которые были бледными, и уголки мягких, пухлых губ едва заметно приподнимаются в робкой улыбке.

Она совсем не выглядит злой, или обиженной. Счастливой? Да. Это больше похоже на правду.

Кажется, Джейн простила Росса.

Но сумела бы она простить меня? Сумела бы так же улыбнуться, если бы вместо него я так обнял ее?

Я гораздо ближе к ним, чем был, но по-прежнему невидим. И в какой-то момент я действительно думаю, что перестаю существовать.

Я упустил свой шанс на прощание с Джейн, вручив драгоценные минуты с ней в руки своему брату. Но я не могу винить его в том же,

что жаждал сам.

Одна моя нога отрывается от полированного пола и ступает назад на полшага. Затем я делаю то же самое второй ногой.

Теперь я здесь лишний, так ведь?

Джейн медленно оборачивается к Россу лицом, и он прижимается ртом к ее лбу. Она поднимает руки, чтобы обнять его за талию в ответ и уткнуться лицом в широкую грудь.

Да, определенно. Я третий лишний.

До меня доносятся обрывки фраз, которыми они обмениваются, но я не вникаю в них, потому что это уже не имеет смысла.

Все кончено, Эйден.

Сколько еще раз мне придется повторить это самому себе?

Я чувствую слабую вибрацию в кармане джинсовой куртки, ныряю рукой в него и достаю телефон. Не глядя на экран, подношу к уху и что-то произношу, кажется.

— Все очень паршиво, дружище, — слышу удрученный голос Иветт. — Я упустила Анну Гарнер, но была так близка к ней... В общем, в честь того, что я невероятно облажалась, предлагаю замутить пьянку. Прямо сейчас. Вакансия на место моего собутельника открыта. Не хочешь занять ее?

ГЛАВА 14

РОСС

Наверное, стоит все же дождаться, когда мы подойдем к номеру, который сняли, остановившись в ближайшем мотеле на выезде из Аннистона, но это слишком сложная задача. Я хочу целовать, ласкать и кусать Джейн. Оставлять на ее шее засосы, прокусывать кожу до крови. Быть грубым и жестким в постели. Однако мы не дошли до двери, а я уже атаковал Джейн, и она не особо противится, честно говоря.

Мы передвигаемся медленно.

Девушка закидывает голову назад, уронив ее на мое плечо, а я, пользуясь случаем, пробираюсь руками под свитер, опускаюсь к джинсам и уже расстегиваю пуговицу. При этом даже не думаю забывать осыпать поцелуями ее хрупкую, длинную шею. Лебединую шею. Это самая красивая девушка в мире. И она любит меня. Она увлечена мною так же сильно, как и я ею.

Мне не хочется думать ни о чем плохом, что окружает наши жизни. В эту ночь, которую мы обязаны провести вместе, я хочу думать только о Джейн.

Она вставляет ключ в замок и, тяжело дыша, поворачивает его в скважине. Мы вместе посмеиваемся над ее ужасными попытками добиться того, чтобы дверь открылась. Но из-за того, что мы оба возбуждены, трудно сделать даже это.

Наконец, у моей девочки все выходит. Мы буквально влетаем в скромный номер (успеваю оценить обстановку за долю секунды краем глаза), я выхватываю ключ из ее руки и бросаю в дальний угол. Повернув к себе Джейн, крепко прижимаюсь своими губами к сочным, пухлым губам брюнетки, положив ладони на ее скулы. Потом опускаюсь к бедрам девушки и крепко сжимаю их. Так крепко, что она чуть взвизгивает от боли и вздрагивает в моих руках.

Я раздеваю ее, стараясь не прекращать поцелуя. Снимаю к черту черную, кожаную куртку и свитер, а когда дело доходит до джинсов, то спускаюсь вниз и медленно-медленно, как бы тяжело ни было

сдерживаться, сдергиваю жесткую ткань темно-синего цвета. Я целую ее бедра, ноги, каждый оголившийся участок кожи. Колени, икры. Спускаю к чертям светлые гольфы и прикасаюсь губами к пальцам ног, отчего Джейн смущенно смеется, прося остановиться, но я и не думаю делать это. Глажу лодыжки, пальцами провожу по гладким ногам, поднимаюсь ладонями вверх, получая настоящий кайф от нашей с ней долгожданной близости.

Если я скажу, что когда-то было время лучше, чем сейчас, то солгу. Несмотря на мои напряженные отношения с Джейн, суматоху с Тардесом, отцом и братом, я знаю, что чувствую себя счастливым. Одна мысль о том, что я прощен любимой девушкой, больше не дает мне чувствовать себя последним кретином на Земле (но я все равно сволоочь, давайте будем честны).

Я не надеялся застать Джейн в аэропорту, когда мчался туда, чтобы отговорить ее совершать опрометчивый поступок. Я считал ее решение таковым, но в глубине души понимал, что Джейн права. Ей нет места среди творящегося безумства в Дайморт-Бич. Нет места рядом со мной и Эйденем.

Братья Картеры испоганили жизнь Джейн Мортис, но когда она оказалась достаточно смелой, чтобы сделать первый шаг к решению проблемы, один идиот в очередной раз все усложнил.

Я вновь вмешался в ее жизнь.

Я появился на глазах у Джейн, отчетливо понимая, что это повлияет на нее, изменит то, во что она твердо убедила себя верить. Я не мог позволить ей отдалиться и исчезнуть.

Когда Джейн ответила мне взаимностью, когда подняла голову, чтобы посмотреть в мои глаза, я познал всю тяжесть бремени своей сущности, чувств, переполняющих меня, и судьбы. Мне вдруг стало страшно за наше будущее.

До того момента, как наши глаза встретились, и все окружающее стремительно померкло, я не до конца осознавал, как сильно Джейн любит меня, и как сильно я люблю ее.

Любовь, казавшаяся мне вздором, приобрела ценность и незаменимость.

Любовь связала меня с Джейн.

Любовь прокляла и исцелила нас.

Я хватаю девушку за талию, успев только подняться на ноги. Нависая над ней, глядя с высоты своего роста, я замечаю в ее шоколадных глазах невероятной красоты такое же волнение, что поселилось в моей душе с тех пор, как мы перешагнули порог этого номера. Мы сглатываем в унисон, а потом я наклоняю голову и поначалу робко касаюсь шелковистых на ощупь губ. Таких нежных и вкусных, что замираю на мгновение. Поразительно, но мой мозг пока не отказывается мыслить, хотя рядом с ней я порой забываю, как дышать. Думаю о том, что наконец-то это случится. Связь между нами скрепится. Я давно этого ждал. Девчонка, которую я ненавидел, считал взбалмошной и глупой, считал мегаполисной куклой, приехавшей в маленький городок, станет моей. Наконец-то.

Раньше, когда кто-то говорил мне, что время меняет все, я просто смеялся и не воспринимал эти слова всерьез. А теперь я не глумлюсь над подобным.

Потому что время меняет. Все.

Этой ночью я должен, нет, просто обязан истязать ее тело и душу.

Столкнувшись со мной взглядом, Джейн замирает, будто хочет что-то сказать, но я не даю ей этой возможности. Обрываю страстным поцелуем, когда она только-только раскрывает опухшие губы и издает приглушенный звук. Я врываюсь горячим, влажным языком в рот Джейн, и она теряется, но с некой робостью отвечает на поцелуй.

Между нами возникает пламенное напряжение. Я чувствую стремительно кутающий торс, руки и ноги жар. Почти полное отсутствие пространства между мной и Джейн сводит с ума разум. Голову заполняют пикантные мысли о том, что я буду делать с ее стройным, миниатюрным и упругим телом на протяжении ближайших нескольких часов, а может быть, до самого рассвета. Грязное, неугомонное вожделение подчиняет меня. Контролировать в себе зверя становится невыносимее с каждым бесконечным моментом.

Я даю полную свободу своим пальцам, которые шаловливо очерчивают плавные, красивые изгибы ее потрясающей фигуры. Издаю рык, представляя, какое бесчисленное количество похотливых взглядов устремляется на Джейн, сколько парней и мужчин она

пленила своей совершенной красотой. Она безупречно сексуальна и роскошна. Настолько удивительна, даже мистично прекрасна, что есть страх сделать что-то неверно, и это великолепие обратится в плод моих буйных, раскаленных страстью фантазий.

Я прикусываю нижнюю губу Джейн, и она незамедлительно отзывается хриловатым стоном. Невероятно тяжело дышать, но мы не отрываемся друг от друга. Нас одолевает ненасытность. Я делаю неспешные движениями бедрами, упираясь эрекцией в низ живота Джейн. Даже сквозь плотную ткань джинсов на мне я чувствую манящую влажность между ее ног.

— Разденься, — на громком выдохе произносит Джейн, когда я спускаюсь к атласной шее, чтобы покрыть каждый миллиметр кожи поцелуями и оставить несколько засосов.

Наше дыхание сбито к чертям.

Я ухмыляюсь ее просьбе и отстраняюсь. Проклятье. Женщина выглядит прекраснее всего, когда опьянена желанием. Карие, чуть прикрытые глаза горят исступленностью и мольбой. В жидкой меди рождаются и сгорают ослепительные звезды. Джейн смотрит на меня с воспаляющей требовательностью и слабо дрожит от возбуждения. Я не могу сдержать улыбки, внутренне ликуя от радости, что стал виной ее такому чертовски хмельному состоянию.

Спустив джинсы вместе с боксерами вниз, я избавляюсь и от обуви. Джейн подходит к краю кровати, она залезает на нее и становится на колени, прикусив губы. Ее взгляд опускается вниз — на мой член. Только от того, КАК она на меня смотрит, я готов кончить. Я держу себя в руках, но это дается мне тяжело. Сделав всего несколько шагов вперед, оказываюсь, прямо перед ней. Без предупреждения хватаю Джейн за затылок, чтобы подарить ей горячий, пламенный поцелуй. Она поддается сразу: не дразнит, не играет, не притворяется.

Абсолютно искренна. Обнажена не только телом, но и душой. Моя. Полностью и целиком моя.

Я несильно толкаю ее вперед, и мы вместе падаем на кровать. Ее руки раскинулись по обеим сторонам от головы на бежевых простынях. Джейн захватывает ткань пальцами и сжимает кулаки, стоит мне нагнуться, чтобы продолжить ласкать ее тело.

Принимаясь делать то, о чем я долго мечтал.

— Как ты красива, — шепчу, сначала глядя на ее лицо, наслаждаясь видом приоткрытых губ.

Немного погодя, я концентрирую внимание на груди Джейн: налившейся, не очень большой, помещающейся в ладони. Я ласкаю розовые соски, прикусываю их, отчего Джейн вздыхает. Ее нежный, мягкий стон проходит вибрацией через всего меня, и пульсация внизу живота становится невыносимой.

Я скольжу одной рукой вдоль ее позвоночника, и на громком вдохе Джейн выгибает спину, прижимаясь ко мне верхней частью тела. Стоит ли мне торопиться? Девушки любят долгие прелюдии перед сексом.

Но я чувствую, что мы готовы сделать следующий шаг.

Я чувствую, что мы больше не можем ждать.

Я провожу кончиком языка по бархатистой, загорелой коже от яремной ямки до солнечного сплетения. Придерживаю Джейн, обвив ее осиную талию, убираю вторую руку, ласково массирующую левую грудь, и нетерпеливо опускаю ее к внутренней стороне бедра. Джейн податливо раздвигает ноги шире, словно приглашая, разрешая сделать то, что я хочу. Она выглядит непринужденной и естественной. Ни стеснения. Ни скованности. Словно каждым своим движением и тягучим, затрудненным вздохом она говорит, что доверяет мне.

Я чертовски близок к тому, чтобы войти в нее. Рывком, во всю длину. Головка моего окаменевшего члена едва касается ее лобка. Мне стоит сделать легкий толчок, и я упрусь в ее нежно-розовое лоно. Я окажусь в Джейн и оттрахаю так жестко, что после того, как мы будем бесконечно кончать до тех пор, пока силы полностью не покинут нас, она разучится ходить.

Я невесомо касаюсь пульсирующего клитора Джейн, слышу, как она вскрикивает мое имя, и быстро погружаю два пальца — указательный и средний — внутрь. Джейн с силой закусывают губу, глуша продолжительный стон, и запрокидывает голову в экстазе. Вот так, малышка.

— Тебе хорошо? — хрипло спрашиваю я, не сводя с нее наслаждающегося взгляда.

Она что-то нечленораздельно мычит, ее дыхание темное и

поверхностное.

Мне нравится такой ответ.

Я покрываю ее лицо, ключицы, плечи поцелуями, чередуя короткие с продолжительными, и начинаю неспешно двигать пальцами. Я не думал, что Джейн окажется настолько чувствительной. Уже спустя пару минут я задеваю одну из чувствительных точек, и она, не сдерживаясь, в полный голос стонет мое имя.

Она кончает так соблазнительно, что я больше не в состоянии испытывать собственное терпение.

Я вытаскиваю из Джейн пальцы и, молниеносно устроившись между ее широко расставленных ног, вхожу. Грубо погружаюсь в нее, и это незамедлительно отзывается жгучей, но сладкой болью, пронзающей все тело. Мой задурманенный чудовищным восторгом взор устремлен только на лицо Джейн. Я издаю гортанный рык, вдавливая ее в матрас, и замираю на секунду. Она хватается за мои плечи, выгнув спину дугой. Ее ногти вонзаются в мою кожу и царапают ее в области лопаток.

Незначительная боль становится приятной. Я получаю настоящее наслаждение от того, что Джейн не контролирует себя и, испытывая удовольствие, позволяет себе забыться, «помечает» меня царапинами.

Я толкаюсь в нее сильнее, движения становятся более быстрыми, а дыхание учащенным. Оно напрочь сбивается, когда Джейн, похоже, невольно сжимает мышцы своей киски. Издав стон, я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее ключицу, прислониться лбом к плечу девушки, продолжая трахать ее, даже не думая сбавлять темп.

Ни ей, ни мне это не нужно. Напротив, Джейн просит:

— Быстрее, пожалуйста... Пожалуйста... Сильнее!

Я выполняю ее просьбу.

Я выполню любое желание, которое она загадает. Буду угождать ей во всем, как влюбленный придурок. Потому что именно таким я и являюсь.

— Я без ума от тебя, — говорю ей на ухо, слегка прикусив мочку.

Джейн прогибается под моей ладонью, придерживающей шикарное тело снизу. Я хватаюсь за упругие ягодички, сжимая их, и снова вхожу на полную, получая в награду стоном свое имя. Неоднократно.

Она на полу-выдохе повторяет его опять и опять, пока наши тела сближаются, познавая друг друга с каждым мгновением все больше.

Вдыхая запах ее волос, я совсем слетаю с катушек. Сгибая одно колено девушки, я делаю еще один рывок, а потом поворачиваю нас так, что Джейн неожиданно для нее оказывается сверху. На ее губах играет ангельская, уверенная улыбка, когда она получает лидирующее положение. Только я дарю ей движение бедрами навстречу, как красотка запрокидывает голову назад, закатывая глаза. Волосы волнами струятся по плечам и спадают назад.

Джейн влажная и узкая. И она, мать вашу, самая лучшая девушка во всем мире.

Ее ладони ложатся на мой торс, большие пальцы едва касаются сосков, и с моих губ слетает судорожный вздох. Джейн плавно покачивается, облизывая губы и не сводя с меня пристального взгляда мерцающих в тусклом освещении номера глаз.

Большинство из тех, с кем я спал, требовали абсолютной темноты. Во тьме нуждаются те, кому есть, что скрывать. Но Джейн это не нужно. Она открыта, и она прекрасна. Каждый миллиметр ее тела.

Я притягиваю к себе девушку за запястья и увлекаю ее в первоклассный, французский поцелуй. Прохладные руки накрывают мое лицо, ласкают скулы и заднюю часть шеи. Одна ладонь перемещается к волосам, зарываясь в них. Наша кожа блестит от пота, но мы не замечаем усталости. Джейн задает медленный темп, я вхожу в нее чувственно, но не так глубоко, как хотелось бы.

— Ты превосходна, — мой голос звучит низко и покровительственно. Я приглаживаю растрепанные, темные волосы Джейн и меняю положение. Снова оказываюсь сверху и нависаю над ней, на секунду прекратив движение.

Джейн долго молчит.

Возникшая тишина доносит до меня звуки собственного, бешеного сердцебиения. Я так же чувствую громopodobные удары

сердца Джейн. Я целую ее веки, лоб, впиваюсь в губы и атакую требовательным поцелуем.

Она обвивает руками мою шею и делает толчок нижней частью своего тела.

— Я люблю тебя, — шепчет Джейн, отстраняясь, и повторяет снова. — Я люблю тебя, Росс.

Проклятье. Это удар под дых.

Мне срывает крышу.

В буквальном смысле.

Я привстаю и тяну за собой Джейн.

— Что ты... — мои действия вызывают у нее недоумение.

Я разворачиваю ее к себе спиной и наклоняю, заставляя встать на четвереньки. Она не успевает подставить руки и падает щекой на подушку. Так даже лучше. Прежде, чем Джейн успевает что-либо произнести, я завожу ее запястья за спину, держу их сцепленными одной рукой, а второй развожу колени.

Я погружаюсь в нее, словно нож в масло. Джейн всхлипывает, но в раздающихся столах слышится довольное изумление. #287292861 / 12-июн-2017 Я задаю сумасшедший ритм, больше не сдерживаю зверя внутри себя и вкладываю все силы в то, чтобы вознести нас до самых небес.

Моя малышка. Она сказала, что любит меня. Когда Джейн призналась впервые, я был сбит с толку, потому что сомневался в том, что чувствую. Я до последнего отказывался принимать тот факт, что давно и безвозвратно влюблен в эту девушку.

Существуют тысячи причин, по которым мы не должны быть вместе. Здесь и сейчас, заниматься любовью в этой постели.

Не хочу, чтобы Джейн считала меня мерзавцем, потому что я не говорю ей того же в ответ. Но надеюсь, она понимает мои чувства, которым, на самом деле, не нужны слова. Я предпочитаю выражаться через действия. Словами можно ввести в заблуждение. Голос легко способен обмануть, но поступки исходят из самых глубин души.

Джейн извивается, умоляет меня двигаться быстрее.

Наконец, я чувствую это. Стремительно надвигающуюся волну

безумного удовольствия. Оргазм, настигнувший меня, воспламенивший каждую клеточку тела, невероятно яркий. Он ослепительный, бросающий одновременно в неистовый жар и февральский холод.

Я издаю хриплый стон во весь голос. И плевать, что в этом мотеле тонкие стены.

Джейн кончает одновременно со мной.

Я падаю рядом с ней, когда густой туман в голове рассеивается, и укрываю наши липкие, изнеможенные тела одеялом. Джейн прилагает усилия, чтобы пододвинуться ко мне и положить голову на мою грудь. Я ощущаю, как трясется ее тело, и обнимаю так крепко, как только могу.

— Это была самая лучшая ночь в моей жизни, — говорю я, целуя Джейн в макушку.

Я слышу ее мирное сопение и улыбаюсь.

— Я тоже люблю тебя.

ДЖЕЙН

Сладко-утомленная нашим более чем трехчасовым сексом с Россом, я возвращаюсь домой. Точнее, Росс подвозит меня. Мы еще долго целуемся в машине, но отец, увидев у нашей подъездной дорожки машину Картера старшего, выходит на крыльцо и ждет меня там. Его красноречивый взгляд предельно ясно дает понять, что я должна скорее попрощаться с любимым и объясниться с ним. Что я и делаю.

Все еще ощущая тепло ладони Росса в своей руке, я медленно подхожу к входной двери. У папы весьма и весьма удивленный взгляд. И только когда мы встречаемся глазами, я открываю рот, чтобы рассказать о том, что произошло, то вспоминаю, что забыла забрать свой чемодан из багажника Росса.

Черт!

— Папа... — я абсолютно не готова объяснять последовательность своих сумасшедших поступков, начиная со

вчерашнего вечера.

Я сцепляю пальцы в замок, нерешительно останавливаясь у крылечной лестницы. На папе куртка, пижамные штаны и тапки. Его встревоженный вид заставляет меня почувствовать себя ужасной, просто отвратительной дочерью.

Он не двигается с места.

— Джейн.

Я медленно поднимаюсь к нему, до меня доносятся звуки отъезжающей машины. Я желаю обернуться, проводить джип Росса взглядом до тех пор, пока он не скроется с поля моего зрения, но не разрешаю себе отвлекаться, когда напротив стоит отец. Я жутко провинилась, и разговора не избежать.

Не представляю, что бы я чувствовала на его месте, если бы моя дочь, намеревавшаяся вернуться в Чикаго, перевернувшая мой мир вверх дном этим желанием, заявила бы к рассвету без вещей и с парнем, который не вызывает особого доверия.

Я бы свихнулась.

— Мы поговорим утром, хорошо? — с пониманием в голосе бурчит отец, но он выглядит очень изумленным.

Интересно, замечает ли он, как я преображаюсь? Расслабляю плечи и чувствую невероятное облегчение, потому что, по правде говоря, мои мысли в хаосе, и я не в том настроении, не в том состоянии, чтобы наводить в голове уборку.

Папа провожает меня внутрь дома. Глубокая ночь повлияла на его решение, но я все равно благодарна за то, что он не стал донимать меня вопросами прямо сейчас.

Я прячусь в спальне и привожу свое дыхание в норму. Скидываю рюкзак с верхней одеждой. И не успеваю снять кожаную куртку, как телефон в кармане издает вибрацию.

Сообщение от Росса. Я прикусываю губу, пряча улыбку, и прочитываю его.

«Забыл отдать тебе твои вещи. Уже скучаю. Спи сладко, крошка».

Мой. Пресвятой. Бог.

Я чувствую такой пожар на своем лице!

Я спешу набрать ответ, попутно снимая свитер, обувь практически швыряю под кровать, пялясь в экран телефона и влюблено улыбаясь всему, что пишет мне Росс.

Я отвечаю ему милым сообщением с кучей смайлов и, бросив телефон на кровать, закрываю лицо руками, чтобы скрыть свою несоизмеримую радость. Я хочу спрятать эту энергию как можно дальше, чтобы никто не сумел отнять ее у меня.

— Боже, Джейн, — шепчу я.

Я так сильно влюблена в Росса Картера.

Мое тело пробивает дрожь, воспоминания накрывают с головой, и я едва стою на ногах.

Сегодняшняя ночь... Мы на самом деле переспали? Я имею в виду, что мы не должны были. Я собиралась улететь в Чикаго и навсегда забыть о Дайморт-Бич, о Россе Картере, о том, сколько неприятностей, безумия и боли мне принесла связь с ним.

Когда я, папа и Оливия прибыли в аэропорт, ничего не предвещало такого поворота событий. Я даже заплакала, чувствуя вину перед отцом за то, что оставляю его. Мне было грустно от мысли, что мы больше не увидимся с Синтей. Она моя единственная подруга в Дайморт-Бич. Точнее, наверное, вообще единственная, потому что даже если я с кем-то тепло общалась до отъезда из Чикаго, до того, как попала в аварию и потеряла память... свою душу, эти люди исчезли, словно никогда не существовали в моей жизни. Значит, я не была так важна своим «друзьям», что они не поинтересовались, в порядке ли я, и как себя чувствую. Как, черт возьми, моя жизнь в целом.

Я знала, от кого и чего пыталась убежать.

Но к кому?

В огромном, холодном Чикаго меня не ждали друзья. Там была только мама.

Я позвонила ей в вечер своего решения вернуться, она ответила лишь после того, как я оставила ей несколько голосовых сообщений, три простых сообщения и семь пропущенных звонков. Она была на благотворительном вечере, устроенном ее новым любовником. Ее

голос звучал счастливо. Узнав, что я лечу в Чикаго на следующий день, она поинтересовалась, уверена ли я, но не спросила, почему. Я сказала, что да, увереннее просто быть не могу. Ее тон немного изменился, потускнел, но она сказала, что будет ждать меня. Когда я повесила трубку, то пламя моего энтузиазма уже не было столь ярким.

Но я прибыла в чертов аэропорт, собираясь сесть в чертов самолет и, возможно, сделать себе только хуже.

Мой рейс задержали на три часа из-за погодных условий. Я с трудом уговорила папу и Оливию не дожидаться его вместе со мной и вернуться домой. Мы очень долго прощались, и с каждой минутой я все больше сожалела о том, какую концовку выбрала для своей истории в Дайморт-Бич с Россом Картером.

Три часа пролетели на одном дыхании, и когда я услышала голос, объявляющий посадку на мой рейс, то не могла сдвинуться с места. Я была парализована охватившим меня сомнением, которое из маленького клубочка запутанных мыслей превратилось в нечто настолько большое и сильное, что мгновенно, без особых усилий сломило мою волю.

Решительность, которой я была переполнена, исчезла, оставив меня ни с чем. Страхи, мысли и нескончаемый поток вопросов, почему я не могу переступить через свои чувства, почему недостаточно сильна, чтобы оставить Росса позади, — отступили.

Моя глупость не знала границ, но время, проведенное в одиночестве в зале ожидания, расставило все по своим местам.

Сделанного не исправить. Ушедшего не вернуть.

Я слабохарактерна и слишком сильно люблю Росса. Я ужасно скучала и хотела вернуться к нему, чтобы его губы стерли с моих недоговоренность, все высказанные и невысказанные обиды.

Когда неожиданно появился Росс и крепко обнял, сказав, что не может отпустить, я поняла, что мне жить с выбором, который я делаю. По-другому просто не получится.

Я привязана к нему.

И я счастлива, что осталась. Знаю, теперь мне придется как-то объясняться перед мамой, хотя ее унылый голос вчера сказал мне о многом. Возможно, я всего лишь обуза для нее, и нам лучше

оставаться друг от друга на расстоянии? Это означает, что вряд ли она будет страдать из-за того, что я передумала. Кроме того, завтра мне предстоит серьезный разговор с отцом. Но в отличие от матери, он хоть и удивлен, что я решила не уезжать, но, уверена, рад этому.

А еще Эйден... И вся эта сумасшедшая жизнь. Если брат Росса думает, что я не замечаю его влюбленных взглядов в свою сторону, то он бесконечно ошибается. Я вижу все. Вижу, как он смотрит на меня, как буквально пускает слюни. Не хочу обижать парня, поэтому молчу. Я не могу быть конченной эгоисткой и возмущаться поведением Эйдена, но делаю это. Мне нужно закрыть рот и даже в мыслях не сметь думать о нем плохо, как бы меня ни раздражали его взгляды скучающей самки: этот человек любит меня, а я любила его, но даже не помню этого. И, наверное, не вспомню. В смысле, я не могу винить его за то, что ему, в отличие от меня, память не отшибло. Я не могу влезть Эйдену в мозг и установить собственные настройки, которые удовлетворяли бы меня.

Просто теперь, когда решено, что я не вернусь в Чикаго, мне придется снова свыкаться с мыслью, что Эйден Картер, хочу этого, или нет, будет частью моей жизни.

Да, Джейн, да.

И это, заметь, твой собственный выбор.

Дело не в том, как влияет на меня Росс. Другая девушка, возможно, на моем месте могла бы переспать с ним в этом мотеле, утолить свой голод по отношению к нему, а потом забрать свой чемодан и улететь туда, куда собиралась.

Но не я.

Черт, не я.

Чтобы вытеснить досаждающие меня мысли из головы, я раздеваюсь догола и бросаю нижнее белье в корзину для грязной одежды, что стоит в ванной. Отдернув влево душевую шторку, я включаю воду. Мне нужны горячие струи, чтобы расслабиться. Чтобы вообще перестать думать.

Я нежусь в воде около часа. Мне даже удастся уснуть. Но я распахиваю глаза, когда погружаюсь с головой в остывшую воду. Сколько я дремала?

Я протираю глаза, тянусь за полотенцем и выползаю из ванны.

Меня бросает в холод, когда я касаюсь ступнями кафельного пола. Немедленно укутываю себя и обнимаю за плечи.

Прежде, чем вернуться в комнату, я решаю высушить волосы феном и подхожу к зеркалу, чтобы для начала расчесаться.

Тело слегка болит после умопомрачительнейшего секса с Россом. Эта боль невероятно сладкая и приятная. Боль, которая напоминает о сильных руках, нежно скользящих по моей груди, животу, бедрам, вытворяющих сумасшедшие, крутые вещи.

Я делаю глубокий вдох, ощущая вспыхивающий жар между ног, и усмехаюсь, потому что воспоминания близости с Россом дико неловкие.

Проведя пальцами по влажным волосам, я поднимаю голову и касаюсь запотевшего зеркала рукой.

Что-то не так.

Что-то происходит в тот момент, когда я вижу свое изображение. Сложно подобрать слова, чтобы объяснить, какого рода чувство настигает меня. Оно словно выворачивает наизнанку, безболезненно сдирает кожу, обнажая плоть и сердце.

В этот неуловимый момент все становится другим. Вдруг окружающие меня вещи перестают значить то, что определяли раньше. При этом их облик сохраняется. Но я знаю, что они изменились. То, что осталось прежним снаружи, теперь окутано терпким запахом лжи. Неправильности.

Мой мир рушится и перевоплощается всего за одно короткое мгновение.

Мне кажется, что я лишь случайный наблюдатель этой странной метаморфозы. Мне отведено место за кулисами, и все, что я могу, лишь смотреть за происходящим на сцене.

Но и это неправда.

На самом деле я тоже присутствую на сцене. Я стою в самом ее центре в свете прожекторов, направленных на меня. Зал пустой, но я слышу беспрдельно огромное количество голосов и перекатистый, дребезжащий шум.

Я пристально смотрю на себя в зеркало, но не могу узнать собственное отражение. Я вижу свои волосы, свои глаза, нос и губы.

Мне хочется коснуться лица, чтобы убедиться, что это действительно я, но тело сковано чем-то невероятно громоздким и невидимым. Веки наливаются свинцом, и я борюсь с чем-то внутри себя, что пытается закрыть мои глаза.

Мне страшно. Дыхание становится судорожным и прерывистым.

Та, кто находится в зеркале на моем месте, печально улыбается, а затем ее глаза заполняются кровавыми слезами. Они струятся по щекам густыми ручьями, стекая по подбородку и шее.

Я хочу закричать и отвернуться.

В какой-то момент мне удастся вернуть полный контроль над своим телом, и я крепко жмурюсь. Поднимаю руки, чтобы закрыть ими лицо и больше не видеть то, что находится по ту сторону зеркала.

А затем...

Я слышу свой голос. Я чувствую, как напрягаются мои голосовые связки, произносятся слова. Тихо и медленно. Но каждый звук дается с большим трудом.

Я с опасением открываю глаза и опускаю руки.

Я снова смотрю в зеркало.

Теперь я вижу себя.

Меня зовут Джейн Мортис.

Мне двадцать лет.

Я безумно любила Эйдена Картера.

И я только что вернулась из ада.

ГЛАВА 15

ДЖЕЙН

Даже тогда, когда мои глаза открыты, я вижу непроглядную тьму. Я чувствую ее зловонное дыхание на своей коже. Я ощущаю ее ледяные, паучьи объятия. Холод, исходящий от нее, пробирает до самых костей. Тьма сжимает мое тело все сильнее и сильнее до тех пор, пока я не лишаюсь возможности втягивать в свои легкие воздух. Она пытается поглотить меня в себя, снова утащить в бездонную, удушающую мглу. Она шепчет чарующую песнь, гипнотизируя мое сознание. Вкрадчивый голос тьмы возвращает меня обратно в самое сердце Боли и Пустоты, заставляя снова и снова переживать то, от чего удалось сбежать.

То место поражает воображение ужасными картинами мучений. Страдающие души терзаются в агонии нестерпимых пыток. Их рев до сих пор отчетливо звенит в моих ушах.

Перед глазами стоит картина бескрайнего мрака, раскинувшихся равнин истерзанных душ. Они истошно плачут, моля о снисхождении и отпущении их боли.

Я была там. Я вдыхала воздух, пропитанный смрадом и скорбными слезами. Я бесконечно тонула в безутешной грусти и всепоглощающей безысходности.

Я кричала и просила о помощи.

Я была одинока среди бесчисленных, смятенных душ, брошенных в самые недра бездны.

То место хуже ада. Оно не делало ни живым, ни мертвым. Оно просто заставляло страдать, сливаться с пустотой и чернотой повсюду.

Наедине с собственной болью, страхами и воспоминаниями... Они проносились с немыслимой скоростью. Я наблюдала свою жизнь от самого рождения до последнего момента, когда была в сознании. Я безуспешно тянула руки к обрывкам своей утраченной жизни в надежде крепко ухватиться и не отпускать. Я смертельно желала выбраться из того хаоса.

Воспоминания. Сейчас они разрывают мою голову, потому что их слишком много. Они хаотичны и неясны. Я словно смотрю на эпизоды своей жизни, занесенные на листы бумаги размашистым, сильно небрежным почерком, как будто тот, кто писал, очень торопился. Листы разбросаны на столе, и мне необходимо упорядочить их, восстановить последовательность, чтобы в дальнейшем было проще.

Воспоминания о моей жизни до того, как я и Лора попали в аварию. Проблемы в Чикаго с матерью, которой было плевать на меня; переезд в Дайморт-Бич к отцу; неожиданная встреча с Эйденем, и наши безуспешные попытки построить отношения вновь...

Воспоминания о том страшном месте.

Воспоминания о жизни после автокатастрофы, когда я уже не была собой. Кто-то с моим лицом и голосом перевернул вверх дном все мое существование. Та Джейн, что жила моей жизнью после пробуждения в больничной палате, безрассудно влюбилась в Росса Картера, которого я терпеть не могла и считала мерзавцем.

Теперь я едва понимаю, что есть настоящее, а что прошлое.

Я блуждаю по тонкой грани. Находясь на остром лезвии ножа, я жду дуновение ветра и неминуемое падение.

Фантомный страх парализует мои конечности и дыхательную систему.

Как же страшно.

Меня не покидает ощущение, что я вот-вот задохнусь и вновь окажусь в аду, только на этот раз не выберусь. Поэтому я начинаю вдыхать так жадно, часто и громко большие порции воздуха, что меня пронзает резкое головокружение. А затем стремительно меркнет в глазах, и мне кажется, что я умираю, — действительно умираю!

Мой страх становится всепоглощающим.

Думаю, я даже кричу от паники, потому что приходит отец. Он потрясен тем, что видит. Я в очень хреновом состоянии. Папа сгребает меня в охапку, поднимая с пола, и несет на кровать. Бережно укладывает на нее, что-то говорит и гладит меня по лицу. Я вижу застывшие слезы в его глазах и хочу сказать, что я скучала по нему.

Он долго держит меня за руку. Я чувствую его присутствие до тех пор, пока мягкие волны сна не уносят мое тело и сознание в объятия Морфея. Но когда просыпаюсь, то ничего и никого не вижу. Наверное, сейчас ночь, хотя это совершенно неважно.

Я забиваю свою голову бесполезными мыслями, потому что боюсь думать о смерти, поджидающей за углом.

Нет, нет, нет...

Я не могу вернуться туда.

— Ты обещал, — шепчу я, глядя во тьму.

Знаю, что он услышит.

Ведь он выбрался из ада вместе со мной.

Мое тело сковано немим оцепенением. Я почти не шевелюсь, лишь грудь едва вздымается, когда делаю тихие вдохи и выдохи. Но воздух застревает в горле, когда внезапно слышится скрип. Звук доносится с противоположной стороны комнаты и прекращается через несколько мгновений. Затем повторяется, становясь чуть громче. Приближающиеся, размеренные шаги невидимого гостя заставляют мое сердце пуститься в неистовый пляс.

Он здесь.

Он пришел.

У него нет голоса, нет лица, но я слышу и ощущаю его рядом — буквально на расстоянии вытянутой руки.

Я поднимаю глаза, обращая взгляд к потолку, на котором блеклый, лунный свет вырисовывает замысловатые фигуры. Но вскоре тени искажаются, сливаются друг с другом, образуя черты человеческого тела. В абсолютно черном силуэте я различаю каждую деталь, вплоть до ничего не выражающей, картонной улыбки.

Это его новое обличие.

Я бы однозначно записала себя в ряды психов, если бы не была уверена в том, где побывала моя душа, и через что ей пришлось пройти. Но я твердо убеждена, что это не являлось вымыслом. Мой мозг не способен воспроизвести нечто ужасное с такой будоражащей реалистичностью.

Тот, кого я вижу сейчас — самый что ни на есть реальный.

Мы обмениваемся долгим, молчаливым взглядом. Я чувствую, как нечто тяжелое опускается на мою грудь, проникает под кожу, рвет плоть и ломает ребра, добираясь до сердца.

Я открываю рот, пытаюсь вдохнуть, но не могу.

Ошеломительная, адская боль заполняет каждую клеточку тела, и мне чертовски хочется смягчить эту тяжесть, это бремя, что сейчас беспощадно рвет мои внутренности в клочья.

Я обездвижена пристальным взором бездонных глаз, которые сверлят мои внутренности, пытаюсь достигнуть души.

«Все в порядке. Зато ты — снова ты», я пытаюсь утешить себя, сжимая кулаки от бессилия.

Но ни одно оправдание не сумеет омыть мои руки, испачканные преступлением против своей совести и чести, потому что я заключила сделку с самим дьяволом, чтобы выбраться из того проклятого места.

Эта боль заслужена.

Вина будет истязать мою душу до конца дней, но теперь я — это я.

Вскоре он исчезает, и тени на потолке вновь становятся просто тенями, а я захлебываюсь в рыданиях, потому что чувствую себя как никогда прежде отвратительно и одиноко.

Я лгу себе.

Я больше не буду собой.

Не той прежней Джейн — отчасти беспечной, капризной и безумно влюбленной в Эйдена Картера.

И не той сломленной аварией, потерей подруги и памяти Джейн, которой страстью вскружил голову Росс Картер.

Я не знаю, кто я.

И мне очень страшно узнать.

ЭЙДЕН

Атласная кожа под моими пальцами кажется такой приятной, и

это ощущение вводит меня в заблуждение: я представляю, что обнимаю хрупкую Джейн, но когда открываю глаза, на деле все оказывается совсем иначе. Рядом со мной лежит красивая девушка со смуглой кожей, и она несколько выше Джейн, шире в плечах. У нее более пухлые губы, а ресницы не такие роскошные и длинные, как у Джейн. Ее волосы крупными, темными локонами рассыпаны на подушке.

Я вскидываю глаза вверх. Мы же в моем доме, да? В моей комнате? Осмотрев все вокруг, понемногу убеждаюсь, что прав, однако перед глазами после длинной, абсолютно пьяной ночи все плывет. Если быть точнее, таких ночей было несколько. Две, три... четыре? Честно говоря, я потерял счет времени, но уверен в одном. Мы осушили чертов Тихий океан из виски, абсента, бренди, бурбона и водки. А еще Ив готовит убийственный коктейль с не менее убийственным названием: «Смерть в полдень».

Я даже не хочу искать себе никакого оправдания. Но что-то меня то ли пугает, то ли бросает в растерянное состояние. Я определенно не был готов к тому, что пересплю с Иветт. Я плохо помню все этапы нашего нетрезвого и, уверен, нелепого секса, но помню, что она получила столько оргазмов, сколько заслуживала. То есть, много. Я постарался. Если Иветт не имитировала, а она этого не делала, то ей реально было очень хорошо прошлой ночью.

Вспоминая об этом и глядя на мирно спящую девушку в своей постели — девушку, которая была моим лучшим другом, — я чувствую тяжелый осадок вины. Можно ли после всего случившегося считать нас друзьями?

Не уверен, что хотел бы что-то менять.

То, что мы переспали — неожиданно, но я не хочу, чтобы Ив думала, будто это что-то изменит, или...сблизит нас, что ли. Проклятье. Я абсолютный кретин и подонок, потому что не хочу брать ответственность за случайную ночь со своей подругой.

Чуть приподнявшись, я сажусь на кровати и слегка сгибаю ноги в коленях. Мой взгляд опускается на полную и неприкрытую грудь девушки. Я не делаю попыток исправить это, не подталкиваю покрывало, нет. Возможно, мне нравится на это смотреть. Черт!

Я — парень, и у меня есть потребности. И я очень на себя рассержен за мысли в голове, настойчиво проникающие все глубже,

достигая сознания. Ладно. Прямо сейчас меня бесит, что я чувствую себя самым последним ублюдком, а свой поступок — неправильным.

Джейн ведь, наверное, с Россом переспала уже не один раз. Он, скорее всего, воспользовавшись возможностью, трахнул ее в разных позах! Наверняка их жаркие объятия в аэропорту переросли во что-то большее.

При мысли об этом, мои кулаки невольно сжимаются. Мне нужен душ, чтобы привести себя в порядок, чтобы выбросить из головы навязчивые предположения насчет интимной жизни Росса и Джейн.

Конечно, дьявол побери! Как только Джейн потеряла память, старший братец вдруг почувствовал к ней непонятную тягу... Как же иначе... Чем объяснить то, что она помнит только его, боготворит его? А ему, естественно, это настолько нравится, что он сам в нее влюбился.

Только я знаю, какой на самом деле милой она бывает после секса, как покусывает и облизывает губы, расслабляясь в моих руках, как хочет есть, потому что после безумных, жарких ночей со мной Джейн всегда сильно голодна. Мы трахались, словно сумасшедшие, а потом запихивали в себя всю еду в доме, смеясь, будто долбаные малолетние подростки!

Только я знаю, как нежно и одновременно страстно Джейн умеет целоваться и любить, как окидывает взглядом, способным свести с ума. Способным все на свете отодвинуть на второй план. Ее взгляд, дразнящий, манящий и влюбленный, до сих пор таится в глубинах моего подсознания. И я помню другой ее взор: когда Джейн Мортис что-то не нравилось, когда ее что-то не устраивало, что-то расстраивало, смущало, заставляло плакать. Я никогда не забуду, как сделал ей больно в ту ночь перед аварией. Собственно, моя вина в том, что Джейн попала в катастрофу и потеряла память, тоже есть. Я мог бы помешать случиться тому, что случилось. И тогда она любила бы меня и продолжала ненавидеть Росса.

Я мечтаю об этом больше жизни.

За стеной слышатся басы. Похоже, уже далеко не утро. Я смотрю на дисплей своего телефона, провожу пальцем по экрану. Уже полдень, а значит Росс на ногах, поэтому решил разбудить нас своеобразным образом: из его комнаты доносится песня «**Burn**»

группы **Three Days Grace**. Я и сам очень люблю этот музыкальный коллектив, но, дьявол, не тогда, когда моя башка буквально трещит.

Поднимаясь с кровати, я прохожу в свою собственную ванную комнату. Не удосуживаюсь надеть что-то на себя и позволяю нашей с Иветт в одежде так и лежать на полу, оставляя беспорядок в спальне не тронутым. Мне нравится это: не убираться, доводить помещение до полного хаоса, чтобы потом в один день сделать его чистым, прекрасным, хорошо пахнущим.

В этом весь я.

Мне нравится смотреть, как что-то совершенствуется: становится лучше, красивее из-за моих долгих, упорных трудов.

Трек «**Burn**» сменяется на другой — «**Pain**». Отлично! Это как раз то, что я сейчас чувствую.

Боль.

И я говорю не только о физической ее стороне.

Включив воду, я становлюсь на деревянный поддон душевой кабинки и наслаждаюсь струями горячей воды, скатывающейся по моему телу. Полностью поддаюсь процессу восстановления. Мою волосы, растираю тело гелем для душа, чищу зубы чуть ли не до крови.

Боль, боль, боль.

С абсолютной уверенностью заявляю: лучше ощущать ее физический оборот.

Я подставляю лицо водяному потоку, плотно закрыв глаза. Я практически не слышу музыку за стеной, но глухие ударные все еще вибрацией отдаются в моем теле. Улыбаюсь, потому что это возбуждает меня. То есть, не думаю, что поймел бы Иветт сейчас, эта не та степень возбуждения. Мне просто приятно ощущать вибрацию кожей, только и всего.

Улыбка растягивается шире.

В конце концов, я выключаю воду, прислушиваясь. Так я и думал.

Играет «Get Our Alive». Росс обожает эту композицию, он может вновь и вновь жать на повтор, пока ему не надоест. Так что не

удивлюсь, если эта песня играет уже не первый раз.

Внезапно музыка становится тише, а когда я выхожу в спальню, закрепляя полотенце на бедрах, то замечаю, что Иветт больше не спит. Она просто не в комнате. Ее вещи все еще раскиданы по полу, но своей светло-серой рубашки я не наблюдаю. Значит, она в ней. Завтракает? Попросила Росса сделать потише? И он послушался?

Да ладно.

Вытирая другим полотенцем волосы, я выхожу из спальни, замечая Иветт и Росса у открытой парадной двери. У нас гости? Я спешу подойти к ним, и тут Росс отстраняется, приглашая войти кого-то. На его губах расцветает такая блаженная улыбка, что я быстро схватываю два и два. Я знаю, кто пришел. Это Джейн.

— Да, ты не подумай, — продолжает Иветт, а я понимаю, что прослушал все, что они говорили до этого, потому что был сконцентрирован на другом. — У меня с ним ничего нет...

Росс незамедлительно встречается.

— Именно, детка. Ив сегодня ночевала в соседней спальне, — посмеивается он, отворяя дверь еще шире. — Ну же, заходи. Ты что, не веришь мне? — цокает языком брат. — Клянусь, я даже не знал, что она здесь, и не предполагал, что у нее что-то было с моим братом-неудачником.

Росс морщится, а я отступаю, но всего на шаг и всего на мгновение. Меньше чем через секунду я уверенно направляюсь к двери, продолжая делать короткие волосы сухими.

Джейн уже вошла в дом, но все еще остается в прихожей. Когда я выхожу туда и сталкиваюсь с ее встревоженным и расстроенным взглядом, то, клянусь, на минуту даже теряюсь. Впрочем, Росс тоже распинается, пытаюсь уверить мою бывшую девушку, что у него и у Иветт ничего не было, и он понятия не имеет, почему Ив в таком виде открыла ей дверь, а он случайным образом оказался рядом в пижамных штанах и без футболки.

Я бы порадовался, поехидничал, однако у меня на это ни сил, ни желания. Я замечаю на себе пристальный взгляд Джейн, и уже не могу дышать ровно.

Почему, почему, черт подери, она так разочарованно смотрит на меня?!

Она хочет, чтобы я подтвердил, что Ив спала со мной, а не с Россом?

Ну да, точно. Быстро спустив себя с небес на землю, я произношу ровным голосом:

— Не беспокойся, Росс не имеет отношения к растрепанным волосам Иветт и ее вульгарному внешнему виду.

Я знаю, что мою подругу это не обидит, и оказываюсь прав. Она смеется, по-приятельски толкает меня в плечо и удаляется, прежде бросив Джейн очередное приглашение войти. Мои губы дергаются в слабом подобии улыбки, пока я провожаю стройные, голые бедра, а потом Ив скрывается в моей комнате.

Когда оборачиваюсь обратно, то вижу, как Росс, нежно взяв Джейн за руку, заводит ее в гостиную и закрывает за ней дверь. Все больше вглядываясь в эти коричневые, обеспокоенные глаза, я замечаю, как в них бушует настоящий океан. Темная вода плескается на глубине, и я все никак не могу понять, что такого она увидела во мне сейчас? Что узнала? Или услышала?

Какого черта моя любимая Джейн глядит на меня так, словно я ей отнюдь небезразличен?!

Истина лежит где-то на поверхности, но я не могу до нее дотянуться. Мысли путаются.

Росс прижимает Джейн к себе, она смотрит на него, и тогда он осмеливается вздернуть пальцем ее подбородок вверх, чтобы поцеловать в губы. Их поцелуй кажется мне легким и безмятежным, а мои кулаки от злости и бессилия все равно сжимаются.

Выйдя из комнаты в этот момент, Иветт проходит к кухонному «островку» и бросает на меня красноречивый взгляд. Она уже надела на себя свою одежду: темные, рваные джинсы и красный топ без бретелек. Налив себе в стакан апельсиновый сок, она быстро осушает половину емкости, а потом вновь косится на меня.

Вдруг взволнованный голос Джейн выдает:

— А разве... — я поворачиваю голову к ней в ожидании. — ... Разве вы не друзья? Я думала, — из ее губ вырывается смешок, под которым она маскирует свою заинтересованность, — что вы просто друзья.

Ее глаза оглядывают Иветт, а после переходят ко мне.

Я прокашливаюсь, отвожу взгляд к Россу, затем к окну. Я смотрю куда угодно, но не на Джейн. Не знаю, что сказать. Чувствую себя застуканным за изменой, хотя это не так. Будет ли вообще уместна попытка оправдать свои легкомысленные действия в отношении Иветт?

— Мы друзья, — я возвращаюсь из омута своих мыслей в реальность, когда слышу голос Ив.

Я поворачиваюсь к ней и замечаю, что Джейн смотрит на нее с таким же взволнованным интересом, что и я.

У меня, должно быть, галлюцинации. Или, возможно, я до сих пор сплю?

Иветт проводит рукой по волнистым волосам, собирая их и перебрасывая на одно плечо. Ее чуть сузившиеся глаза устремляются в мою сторону, а затем она улыбается одним уголком губ, издав короткую усмешку.

— Друзья, которые были черто-о-овски пьяны, — Ив провозглашает свое окончательный вердикт, — и... немного оступились. Но с кем не бывает? Не думаю, что нам стоит заострять на этом внимание, так ведь, Эйден?

Она подмигивает мне и кажется абсолютно не задетой. Я дикий везунчик, потому что Иветт невероятно понимающая. И она далеко не глупа.

Мне хочется выдохнуть с облегчением, но не получается.

Росс хохочет в голос.

— Действительно, — кивает он, обнимая Джейн со спины. — Спать со своим другом — совершенно обыденное дело.

— Эй, — Иветт кривит лицо в саркастическом выражении. — Ты бы лучше помалкивал. Ты вообще не разбираешь тех, кого имеешь, — ее лицо резко приобретает виноватые нотки. — Прости, Джейн.

Росс хмурит брови.

— Да. Держи свой рот закрытым. Будь так добра.

Иветт показывает ему средний палец.

Но Джейн не реагирует, словно находится где-то далеко отсюда. Сложно сказать, какие мысли одолевают ее. На маленьком, аккуратном лице непроницаемая маска, сквозь которую невозможно разглядеть истинные чувства. Но я ощущаю нечто странное и будоражащее, исходящее от Джейн, отчего мое сердце бьется быстрее обычного.

Возможно, мне лишь хочется верить, что в необычно тихом к смущающему инциденту с Иветт поведении Джейн есть смысл.

Окей. Нужно поскорее заканчивать с этим.

Однако она опережает меня в этом желании.

— Я... по правде говоря, мне уже пора, — говорит она.

— Так скоро? — удивляется Росс. — Ты же только что пришла.

Джейн явно растеряна.

— Ну, я решила заглянуть. Ненадолго.

— Так сильно скучала по мне? — его руки сжимают ее тонкую талию. Росс целует ее в висок и довольно улыбается.

Серьезно, мать вашу?

Я громко клацаю зубами и быстро отворачиваюсь. Противно. Больно. Невыносимо смотреть на его счастливую физиономию и то, как щеки Джейн окрашивает пунцовый румянец. Иветт ловит мой взгляд и поджигает губы.

— Знаете, что? — вдруг громко произносит она, выходя из-за кухонной стойки. Ив подходит ко мне и буквально толкает в сторону моей спальни. — Мы с Эйденем прогуляемся. Да. Нам нужно... кое-куда сходить. Ненадолго. А, может, надолго? В общем, не будем вам мешать.

Я пытаюсь обернуться к ней и дергаю руками, чтобы скинуть ее ладони со своей спины. Но эта фурия не поддается.

— Замолкни, — шипит Ив, но я и рта не успел открыть, чтобы получить ее упрек. — Если я сейчас же не уведу тебя отсюда, ты точно убьешь своего никчемного идиота... то есть брата.

Джейн выставляет руку и слабо мотает головой.

— Не стоит. Я ухожу. Мне действительно пора.

— Ты на самом деле собираешься оставить меня одного в этом огромном, пустом доме? — притворно обиженным голосом интересуется у нее Росс.

Я больше не сопротивляюсь попыткам Иветт спасти меня. Потому что я действительно хочу убить своего брата.

ГЛАВА 16

АННА

Мы подлетаем к Пекину.

Девяти часов на десятитысячной высоте оказывается предостаточно для того, чтобы оглянуться в прошлое и переосмыслить кое-какие вещи. По правде говоря, все не так уж и сложно, но и проще не становится...

Нет. Я передумала. Все сложно.

Я просматриваю информацию в гугле о том месте, куда мы должны прибыть в скором времени. Музыка, льющаяся из встроенных в стены самолета колонок, помогает немного расслабиться и отвлечься от мысли, что я снова нахожусь за пределами далеко от земли. Мы летим выше уровня облаков, и я стараюсь не пялиться в иллюминатор, хотя вид открывается невероятный.

Иногда бросаю проклинающие взгляды на Миднайта, который сопит на кожаном диване, накрытый пледом. Он выглядит болезненно, но его рана перестала кровоточить. Спасибо антибиотикам и личному врачу, предоставленному бонусом к супер-шикарному частному самолету. Меня до сих пор беспокоит вопрос о том, сколько денег у этого жеманного британца.

— Пожалуйста, прекрати так смотреть на меня, — вдруг раздается его сиплое бормотание. — Ты скоро сделаешь во мне дыру.

Он убирает из-под головы руку и с трудом переворачивается с бока на спину. Я вздрагиваю в кресле и чуть не роняю телефон.

— Тебя ничто не убьет, — фыркаю я, опуская взгляд к своим коленям.

— Ошибаешься.

Он надсадно кашляет и пытается принять сидячее положение, но все попытки не венчаются успехом. Миднайт шипит ругательства и откидывается обратно на подушку. Я прикусываю кончик языка,

чтобы не сболтнуть чего-нибудь лишнего, не предложить свою помощь...

— Ты привез меня в Иерусалим, чтобы я встретила с Дениз, так? — я делаю свой голос непринужденным, задавая этот вопрос.

— Твои способности сопоставлять факты просто поражают, — ухмыляется Миднайт.

Боже. Что за... Как же он бесит!

— Ты когда-нибудь бываешь серьезным?

— Этот мир слишком безумен, чтобы быть серьезным. Относись ко всему проще, и жизнь ответит тем же.

Я закатываю глаза.

— Что-то не похоже.

Миднайт напускает задумчивый вид.

— Сейчас просто неудачное время.

Я закидываю одну ногу на другую и наклоняю голову вбок.

— Значит, тебе было известно о моей метке?

— Конечно. Я же не слепой. Ради всего святого, Анна, — он разочаровано мотает головой. — Ты достаточно умная девочка для таких глупых вопросов.

Я поджимаю губы, показывая, будто внезапно охвачена любопытством от вида своего отсутствующего маникюра.

— Я только разогреваюсь. Итак.

— Итак, — тянет Миднайт, вторя мне.

Как, выглядя откровенно хреново, он может так обольстительно улыбаться?!

Но мой следующий вопрос мгновенно стирает с лица блондина малейшее веселье.

— Ты — фамилляр?

Я достаточно долго обдумывала, прикидывала варианты и большинство из них тут же отметала, поэтому пришла к такому заключению лишь по пути в аэропорт.

Я немного знаю о фамильярах, мама упоминала о них несколько раз, а еще я находила информацию об этих существах в одном старом бабушкином гримуаре. Фамильяры — магические сосуды, созданные для помощи ведьмам и колдунам. Они могут иметь как форму неодушевленных предметов, так и человеческий облик. Их сложно назвать людьми, но и полноценными магами они так же не являются, при этом имея сверхъестественные способности, присущие тем, кто их создал.

Мне не нужно подтверждение, потому что я уверена в этом. Но любопытно увидеть реакцию Миднайта.

Пока что он в замешательстве. Полнейшем.

— Я видела твои фотографии в доме...

— Точнее, в моей комнате, — перебивает с нетерпением, но внешне сдержан. Голубые, похолодевшие глаза не сходят с меня.

— Как давно они были сделаны? И кто те люди на них? Твои... хозяйева?

Фамильяры имеют тесную связь со своими создателями. Они привязаны к колдунам и ведьмам, возможно, даже сильнее, чем ребенок к своим родителям. Бесконечная преданность и безвозмездное самоотречение.

— Не суй свой симпатичный носик не в свои дела, — в присущей ему манере отвечает Миднайт и демонстративно отворачивает голову, как бы говоря, чтобы я не пыталась и дальше что-то вытянуть из него.

— Молчание — знак согласия, — пусть не надеется, что я так спокойно отступлю.

Неожиданно Миднайт устремляет на меня угрожающий, свинцовый взгляд. Его желваки приходят в движение, а брови сходятся у переносицы, образуя глубокую складку.

— Моя семья тебя не касается, Анна. Уясни это раз и навсегда.

Только я открываю рот, чтобы сказать, что плевать хотела на то, нравится ли ему говорить об этом, или нет, как парень вновь обрывает меня.

— Я не намерен обсуждать детали моей биографии с тобой. Прямо сейчас. В этом самолете. И точка, Анна. Не тревожь меня до

тех пор, пока мы не приземлимся... а потом посмотрим, возможно, я почувствую себя лучше и буду более расположен к беседе с тобой.

Только два слова.

Достаточно двух слов, чтобы охарактеризовать его.

Несносный. Мерзавец.

Стройная стюардесса с рыжими, короткими волосами просит нас пристегнуться, потому что мы идем на посадку. И я, и Миднайт выполняем ее просьбу мгновенно. Лучи восходящего солнца рассекают борт самолета по диагонали. Повернув голову к фамильяру, я не могу не смотреть в его голубые глаза, которым под воздействием практически ослепительного солнечного света кажутся блестящими. Словив на себе мой взгляд, он чуть приоткрывает губы, и я никогда не забуду все то, что мы пережили. Наши маленькие, интимные моменты и его поцелуй. Я отгоняю от себя эти назойливые мысли раз за разом, однако они настойчиво лезут в голову, раскрывая передо мной книгу историю наших сложных с Миднайтом отношений.

В конце концов, я отвожу глаза, а стюардесса информирует нас о том, что мы уже приземлились в Пекине. Я даже не заметила этого. Расстегнув пояс, Миднайт неровной походкой отправляется к выходу, я за ним. Не знаю, правда это, или всего лишь моя выдумка, но я чувствую, что перед тем как подняться, он не спускает с меня глаз. Когда я отстраняю взгляд, он этого, похоже, не делает. А может, я всего лишь хочу, чтобы так было.

На взлетной полосе нас ожидает вертолет с уже вращающимся несущим винтом, который развеивает мои волосы, стоит нам подойти ближе. Летчик, надев гигантские наушники на уши, машет нам рукой, зазывая скорее забраться в тесный салон и занять пассажирские места.

Миднайт везет свой небольшой чемодан по ровному асфальту, моя же сумка в несколько раз меньше, и я несу ее на плече. Мой спутник даже не удосуживается попрощаться с членами экипажа, но я могу объяснить это тем, что его рана все еще болит, он держится за нее ладонью. К счастью, уже не морщится и не корчится, хотя, возможно, Миднайт просто удачно скрывает то, как ему плохо.

Взобравшись в салон, мы закрываем за собой двери. Вертолет взлетает достаточно медленно, но этого хватает, чтобы в моем животе

образовались бабочки с быстро машущими крыльями. У меня захватывает дух от того, как мы поднимаемся, и какой вид расстилается перед нами. Это настолько прекрасно и великолепно, что я даже забываю о своем паническом страхе высоты.

Миднайт откидывается назад, надевая наушники, а я не могу оторвать глаз от того, как же вокруг все красиво. Как зелена под нами земля. Верхушки деревьев постепенно скрывают все остальное. Через припущенное окно ветер врывается в винтокрылую машину и оживает в моих волосах.

Мы приземляемся у озера Ракшас-тал спустя несколько часов, и здешняя обстановка кардинально отличается.

Моему взору открывается совершенно иная живописность. Густые, необозримые леса, иногда встречающиеся поселения, деревни и величественные, древние храмы сменяются широкими, серо-зелеными равнинами в контрасте с громадными, молчаливыми горами с заснеженными вершинами.

Озеро кажется невеликим с большой высоты, но как только мы ступаем на мерзлую землю окутанного призрачным туманом берега, то возникает ощущение, что у Ракшас-тал нет края и конца. Непокколебимая, темная водная гладь сливается с блекло сине-серым горизонтом, создавая представление бесконечности.

Здесь пасмурно, и небо над нами затянуто тяжелыми, свинцовыми тучами. А еще безумно, безумно холодно. Стремительные потоки гулко ветра проникают под одежду, целиком охватывая тело сильной дрожью. Но ледяной воздух кристально чистый и свежий. Им невозможно надышаться, хотя каждый вдох причиняет адскую боль.

Закончив с осмотром окружающей среды, я останавливаю свое внимание на Миднайте. Он копошится в чемодане. Наверное, ищет теплую одежду. К сожалению, я не располагаю подобной роскошью, имея при себе лишь несколько футболок и вторую пару джинсов.

Конечно, если бы я заранее знала, куда занесет меня судьба, то непременно захватила бы с собой зимнюю куртку.

— Возьми это, — неожиданно в меня летит бардовый, вязаный свитер на несколько размеров больше.

Я ловлю одежду и, пробормотав «спасибо», надеваю на себя

вещь. Это не спасет от клацанья зубами, но поможет немного согреться.

Я оглядываюсь.

— И что теперь? — спрашиваю в растерянности и любопытстве. — Надеюсь, мы не останемся здесь?

Миднайт сухо бросает:

— Подожди.

Он вновь кладет руку на бок и ежится от боли. Я буквально подлетаю к нему.

— Стало хуже? — выдаю обеспокоенно.

Его губы трогает мучительная улыбка.

— Терпимо, Анна. Тебе не стоит так волноваться обо мне.

— Я и не беспокоюсь, — фыркаю, притворившись равнодушной.

Миднайт тихо смеется.

— Ну, конечно...

Мне больше не удастся ничего ответить, потому что вдалеке слышится шум заведенного двигателя и резиновых шин по дороге, усеянной щебнем. Вскоре слепящий свет фар прорывается сквозь плотно оседающий к земле туман. Из колонок машины звучит зверская музыка: басы, рэп, играющие барабаны. У меня чуть не лопаются ушные перепонки от такого громкого трека. Миднайт сощуривает глаза, приложив ладонь ко лбу, защищаясь от ужасающей яркости.

Через пару минут пикап-внедорожник останавливается боковой дверью прямо перед нами, а стекло с водительской стороны неспешно опускается. Мужчина за рулем поднимает солнцезащитные очки на лысую голову, полностью покрытую татуировками, собственно, как и лицо. Иероглифы и узоры украшают даже его руки, костяшки пальцев, которыми он обхватывает руль. Красивая азиатская внешность привлекает внимание. Уверена, даже без тату он смог бы пленить своей наружностью любую женщину. Зеленые глаза, наполненные серьезностью, концентрируются сначала на мне, а после на Миднайте. Звук щелчка становится сигналом для фамильяра открыть заднюю дверь. Сначала он впускает в машину меня, а потом

садится сам. Мы располагаемся на удобных и высоких кожаных сидениях. Автомобиль двигается в ту же секунду. Рев мотора проносится по всей местности, а музыка, что утихла на некоторое время, возобновляется с той же оглушительностью.

Несмотря на все попытки унять чувство дискомфорта, я не могу пересилить себя и расслабиться. Большая машина кажется очень тесной изнутри. Я и Миднайт сидим на расстоянии вытянутой руки, но кожу покалывает так, словно моя левая половина тела прижата к нему от плеча до щиколотки. Парень за рулем иногда посматривает на нас через зеркальце, я то и дело ловлю на себе его резкие взгляды и отвечаю тем, что пялюсь на него в ответ.

Интересно, он понимает по-английски?

Я понимаю одну единственную вещь за то время, пока мы едем к загадочному, тибетскому шаману. Не нужно ждать чего-то конкретного от будущего, потому что оно непременно повернет все в неожиданном ключе.

Когда автомобиль неожиданно тормозит, и глохнет музыка, у меня отчего-то перехватывает дыхание. Сердце пропускает пару ударов, и сквозь поры просачивается будоражащее ощущение, сложно поддающееся четкому объяснению. Но я определенно точно уверена, что мне не нравится это чувство... нет, скорее предчувствие. Неясное и томительное.

Я сжимаю руки в кулаки и вылезаю из внедорожника. Не знаю, что я надеялась увидеть перед собой — один из ранее замеченных мною храмов, или монастырь, — но точно не разваливающуюся, деревянную хижину, которая может разлететься прахом от малейшего дуновения ветерка в любую секунду. Мне так и хочется сказать: «Какого хрена? Это совсем не смешно», но я спазматически глотаю негодование и смотрю на нашего проводника, который лениво покидает салон машины и идет к этой самой хижине. Он останавливается, не слыша шума наших шагов, и что-то говорит на китайском. Парень действительно думает, что мы понимаем его? Ага. Я же полиглот под прикрытием.

— Пойдем, — Миднайт подталкивает меня вперед.

Мы находимся черт знает где, черт знает как далеко от дома, поэтому... будет правильнее держаться ближе к нему, так? Исключительно в целях собственной безопасности. И хотя ко мне

вернулись мои силы — я, наконец, чувствую, как по венам помимо крови вновь течет магия, — лишняя страховка в виде смазливового лица лондонского дэнди не помешает.

Азиат в кожаной куртке, черных, рваных джинсах и армейских ботинках на толстой подошве с ноги открывает дверь в хижину, и я поражаюсь тому, что та не слетает с петель. Мы заходим внутрь, где царит мрак, и воздух становится вязким от пыли, проникающей в легкие с вдохами. Я захожусь kloкочущим кашлем и смаргиваю мгновенно скопившуюся на глазах влагу.

Каждый шаг проводника отдается громким, натянутым скрипом половых досок. Парень останавливается у голой стены и касается ее ладонью... а затем появляется узкая полоска света. Она растягивается по горизонтали и вертикали, образуя прямоугольник высотой где-то в восемь футов.

Это дверь.

Татуированный парень сдвигает в сторону часть стены, и небольшую хижину заполняет яркий, бледно-желтый свет, вырывающийся из лифтовой кабины.

Это даже не хочется как-либо комментировать, потому что... потому что, черт возьми, я уже устала чему-либо удивляться. Seriously. С меня хватит. Отныне я буду воспринимать любую дикость, как должное.

Китаец заходит внутрь и поворачивается к нам лицом. Он кратко кивает подбородком, и мы плетемся к нему. Лифт опускается около тридцати секунд, и я могу предположить, что в конечном итоге мы оказываемся на глубине примерно в сто футов.

— За мной, — на паршивом английском произносит проводник, обернувшись к нам через плечо.

Двери лифта расходятся в стороны, и я вижу впереди недлинный, широкие коридор с бетонными стенами, потолком и полом, в конце которого находится серая железная дверь с кодовой панелью.

С каких пор тибетские шаманы живут в подобных условиях?

Мы попадаем в довольно просторное помещение, обставленное уютной, кожаной мебелью в тон темно-коричневым стенам, отделанным гладким камнем. Высокий, навесной потолок подпирают

шесть колонн-аквариумов квадратной формы, внутри которых плавают маленькие акулы. Со стороны водопада под стеклом, растянувшегося во всю восточную стену и оснащенного красноватой подсветкой, льются звуки старого блюза. «**Me And The Devil Blues**» в исполнении легендарного Роберта Джонсона.

Наш проводник проходит вперед, но одним жестом руки останавливает нас и мотает головой, имея в виду, чтобы мы не двигались со своих мест. Вскоре он скрывается за углом, и я громко выдыхаю, потому что присутствие того парня жутко напрягало.

— Это когда-нибудь закончится? — я начинаю массировать затекшую шею.

— Все только начинается, — с ухмылкой отвечает Миднайт, делая оборот вокруг своей оси.

— Ты что-нибудь знаешь о Ешэ? — спрашиваю я, неосознанно повторяя за ним и осматриваясь вокруг.

— Ничего.

Как раз, когда Миднайт озвучивает свой ответ, я слышу приближающиеся шаги.

А теперь попытайтесь представить смесь удивления, недоумения и абсолютной неожиданности на моем лице, когда жилистый парень с татуировками, приведший нас сюда, возвращается в компании ребенка. На вид мальчик не старше двенадцати-тринадцати лет. Он очень худой, невысокий, одетый в свободную, простую одежду — джинсы и клетчатую рубашку. Его кожа невероятно бледная, как у альбиноса. Маленькое, миловидное лицо, аккуратный нос и неестественно большие, светло-серые глаза, обрамленные длинными и густыми ресницами.

— Анна, Миднайт, — мальчик обращается к нам на безупречном английском и делает поклон. — Рад встрече с вами, — выпрямившись, он посылает нам радушную улыбку. — Я Ешэ.

ДЖЕЙН

Не знаю, почему я делаю это. Возможно, я хочу разобраться в себе. Понять, что я чувствую к этому человеку. Ночью я не могла

заснуть: все думала, насколько сильно люблю Росса. Люблю ли по-настоящему? И все это было чем-то странным и непонятным, пока моя память отсутствовала. А теперь, когда я знаю и чувствую всю ту огромную любовь и влюбленность к Эйдену, меня очень смущают те ощущения, которые поселились в душе по отношению к Россу.

Из-за того, что я была на эмоциях, наша последняя встреча с обоими Картерами была наполнена нахлынувшей болью. Я просто была слишком растеряна и встревожена, чтобы прийти к истине. Я действительно люблю Росса? Вот мой главный вопрос. Что между мной и им: увлеченность, одержимость, искренняя симпатия? Или что-то более глубокое. Именно поэтому я останавливаю машину у дома Картеров и выхожу из авто, уговаривая себе скорее подойти к двери, взойти на крыльцо и постучаться.

В переписке я узнала, что Росс дома, но я забыла спросить, Эйден вместе с ним, или нет.

Каждый раз, когда я думаю о младшем Картере, у меня внутри творится что-то безумное. Органы завязываются в узел, сердце стучит, словно бешеное, кожа покрывается мурашками. Я ужасно скучаю по прикосновениям Эйдена. И если увижу его сегодня, не знаю, как поведу себя. Сейчас я помню, как сама же отталкивала его, когда Эйден пытался вернуть отношения, но моих воспоминаний не было. А сейчас, думая об этом, мне становится больно.

Возможно, я просто маскирую другие свои мысли — более мрачные и темные — озабоченностью собственных отношений с Картерами. Пока я ехала сюда, то сжимала пальцами руль так, что белели костяшки. Отгоняла от себя будоражащие сознание кадры в голове о месте, где заключила сделку с кошмаром. С созданием тьмы.

Лучше размышлять о боли в сердце, чем о подземной жути.

Дверь открывается быстро. На пороге стоит Росс, вытирая мокрые волосы. По всей видимости, парень только что вышел из душа. Его бедра обернуты белым, махровым полотенцем. Увидев меня, он широко улыбается и тянется, чтобы поцеловать меня, берет за руку и заводит в дом, закрывая дверь.

Не отводя голову, Росс кладет одну ладонь мне на щеку и большим пальцем очерчивает узоры на моей коже, глядя в мои глаза, опускаясь взором вниз. Наши губы очень близко, и Росс крадет у меня еще один поцелуй, а потом, наконец, отстраняется.

— Привет, — произносит он сладким голосом, прежде чем продолжить заниматься волосами, что едва достают до его широких плеч.

Глубоко вздохнув, я принимаюсь оглядываться. Эйдена нет в гостиной, а дверь в его спальню закрыта. Встретившись с Россом, поцеловавшись с ним, я решаюсь признаться себе, что он мне небезразличен, да. Но и Эйдена я люблю. Очень люблю. Если он окажется здесь, в доме, я обязана буду найти причину, чтобы поговорить с ним. Господи... Пятерней сцепив прядь волос на затылке, я не перестаю ни на секунду лихорадочно раздумывать над своим планом. Все стало так запутано, я в замешательстве. Не смогу смириться с тем, что отныне так может быть всегда. Я не смогу выбросить из своей жизни ни одного, ни другого брата.

— О чем ты задумалась? — игриво задев меня бедром, Росс направляется в спальню.

У входа в нее он оборачивается, бросив на меня страстный взгляд.

Я медленно иду в его сторону, начиная выискивать в целом ворохе сковавших меня проблем хоть что-то здоровое и нормальное, чтобы ответить ему. Через несколько секунд у меня в буквальном смысле вылетает из головы то, что он мне сказал. Что-то спросил?..

— Чем занималась сегодня? — доносится из комнаты.

Я оказываюсь на пороге в то же мгновение. Росс, повернувшись ко мне спиной, надевает на себя белую футболку. Он уже успел справиться с нижним бельем и темно-синими, потертыми в некоторых местах джинсами.

— Да так, — рассеянно отвечаю, — ничем... Мы с Оливией готовили обед, — говорю, сглотнув.

В душе вновь поселяется страх и сомнения по поводу правильности моего поступка. Но, не позволив этим ядовитым чувствам обосноваться во мне, я все же решаюсь спросить:

— А Эйден дома?

С хитрой улыбкой, растянувшей его пухлые губы, парень оборачивается ко мне и, поправляя подол своей белоснежной футболки, надвигается ко мне. Его рука хватается за мою талию, когда он наклоняется и снова языком властно врывается в мой рот. В

этот раз я отталкиваю его слегка, положив руку на грудь Росса. Нахмутив брови, он нервно усмехается.

— В чем дело?

— Мы торопимся, я всего лишь хотела...

Росс перебивает меня.

— Смейся? У нас уже был секс, малыш, — понизив голос до шепота, он прокладывает дорожку из поцелуев от моего подбородка до шеи.

Я пытаюсь протестовать, но Картер старший подхватывает меня на руки и несет к кровати. Чувства чувствами, но в тот момент, когда он срывает с себя только что надетую футболку, мой разум затуманивается при виде накаченного торса и сильных, мужественных рук. Отбросив часть гардероба, Росс разводит мне ноги в стороны... может, именно это мне сейчас нужно? Расслабиться, забыться. Хоть на время.

— Зачем только одевался, — бормочет Картер старший, трогая мои голые бедра, сминая в кулаке конец джинсовой юбки. Он не снимает с меня туфли, зато сразу принимается лишать одежды.

— Думал, у нас сегодня будет культурная программа: путешествие по городу на моей машине, — говорит потом, расстегивая мою голубую рубашку, и я даже не сопротивляюсь, потому что не получается.

Потому что я тоже без ума от этого человека.

— Погода сегодня радует, — отвечаю я с придыханием, — могли бы прогуляться.

Росс копирует мою интонацию, на выдохе произнеся:

— Могли бы...

Пальцы одной его руки исследуют мое левое бедро, а другой отодвигают белые трусики в сторону. Большим пальцем он давит на мой центр, и я выгибаю спину. Через две секунды Росс оставляет меня и без трусиков. Я в одном лифчике лежу под ним, а потом он склоняется еще ближе к губам.

— Мы совсем одни, — шепчет Росс.

Не дав мне озаботиться этими его словами тоже, он, чмокнув

меня в губы, опускается вниз и, не дожидаясь моего разрешения, языком стремительно входит в меня, обводит им клитор и получает в одобрение мой отчаянный стон. Снова входит внутрь, но теперь пальцами, а затем распределяет влагу по моим складкам, целуя их, меняя темп своих ласк, заставляя меня вскрикнуть от наслаждения.

Кроме стонов, тишину в доме ничего не нарушает, поэтому поворот ключа в замочной скважине улавливается сразу. Наслаждение проходит через все мое тело, но я не так сильно близка к оргазму. Мы должны остановиться. Я должна остановить его, как бы тяжело это ни было.

Может быть, пришел Эйден. Я не хочу, чтобы ему были слышны звуки нашего с Россом секса.

Сознание атакуют ужасные воспоминания недавнего времени, когда Эйден застукал меня и своего брата в этом доме, в этой спальне. Тогда мне было стыдно, но я не чувствовала боли Эйдена. Не пыталась почувствовать то, через что ему пришлось пройти. Я думала о себе, о Росссе, о том, в какой неловкой ситуации мы оказались. Я была уничтожена спонтанным заявлением Росса о его ненастоящих чувствах ко мне. Я была слишком занята своей болью и нисколько не заботилась об Эйдене.

Я обошлась с его сердцем в гораздо, гораздо хуже, чем он с моим.

Сейчас мне кажется, будто мы всегда терзали друг друга. На фоне плохих событий хорошее забывается, меркнет, становясь легкой дымкой и растворяясь на ветру.

Я чувствую, как лед сковывает мое сердце, и слезы скатываются по вискам, капая на подушку. Услышав мой всхлип, Росс перестает покрывать поцелуями мой живот и обеспокоенно смотрит на меня.

— Джейн? — в его голосе слышится изумление. Он приподнимается и нависает надо мной, чтобы видеть мое лицо.

Я отворачиваюсь сразу, как только голубые глаза находят мои. Спешу стереть влагу со щек и переворачиваюсь набок, спиной к Россу.

— Прости. Я... не знаю, что на меня нашло.

Ложь.

Мое сердце болит, потому что тоскует по Эйдену. Оно болит, потому что я не могу признаться о своем поступке и о том, что я все вспомнила. Если я расскажу, все окончательно запутается, и больно будет не только мне с Эйденем. Пострадает Росс.

От нас троих ничего не останется.

Возможно, мне стоит потерпеть? Мои чувства к Эйдену угаснут, и я целиком сконцентрируюсь на Росс. Эйден выглядит смирившимся, если можно так назвать, и это вовсе неплохо. Я рада, если он решил двигаться дальше после того, как ужасно я вела себя с ним.

Он... должен идти вперед и оставить меня позади, потому что так будет лучше в первую очередь для него самого.

Теплая, сильная рука Росса обвивает мои плечи, и я оказываюсь прижатой к обнаженной, мужской груди. Пухлые, горячие губы целуют мои волосы и лицо. Я слышу утешающий, низкий шепот Росса и отчаянно мечтаю найти в нем покой.

Почему, выбравшись из того страшного места, я не чувствую себя свободной? Мне по-прежнему больно, одиноко и страшно.

— Почему ты плачешь, Джейн? Расскажи мне, — настаивает Росс.

Все еще обнимая меня, он приподнимается на локте второй руки и предпринимает очередную попытку установить со мной зрительный контакт. На этот раз я не сопротивляюсь и позволяю его чарующим, невероятным глазам устремиться в самую суть моей сущности.

— Все хорошо? — между его бровей пролегает складочка волнения.

Я выдавливаю из себя: «Угу» и киваю, но недостаточно убедительно, чтобы Росс поверил мне. Однако он больше не пытается выяснить причину моих внезапных слез и наклоняется, чтобы долго и жгуче поцеловать. Ощущая близость и тепло его тела, я повторяю про себя, что с недавних пор Росс так же делает меня счастливой, поэтому я не могу и не хочу отталкивать его.

Все изменилось, и есть ли теперь смысл винить в этом кого-либо? Остается только принять то, что есть. Так будет проще. Так будет правильно. Так будет справедливо.

— Ты можешь говорить со мной обо всем, что тебя тревожит, — заверяет Росс, когда я устраиваюсь в его объятиях. — Я не хочу, чтобы между нами были тайны. Они не приносят ничего, кроме страданий, — его губы трогает грустная улыбка.

Но в некоторых случаях ложь необходима.

Я ничего не отвечаю ему и незаметно проваливаюсь в сон под звуки сердцебиения Росса.

ГЛАВА 17

ЭЙДЕН

Не знаю, имею ли я право наслаждаться тихой, ноябрьской ночью и любоваться необъятным, звездным небом, расположившись на капоте своей машины и попивая темный, крепкий эль марки «Raftman». По радио играет песня об одиноком парне, у которого была неудачная любовь, и он ждет ее вновь, в исполнении Дэна Ауэрбаха и Патрика Карни из «The Black Keys».

Я собирался провести этот вечер в одиночестве, чтобы подумать и решить, что делать дальше со своей жизнью. Но Иветт лишила меня возможности побыть наедине с самим собой, увязавшись следом.

Она сидит на краю капота, свесив ноги, и пьет пиво, дергая плечами и кивая головой в такт песне. В одной ее руке бутылка «Миллера», в другой — зажигалка, с которой она забавляется и смотрит на вспыхивающее и угасающее пламя. Я не очень-то рад ее компании, тем более после того, что между нами было, но Ив сразу дала понять, что плевать хотела на мое мнение.

— Что ты думаешь о нас? — ни с того ни с сего она задает этот вопрос, заставляя меня буквально подавиться выпивкой.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно уточняю я, вытирая с подбородка пиво.

Ив издает громкий вдох, словно раздражена тем, что я ответил ей вопросом на вопрос. Ее голова немного поворачивается вбок, но я рад, что темнота скрывает наши лица.

— Мы переспали, — говорит она, а я сконфуженно съезжаю затылком вниз по переднему окну. — Да, мы были чертовски пьяны, и все такое. И я знаю, что ни тебе, ни мне сейчас не нужна лишняя головная боль. Но я хочу знать, что ты думаешь о позапрошлой ночи. Это чистое любопытство, не более, — как бы оправдываясь, Иветт пожимает плечами и поднимает руки, сгибая их в локтях.

Что я должен ответить?

— Ну, — я кашляю в кулак, облизывая нижнюю губу.

Проклятье... Она права, сейчас не подходящее время, но этот разговор рано или поздно все равно бы случился. — Честно говоря, я не знаю, что ты хочешь от меня услышать.

Иветт усмехается, а я горю желанием провалиться под землю. Наступившее молчание заставляет меня почувствовать себя последней сволочью и мерзавцем.

— Мне жаль, что это произошло, — признаюсь я.

Ив быстро кивает.

— Нам стоит забыть об этом, — я сжимаю во вспотевших ладонях бутылку и, шумно выдохнув, одним глотком допиваю ее содержимое.

Песня на радио сменяется, и раздаются первые аккорды «Up Where We Belong» Джо Кокера и Дженнифер Уорнс.

— Я не хочу забывать, Эйден. И не могу решить, сожалею ли я, — неожиданно открывается Иветт, откидываясь назад и опираясь ладонями о капот. — Я дорожу нашей дружбой и беспокоюсь, что могу потерять тебя после случившегося. Не хочу, чтобы мы отделились друг от друга из-за этого казуса. Поэтому, если тебе станет легче оттого, что мы сделаем вид, словно все, как прежде, то... хорошо. Я согласна. Пусть будет так.

Мне следует согласиться. Промолчать. Заткнуться, или перевести тему. Повести себя, как бесчувственный козел. Но я подвигаюсь к Ив, потому что встревожен ее словами и той интонацией, с которой она говорила. Я кладу ладонь на ее плечо, чтобы она взглянула на меня.

Некоторые держатся за былое,

Живут, оглядываясь назад.

Но всё, что у нас есть, — это здесь и сейчас,

А вся наша жизнь — бесконечные поиски.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я пытливо смотрю в ее мерцающие печалью глаза и понимаю, что ответ, который кроется в них, не обрадует меня и все усложнит. Но мой друг страдает, поэтому... как я могу делать вид, будто не вижу этого?

— Эй, Ив, — я переплетаю наши пальцы и наклоняюсь к ее лицу еще ближе. — Поговори со мной. Я не понимаю тебя.

Нет, приятель. Ты все отлично понимаешь. Просто не хочешь признать это.

Иветт плотно поджимает губы и отвечает мне долгим, прямым взглядом, от которого у меня подскакивает пульс и учащается дыхание. Я чувствую, как ее пальцы сильнее сжимают мою ладонь, а печаль из больших, глянцевых глаз вытесняет внезапная решительность.

Ив подается вперед, стремительно сокращая между нами небольшое расстояние, и ее губы касаются моих губ.

Вознеси нас туда, где мы дома —

Вдали от знакомого нам мира —

В вышине, где дует свежий ветер.

Я обездвижен ошеломлением, поэтому не успеваю как-либоотреагировать. Но я ясно слышу, как музыка отходит на второй план, и звон в ушах заглушает резко замедлившееся сердцебиение. Я чувствую, что время застывает на мгновение. Мгновение между ударами сердца. Мгновение абсолютной тишины и оцепенения.

Время летит,

Нет времени плакать.

Жизнь — это ты и я,

Живи сегодня.

Иветт медленно отстраняется, по-прежнему не сводя с меня глаз. Она разворачивается ко мне всем телом, подбирая под себя ноги, и берет мою вторую руку, чтобы бережно сжать.

— Я не хочу забывать ту ночь, потому что чувствую к тебе нечто большее, чем дружбу. Я не хочу скрывать этого, потому что просто не смогу. Ты влюблен в Джейн, и твоих чувств не изменить. Но ты должен знать о моих к тебе. Мне дико неловко прямо сейчас, в эту минуту, и, скорее всего, как только мы разойдемся, я снова напьюсь в ближайшем баре, чтобы заглушить свой стыд и боль в груди, от которой чертовски паршиво. То, меня отошьют, — неизбежно. Но я честна перед тобой и перед собой.

Глубоко вдохнув после возбужденной, быстрой речи, Ив вымученно улыбается мне.

— Ты не обязан отвечать, Эйден, — она выпускает мои руки из своих ладоней. — Просто... спасибо, что выслушал.

Она спрыгивает с капота и, разведя руки в стороны, потягивается. Затем оборачивается ко мне с бодрым видом и беспечностью на лице.

«Ты кошмарно притворяешься», с чувством вины думаю про себя.

— Давай больше не будем пить вместе, хорошо? — Иветт смеется с фальшивой легкостью. — Ну, знаешь, чтобы подобного больше не случилось. Иначе я точно не смогу смотреть тебе в глаза.

Все, на что я способен, это сказать:

— Хорошо.

Я раздавлен разбухшей совестью. Я чувствую на своей шее острие ножа, которым она подперла меня к стене. Я в ловушке и не могу произнести и слова. Мои руки свободны, но кожа запястий горит от трения веревки, стягивающейся вокруг них.

Вскоре мы покидаем небольшое, холмистое поле у границы Дайморт-Бич и возвращаемся в город. Царящее в салоне автомобиля безответное молчание жутко треплет нервы. Я не решаюсь смотреть в сторону Иветт, которая неотрывно глядит в окно. Она так же ни разу не оборачивается ко мне за все время пути.

Я не могу ответить ей взаимностью. И дело не только в Джейн. Человек, которого долгое время считал лучшим другом, не может в одночасье стать тем, в кого можно влюбиться. Иветт потрясающая девушка, но я слеп к ее женской привлекательности. Даже мысль о том, что между нами возможны романтические отношения, вводит меня в ступор.

Ночь, проведенная с ней, была моим самым опрометчивым поступком в жизни, и если бы я мог, то отмотал бы время назад, чтобы все исправить.

Впредь я должен вести себя максимально осторожно с Иветт. Возможно, нам стоит реже видаться, чтобы осадок недоразумения постепенно осел и в конечном итоге исчез вовсе? Должен ли я

подыгрывать, делая вид, что все в порядке?

Я запутался.

— Останови машину.

За последний час я впервые обращаю взгляд на Иветт, когда слышу ее бесцветный, вздрагивающий голос.

— Что случилось? Почему? — я недоумеваю, но все же торможу на обочине у продовольственного магазина и жду пояснений о внезапной просьбе.

— Мой брат... — заикается она.

Каждый мускул в моем теле остро напрягается, когда я вырисовываю в своем сознании образ Себастьяна.

Лицо Иветт в одно мгновение становится белым, словно полотно. Широко распахнутые, отрешенные глаза упираются в пустоту.

— Он мертв.

ДЖЕЙН

В гостиной, за большим обеденным столом, мы все втроем чувствуем себя напряженно. Я, Росс и его отец, с которым он познакомил меня полчаса назад, ужинаем пастой, которую Росс решил заказать в местном ресторане. Я заснула в его объятиях, вместо того, чтобы поговорить и рассказать всю правду, а потом, когда открыла глаза, оказалось, что уже стукнуло семь вечера, и отец братьев Картеров вернулся домой. Я даже не знала, что он живет с ними... Я ничего не знала об их родителях. Да и сегодня на этот счет не очень плодотворный вечер: мы не смеемся, не шутим, не болтаем друг с другом без умолка, лишь робко переглядываемся и подносим ко рту вилки с едой. Надо признать, паста с овощным соусом отменная на вкус. Это единственное, что помогает отвлечься от скованности и накала.

Мистер Картер немного удивился, заметив, как я выхожу из комнаты его старшего сына, но предложил поужинать и познакомиться ближе. У нас не очень хорошо это выходит...

Вдруг Росс разваливается на своем стуле, кладет по-хозяйски одну руку на спинку мебели, где расположилась я, и прикладывает к своим губам большой бокал с красным вином, отпивая оттуда маленькими глотками. Вторя ему, я тоже решаю пригубить вино. А затем так же поступает отец Росса, чем вызывает у меня искреннюю улыбку.

— Сначала эта идея показалась мне отличной, — посмеявшись над собой, бубнит под нос мистер Картер.

Моя улыбка становится шире и он, увидев это, отвечает мне тем же. Седовласый мужчина, достаточно высокий, со слегка плотным телосложением и лазурными глазами, как у Росса. На них я обратила внимание в первую очередь. Сразу стало ясно, что это отец братьев Картеров. Даже сомнений не было.

— Как насчет десерта? — с энтузиазмом предлагает Росс, выпрямляясь и вытирая руки о тряпичную белую салфетку с геометрическими узорами.

Его папа кивает и продолжает выпивать алкоголь, я благодарно улыбаюсь. Прежде чем подняться, Росс наклоняется и мягко целует меня в губы. Вызвав у меня немалое смущение, довольный, он отправляется к кухонному гарнитуру и принимается доставать из духовочного шкафа пирог, который был некоторое назад полуфабрикатом, и его нужно только разогреть.

Чем, собственно, Росс и занялся. Когда Картер подносит его к столу вместе со специальным ножом, то слюни текут уже не на шутку. Вкусный запах и так носится по комнате, но вид десерта еще лучше: круглой формы, из-под верхнего слоя выглядывают вишенки.

Росс кладет тарелку в центр и, разрезав пирог, каждому отдает по немаленькому кусочку. Положив и себе один, он садится за стол. А поймав мой озорной взгляд, не удерживается от ироничного комментария:

— Такая худенькая, но все съешь, — смеется парень, — а потом еще попросишь добавки.

Я щипаю его за бок, отчего Росс дергается. У мистера Картера проявляются еще более глубокие морщинки, когда он улыбается от души, забавляясь нашими с его сыном разговорами.

— Что ж, я не очень люблю магазинную еду, однако этот пирог

довольно неплох.

Ему не удастся договорить, потому что, как оказалось, не запертая дверь чуть ли не хлопается об стену, когда в дом залетают Эйден вместе с Иветт. Я даже не услышала, как их машина подъехала ко двору. Мистер Картер подрывается с места. От того, как у обоих округлены от страха глаза, мне становится нехорошо.

— Я должна найти Себастьяна, — негромко проговорив эти слова, Иветт несется по коридору и скрывается в предпоследней с конца комнате, которая, по всей видимости, принадлежит ей, оставляя нас в недоумении.

— Что произошло? Что с ней? — мистер Картер обеспокоенно смотрит девушке вслед, обращаясь к младшему сыну.

Эйден проводит рукой по волосам и с тревогой мотает головой.

— Иветт сказала, что Себастьян мертв. Понятия не имею, с чего она взяла это. Мы ехали в машине, как вдруг она попросила остановиться. Она... так сильно и внезапно изменилась в лице.

Я чувствую, как рука Росса обвивается вокруг моей талии, будто он пытается защитить меня таким образом.

Эйден о чем-то усердно думает, размеряет зал быстрыми шагами, и когда останавливается посередине, то, наконец, замечает меня. Лишь на секунду в его взгляде, устремленном на меня, мелькает удивление, боль и поражение. Он вздыхает, сжимая переносицу двумя пальцами, и отворачивается к своему отцу.

Сейчас абсолютно не подходящее для подобных мыслей время, но... Эйден снова был в компании Иветт? В смысле, они, как я поняла, хорошие друзья... которые переспали друг с другом и после этого вместе проводят время.

Я до боли сжимаю кулаки, чтобы отогнать прочь глупую ревность, и плотнее прижимаюсь к Россу, желая затеряться в непередаваемо приятном запахе его тела, заглушить в его объятиях, дарующих чувство безопасности, недовольство тем фактом, что Эйдену, кажется, уютно с Иветт. Она красивая и невероятно эффектная девушка.

— Если это так, — раздается голос Росса, — и Себастьян действительно мертв, разве это не хорошо? Он чертов псих и заслуживает смерти.

Я содрогаюсь от воспоминаний о том вечере в номере мотеля, когда видела Себастьяна в первый и последний раз. Я вздрагиваю, потому что Росс произнес это с холодом и пренебрежением.

— Ты в своем уме? — процеживает Эйден, обращая на брата гневный взгляд. — Он отморозок, но Иветт его сестра. Имей совесть и думай о том, что говоришь. Если он действительно мертв... ты хоть представляешь, каково ей сейчас?

— Я имею право отзываться так о Себастьяне, — Росс выступает вперед, парируя Эйдену. — Меня мало заботят чувства твоей новой подружки.

Я хватаюсь за локоть Росса, удерживая его на месте. Не хочу, чтобы они устроили драку. Мистер Картер тоже чувствует, как резко сгущается воздух, и встает между своими сыновьями.

— Успокойтесь. Оба.

Возможно, Росс и Эйден продолжили бы препираться, но Иветт возвращается в гостиную, вынудив их замолчать своим присутствием. Она проходит на кухню, чтобы налить в стакан воды. Затем я замечаю в ее руке маленький мешочек с какими-то травами. Она высыпает содержимое пакетика в стакан и взбалтывает. Не проронив ни слова, Иветт залпом осушает его и с громким стуком ставит стакан на столешницу, поморщившись и низко опустив голову.

— Ив? — Эйден делает несколько осторожных шагов в ее направлении. — Что ты...

Она выставляет руку, чтобы он не подходил к ней.

— Мне нужно сосредоточиться.

Девушка не шевелится в течение нескольких минут, пока мы наблюдаем за ней и теряемся в догадках, пытаясь понять, что она приняла, и какой от этого должен быть эффект. Я вслушиваюсь в монотонное тиканье настенных часов, тонущее в неблагозвучности вдохов и выдохов всех здесь присутствующих.

Неожиданно Иветт вскидывает голову, раскрывая глаза так широко, насколько это возможно. Я приглушаю ладонью громкое: «Ах!», когда вижу, как они затягиваются белой, густой пеленой. Радужка и зрачки полностью исчезают. Жуткое зрелище, нужно сказать.

Эйден подбегает к ней и встряхивает за плечо, разворачивая девушку к себе лицом. Он зовет ее по имени, но она не отзывается и не похоже, что намеренно игнорирует его. Иветт не слышит и не видит Эйдена, погрузившись в нечто настолько глубоко, что теряет связь с реальностью.

Наконец, она приходит в себя, и ее глаза становятся прежними. У Иветт подкашиваются ноги, будто она разом теряет силы. Эйден успевает поймать ее прежде, чем девушка приложилась бы челюстью о пол. Вцепившись пальцами в его куртку, Ив выглядит потрясенной и чем-то смертельно напуганной.

— Он мертв, он мертв, он мертв... — она повторяет это снова и снова.

Эйден кладет руку на ее волосы и притягивает к своей груди. Иветт прижимается щекой к его рубашке и немигающим взглядом сверлит пространство перед собой.

— Что ты увидела? — натянутым голосом спрашивает мистер Картер, обращаясь к подруге своего сына.

— Тардес открыт, — резко оторвавшись от груди Эйдена, Иветт посылает ему лихорадочный и безумный взгляд. — Он выбрался... Он убил Себастьяна. Мы опоздали. Слишком поздно... Он выбрался. Теперь мы все в опасности. Он придет за каждым из нас. Он уничтожит всех до единого.

Гостиная погружается в небывалое, гробовое оцепенение.

ГЛАВА 18

АННА

Слуги Ешэ представляют собой девушек — взрослых и красивых в строгих, брючных костюмах. У них всех без исключения длинные, распущенные волосы, и ведут себя они спокойно и вежливо. Никакой пошлости, никакой похоти и прочего. Эти красотки больше похожи на мамочек, ухаживающих за Ешэ, как за родным сыном.

Когда бесподобная шатенка с ярко-зелеными глазами провожает нас с Миднайтом в правую часть подземного дома своего малолетнего хозяина, на меня накатывает изумление. Из колонок, встроенных в стены, звучит песня «**Dirty Diana**» группы **Fame on Fire**. Они сделали кавер на этот трек великолепного Майкла Джексона. Надеюсь, будь он жив, то оценил бы. На самом деле, я не ожидала, что здесь слушают такую музыку, потому что пока двери в длинный коридор были закрыты, тяжелых нот металлической музыки слышно не было. Звукоизоляция в этом доме невероятная.

Наконец, мы останавливаемся у дверей из темно-коричневого дерева. Я гадаю, кто будет здесь временно проживать: я, или Миднайт, который не перестает держаться за свою рану, хотя ему уже помогли, промыли ее, и наложили швы.

Девушка распахивает дверь перед нами, прежде приложив магнитную ключ-карту к электронному замку под золотой ручкой... Золотой, мать вашу!

— Прошу, — мягко произносит шатенка, отойдя в сторону, позволяя нам пройти вглубь большой комнаты с выкрашенными в серый цвет стенами, белоснежной мебелью и огромной кроватью, расположенной у рисунка на стене. Изображение моря радует глаз. Определенно.

В комнате пахнет жасмином и черным чаем.

Миднайт медленно идет следом за мной, и вдруг меня озаряет.

— Стоп! — говорю я громко, озадачивая провожающую. — А кто будет спать здесь?

Миднайт цокает языком. Женщина сумасшедшей красоты легко смеется.

— Вы оба, — отвечает она так, будто это само собой разумеющееся.

Девушка прикрывает за собой дверь прежде, чем я успеваю сказать, что это недоразумение, и меня с хитрым красавчиком из дождливого Лондона связывают только его злодейские цели. Но моя немая мольба оказаться услышанной так и остается не озвученной.

Миднайт ехидно посмеивается, оставляя багаж у кровати. Он плюхается на нее, раскинув руки.

— Похоже, нас считают парочкой.

Я фыркаю, разворачиваясь к нему искаженным в брезгливой гримасе лицом.

— Не говори об этом с таким мальчишеством. Это. Совсем. Не. Смешно.

Я подхожу к нему и пытаюсь толкнуть с кровати.

— Я буду спать здесь. А ты можешь занять диван, — равнодушно вскидываю рукой в направлении софы из белой кожи.

— Прости, но на сегодня джентльменство отменяется. Кровать — моя. Я ранен, в конце концов. Прояви ко мне хоть каплю сочувствия.

Я пихаю его в плечо.

— Проваливай отсюда.

Борьба за невероятно мягкую, просторную кровать длится несколько минут, по истечении которых я одерживаю победу, сталкивая Миднайта на пол. Он падает с приглушенным звуком, постанывая от боли бормоча о том, что я самая безжалостная и бессердечная.

Поднимаясь с колен, блондин бросает на меня обиженный взгляд.

— Не вздумай приставать ко мне.

Я подтягиваю к себе ноги, сажусь по-турецки и закатываю глаза.

— Я скорее выколю себе глаза и лишусь конечностей, чем

добровольно хоть пальцем до тебя дотронусь.

Миднайт морщится.

— Фу.

Он располагается на софе, заведя руку за голову, больше не предпринимая попыток донять меня своей дурацкой болтовней, и засыпает спустя час.

Я на носочках покидаю комнату, чтобы не разбудить Миднайта, и оглядываюсь по сторонам, оказываясь в длинном коридоре. Никого. Я следую по тому же маршруту, по которому мы пришли сюда, и безошибочно выхожу к огромному залу с колоннами-аквариумами. Здесь так же не оказывается ни одной души, но музыка по-прежнему заполняет пространство. Интересно, насколько большое это «убежище»? Неужели, все принадлежит тому мальчику? У него есть родители? Они наверняка должны быть и заправлять всем этим.

— Ты искала меня.

Я подпрыгиваю с черной статуэткой в руке, которую взяла, чтобы разглядеть поближе, когда раздается знакомый, ломающийся голос подростка. Боковым зрением цепляюсь за внезапно появившуюся, невысокую фигуру и едва не роняю вещь.

— О, эмм... — я ставлю статуэтку обратно на длинную полку. — Привет.

Как мне общаться с ним? Я совсем не умею ладить с детьми.

Что-то заставляет Ешэ снисходительно улыбнуться.

— Логично, что ты считаешь меня ребенком.

Вау. Он только что прочел мои мысли?!

Я открываю рот, но не в силах произнести ничего вразумительного в ответ и поэтому, краснея, просто опускаю глаза к полу.

— Это, — мальчик поднимает руки, немного разведя их в стороны для демонстрации, — всего лишь тело. Очередное воплощение. Мой дух бессмертен, но человеческая плоть тленна и эфемерна. Душа способна реинкарнировать.

Ешэ пронзительно смотрит на меня, и я вижу в его взгляде невероятную, непостижимую мудрость, которую можно приобрести лишь со временем. Знания пережитого и детская невинность производят ошеломляющий эффект резкого контраста.

— Пройдемся? — предлагает Ешэ.

Я согласно киваю и следую за ним.

Прогулочным шагом мы следуем к большому бассейну, наполненному прозрачной водой.

Слабый свет настенных ламп отражается в ней, и мне безумно хочется нырнуть туда. Я так давно не расслаблялась. Мои мечтательные мысли прерывает Ешэ.

— Я чувствую, что ты обладаешь силой гораздо большей, чем думаешь, — задумчиво произносит он, сцепив руки за спиной.

Я вглядываюсь в его милый профиль, в абсолютно молодую кожу, лишенную морщин и недостатков подобного рода. Его слегка раскосые глаза приятны на вид, а губ при рождении коснулась завораживающая пухлость. Он выглядит, как чудесный, смиренный сын, о котором мечтают любые родители.

— Я думаю, что это — полный отстой, — я невесело усмехаюсь.

Ешэ только кивает и, выдавив понимающую улыбку, смотрит на меня.

— Дар восполняется болью — собственной и окружающих людей. Мы наделены уникальной, непостижимой возможностью использовать силу, данную нам, во благо. Многие даже не осознают, что их душа сияет ярче, чем у других. Они глушат этот свет, теряя очень многое.

Мы останавливаемся у самого края бассейна. Мальчик спешит сесть, он не опускает ноги в воду, но проводит пальцами по зеркальной глади.

— Однако мой дар рожден не светом. Я был проклят богами и благословлен тьмой. Но тьма, не разделяющая добра и зла, объединяющая начало и конец, стала путеводной звездой, приведшей меня к чему-то, что блаженнее и могущественнее света. Задолго до нашей встречи я знал, что мы встретимся. Я чувствовал тебя, потому что мы похожи, — Ешэ поднимает голову, чтобы взглянуть на

меня. — В твоей душе пылает мрак.

Его голос мягок, а слова исходят с терпением и выдержкой, но от всего, что говорит Ешэ, я содрогаюсь. Меня бросает то в холод, то в жар от его уверенности в сказанном.

— Я не имею понятия, что скрывается за этой меткой, — продолжает подросток, — но я могу предполагать, что это проклятье куда хуже того, что несет собой клеймо.

Я машинально кошусь на свою руку. Ешэ же смотрит прямо мне в глаза, не мигая.

— Думаю, твое проклятие такое же могущественное, как и тот хаос, что живет внутри Тардеса.

Я нервно облизываю пересохшие губы, в сотый раз за несколько дней возвращаясь к тому, почему моя мать ничего не рассказывала о чертовом Тардесе.

— Тебе что-нибудь известно о том месте? — нетерпеливо спрашиваю я, присаживаясь рядом.

— Двери этой тюрьмы никогда не должны открыться, — непоколебимо изрекает мальчик. — Тот, кто привел тебя сюда, готов на все, чтобы добиться своей цели. Намерения Миднайта ужасны, но я не чувствую в нем зла. То, что скрыто в Тардесе, очень важно для него. Оно необходимо ему. Лишь получив это, Миднайт обретет покой.

Я качаю головой.

— Меня мало заботят его проблемы. Но мне не нравится, что во всем этом замешана я, — поджав губы, я замолкаю, потому что не уверена, стоит ли продолжать. Но, выдохнув и ощутив исходящую от мальчика готовность слушать все, что бы ни пожелала сказать, я продолжаю. — Миднайт надеется, будто с моей помощью сможет найти Скрижаль и открыть Тардес. Моя семья скрывала главную тайну нашего рода, и теперь все скелеты из шкафа Гарнер вывалились на меня разом. Я просто... в смятении. И я чувствую себя чертовски глупо, говоря о своих проблемах ребенку.

Нервно усмехнувшись, я отворачиваюсь от Ешэ. Было бы неплохо утопиться в бассейне прямо сейчас.

— Лишь нам решать, каким путем идти дальше, — мальчик

флегматичен к тому, что я не отношусь к нему со всей серьезностью. — Ты можешь выбрать неверно, но помни: на тебя возляжет ответственность за сделанный выбор.

— Что ты имеешь в виду? — я чувствую себя слегка оскорблено.

— Мне нужно подготовиться к ритуалу, Анна, если ты еще не передумала убирать метку?

— Эй, не игнорируй меня, — я прихожу в возмущение.

— Все ответы находятся в будущем, — невозмутимо информирует Ешэ. — Оно недостижимо для меня. Я всего лишь человек.

Я буравлю его сощуренным взглядом.

— Так ты по-прежнему желаешь избавиться от метки? — мальчик возвращается к своему вопросу.

Да, да, конечно же, да.

Я киваю головой в полной решительности.

— Я люблю свою дерьмовую жизнь, знаешь ли, — пытаюсь разбавить наш глубоко серьезный разговор толикой самоиронии.

А потом прикрываю рот рукой, осознав, что сказала нехорошее слово.

— Извини, — засмеявшись, говорю я.

Ешэ отмахивается, но я замечаю, что его улыбка становится более широкой и искренней.

— Все в порядке.

Когда мальчик поднимается на ноги, мне приходится завести голову назад, чтобы не прерывать с ним зрительный контакт. Уважительно поклонившись мне, Ешэ изрекает:

— Я по-настоящему горд твоей храбростью, Анна.

Его руки сложены, как для молитвы, и это очаровывает взор.

После этого Ешэ выпрямляется и торопится покинуть меня, оставляя наедине со своими раздумьями.

В душе селится легкий осадок грусти и беспокойства.

Страшно ли мне? Да, черт возьми. Дико, и иногда это чувство

сложно удержать в узде. Но я изо всех сил пытаюсь не терять себя. Не попробовав исправить паршивое положение дел, я продолжу вязнуть в гиблом болоте, у которого нет дна. Воздуха уже едва хватает. Я почти ощущаю на кончике языка вкус трясины.

Я позволяю себе еще немного побродить по большим, широким помещениям, обставленным, как музейные залы. Возвратившись в комнату после самостоятельной экскурсии, я наблюдаю Миднайта в компании наполовину опустошенного графина с... кажется, это вино, но я не уверена. Я так же отмечаю другую одежду на нем — брюки на пару тонов светлее, что были до этого, и пуловер цвета слоновой кости с подвернутыми рукавами, открывающими вид на выступающие вены на сильных руках.

Кажется, ему снова стало лучше, раз он добрался до выпивки.

— Присоединяйся, — великодушно приглашает Миднайт, указывая на кресло напротив своего у невысокого, деревянного столика с искусной резьбой.

Я кладу руку на лоб, мотая головой.

— Ты можешь менять свое настроение не с такой головокружительной скоростью? Я скоро свихнусь с тобой.

Он одаривает меня ослепительной улыбкой.

— Я привык, что женщины сходят по мне с ума.

— Как самонадеянно...

— Прими мое предложение, пока я не передумал.

— Так передумай скорее.

— Ауч. Твоя грубость дико заводит.

Я продолжаю стоять на месте, сделав вид, что не слышала его последних слов, и скрещиваю руки на груди.

— Мы не друзья, чтобы пить вместе.

— Ты права, — смеясь, Миднайт отпивает из бокала светло-коричневую жидкость и поднимается с кресла. — Но кто мы друг другу?

Я не замечаю, с какой быстротой он оказывается всего в полушаге от меня. Точнее я загипнотизирована его плавной,

грациозной походкой. От неожиданности поперхнувшись воздухом, я отступаю назад до тех пор, пока не упираюсь спиной в стену. Спрятав руки в карманах брюк, Миднайт сокращает образовавшееся между нами расстояние и, слегка наклонив голову вперед, вкрадчиво и с задором смотрит на меня. Но больше всего меня изумляет то, какие чувства пробуждаются внутри оттого, что наши лица разделяют ничтожнейшие сантиметры. Слишком мало для того, чтобы свободно дышать полной грудью, но много для поцелуя...

Я только что подумала о поцелуе? О нет, нет, нет. Не может быть.

Каждый раз, когда Миднайт находится ко мне ближе, чем на три фута, мою голову посещают эти ужасающие мысли о поцелуе с ним!

— Анна, — он смакует мое имя, проведя языком по своей нижней губе.

Я хочу быть агрессивной и ответить так, как отвечаю всегда на его провокации.

— Дистанция, — произношу я, вжимаясь затылком в стену. — Держи... дистанцию.

— Какие-то проблемы? — густые, красиво выгнутые брови Миднайта чуть-чуть приподнимаются в издевательской манере.

О да, очень сексуальные, вишневые проблемы в виде его полураскрытых губ.

Он достает правую руку из кармана и прикладывает ладонь к стене у моего лица. Обретя опору, Миднайт подается вперед и теперь так близко, что я чувствую его горячее, мятное дыхание на своей шее.

Чтоб мне провалиться. Сейчас же.

— Как только я получу от тебя то, что хочу, мы навсегда распрощаемся, — приглушенно говорит блондин, невесомо касаясь губами моей скулы. — С нетерпением жду этого. Ты доставляешь слишком много хлопот. Это ты заставляешь мою голову идти кругом.

Я едва понимаю, о чем идет речь, способность ясно мыслить постепенно растворяется в отравляющем дурмане. Я прикусываю губу, чтобы сдержать стон, который рвется наружу. Я впиваюсь ногтями в деревянную отделку стены, желая стать с ней единым целым.

Сжигающее пламя разливается по телу, бесконечные взрывы неутолимого желания причиняют сладкую, мучительную боль внизу живота. Я чувствую себя так, словно заживо варюсь в котле, наполненным лавой, но не могу сгореть.

— Анна, — медленно протягивает Миднайт, немного отстранившись.

Его поразительно-голубые глаза поглощают окружающее пространство, вытесняя из моей отуманенной головы убеждения о том, что мне жизненно необходимо держаться как можно дальше от этого парня. Но сейчас кажется, что даже если он переместится на другой конец света, этого будет недостаточно.

Просто убейте меня.

Мое сердце трепещет, но я не позволяю себе думать, что это влюбленность.

Это просто не может быть влюбленностью.

Я ненавижу Миднайта.

Я могу с легкостью оттолкнуть его от себя, потому что моя магия снова со мной. В конце концов, я неплохо дерусь.

Но я не хочу. Мое тело и гормоны берут контроль над разумом, отправляя его в нокаут.

Здравый рассудок с оглушительным треском проигрывает недолгую войну против желания, которое становится безотлагательной потребностью впиться в губы Миднайта.

И я больше не сдерживаю себя.

ДЖЕЙН

Накаленную атмосферу в гостиной дома Картеров можно резать ножом, черт возьми. Угнетающая обстановка и гложащее чувство недосказанности подливают масло в огонь.

Безликое, бесформенное, но вездесущее зло, заключенное в Тардесе, обрело свободу... выбравшись вместе со мной. Мою тлеющую, блуждающую душу и живое, но пустое тело связывала

нить, которая имела все шансы стать билетом в мой мир — мир людей, потрясающего фаст-фуда; мир, в котором существует Эйден Картер. Но я бы не смогла покинуть Тардес самостоятельно хотя бы потому, что не знала, как это сделать. Как бы ни пыталась, как бы ни желала, все венчалось провалом и отчаянием.

И тогда появилось оно. То существо, убившее брата Иветт, предложило мне выбраться, если я помогу ему и сыграю роль транспорта.

Я согласилась.

Не думая о том, какой вред причиню миру и тем, кем дорожу. Мне было невероятно страшно находиться там и поэтому, когда появилась возможность вернуться, я очень крепко схватилась за свой шанс. Я думала только о себе и сейчас сожалею об этом. Какой был смысл жертвовать всем ради жизни, которой может не стать, ради любви, которой нет?

У него есть имя.

Исрафил. Вестник Страшного Суда. Не человек, не демон. Первородное зло, страшное бедствие, которое уничтожит все на своем пути. Кара Небес? Проклятие, запрограммированное положить конец всему? Хотя имеет ли это значение? Вселенная предъявила счет и требует немедленной расплаты в виде абсолютной гекатомбы.

Я чувствую безграничную вину перед подругой Эйдена. Если бы я не согласилась на сделку с дьяволом, ее брат был бы жив. Ни Эйдену, ни Россу, ни их отцу и Иветт не угрожала бы опасность.

Никому из нас.

Мне неловко смотреть в сторону девушки, но одновременно с этим я чувствую склизкий холодок ревности, скользящий вдоль позвонков. Мне неприятно видеть отражающееся на лице Эйдена беспокойство, когда он смотрит на Иветт. Словно все, чего он хочет, это защитить ее от боли.

Она находится в оцепенении и не подает признаков жизни последние тридцать с чем-то минут. Иветт снова приняла размельченные травы голубоватых и фиолетовых оттенков, разбавленные водой, и уже очень долгое время наблюдает посещающие ее видения об убийствах демонов. Полчаса назад она с лихорадочной поспешностью называла имена, вдаваясь в

подробности смертей, и ее тело содрогалось в истерике. Иветт упорно пытается зацепиться за что-то, что приведет ее к Исрафилу. Но все, что она видит, только чернильную тьму.

— Не понимаю, — говорит Эйден, сложив руки на груди, — это означает, что в опасности демоны? Только демоны? — уточняет он.

Но мистер Картер, коснувшись пальцами подбородка, с задумчивым видом отвечает.

— Возможно, Исрафил начал с нашего вида, а в заключение устроит хаос среди людей. Мне немного известно о Вестнике, но я безоговорочно убежден в одном. Мы все — демоны, ангелы смерти и люди — в огромной опасности. И если не начнем предпринимать каких-либо действий, то проиграем.

Мужчина судорожно выдыхает и на несколько секунд смыкает веки, пытаясь успокоиться.

— Мы были недостаточно бдительны. Похоже, Миднайту удалось добраться до Скрижали и с ее помощью открыть Тардес. Это — беспрецедентный просчет, — он сдавливая пальцами переносицу и рассержено хмурится. — Как я мог быть таким беспечным... Я должен был лично найти Анну Гарнер.

Но дело не в ней.

Это я. Я стала катализатором грядущей беды. Я опустила рычаг и стерла грань между безопасностью и страшной угрозой.

Но как мне сказать об этом? Глядя в глаза Россу и Эйдену, их отцу? Как мне произнести вслух то, что навсегда изменило меня?

Меня грызет совесть, но то, как Росс обнимает меня, то, как он сгреб меня в охапку, услышав неутешительную новость, слишком много значит.

Он, словно почувствовав мое состояние, усиливает хватку на плече, притягивая к себе ближе, теснее. Но в это же мгновение взгляд его брата пересекает гостиную, чтобы встретиться со мной. С моими глазами. Пока мистер Картер думает о том, как исправить навалившееся горе, Эйден изучает меня, исследует.

Я тяжело сглатываю, осознавая внутреннюю потребность признаться в том, что моя память при мне, и душа снова в теле. Но я отгораживаюсь от Эйдена, отведя глаза, заставив себя временно

забыться, сосредоточиться на том, что сейчас наиболее важно.

— Ладно, — тоном, выносящим вердикт, начинает самый старший в доме, — мы должны решить, что делать дальше.

Иветт впервые за долгое время медленно моргает, придя в себя, и устало проводит ладонью по лицу, а Эйден вскидывает руку, чтобы по-дружески потрепать ее по плечу. Насколько мне известно, она никогда не любила своего брата, да я и представить не могу, как такой человек вроде Себастьяна может быть кому-то дорог?

Демон... не человек.

Мистер Картер становится в позу.

— Для начала нам нужно защитить дом, — говорит он, и Иветт, стараясь не поддаваться эмоциям, кивает головой.

— Да, — отвечает она, — все верно, я смогу помочь с этим.

— И я должен предупредить своих друзей, — тише добавляет мужчина, но обращаясь уже к самому себе.

Девушка убирает волосы с лица, прячет лишние пряди за уши и шмыгает носом, вытирая под ним, стараясь казаться сконцентрированной и основательно настроенной на борьбу. Словно Иветт даже не допускает мысли, что может что-то не получиться.

— Мы будем сражаться вместе, — опустив ресницы, добавляет демоница.

Я почему-то инстинктивно напрягаюсь.

— Но людям здесь не место. Если вы дорожите ею, — Иветт кивает подбородком в мою сторону, лишив своего голоса снисходительности, — то понимаете, что она должна быть как можно дальше отсюда. Подальше от вас.

Ладонь Росса сжимается на моем предплечье. Я теснее льну к нему, даже не обдумывая такого варианта, как покинуть его, или Эйдена. Ни в коем случае.

— Я никуда не уйду, — твердо произношу я, не собираясь сдаваться и идти на поводу уговоров, которые, я уверена, сейчас последуют.

Эйден тяжело вздыхает, взмахнув рукой. Мистер Картер отодвигает стул и присаживается, Иветт повторяет за ним, присев

рядом, напротив меня и Росса. А его брат так и остается стоять, сверля меня пытливым взглядом. Голубые глаза, которые я любила и продолжаю любить, полны боли и непонимания.

— Джейн, так будет лучше... — пытается начать Эйден, но я бросаюсь в словесный бой.

Невольно подаюсь вперед, заставляя Росса тоже наклониться вперед. Однако я не успеваю сказать что-либо, потому что он перебивает меня. Я думала, что парень будет на моей стороне, но и ему вздумалось перечить мне.

— Джейн, Эйден прав, — отрезает Росс, его голос суров, слышится сухая категоричность, которая моментально затыкает мне рот.

Парень убирает руку с моего плеча, понимая, что такая его позиция меня совершенно не устраивает. А Росс, по всей вероятности, недоволен тем, как я смотрю на сложившуюся ситуацию: я хочу остаться, и я останусь.

Я не смогу жить вдалеке от них, гадая, выживут ли Росс и Эйден, или мне придется оплакивать смерть одного из них, либо же сразу обоих.

— Послушайте, — отодвигая стул и вставая на ноги, прошу я, — бросить вас и уйти, спасая свою жизнь — не в моих правилах.

Я прикусываю язык, потому что собиралась сказать только то, что помню себя эгоистичной и избалованной стервой, которой не было плевать лишь на саму себя. Слава всем святым, что это не вырывается из моего рта, и я вовремя затыкаюсь.

Эйден в очередной раз сжимает кулаки и машет одним из них в воздухе, пытаясь объяснить мне свою точку зрения, но я непреклонна.

Я не представляю себе такого итога: как насчет того, что они, и правда, не смогут спастись? Как мне чувствовать себя в таком случае? Наверное, я так сильно люблю, что готова отдать свою жизнь, пожертвовать своей безопасностью.

Но ради кого я жертвую больше — ради Эйдена, или Росса?

Этот вопрос дико пугает меня.

— Все решено, — констатирую, вновь присаживаясь и

перекинув ногу на ногу. — Вы можете быть согласны со мной, или нет, но вы обязаны считаться с моим мнением.

ГЛАВА 19

АННА

Аквамариновые глаза Миднайта затуманены похотью, и я убеждена, что выгляжу не лучше, чем он.

Мы растрепаны, дико возбуждены и задыхаемся, не в состоянии ровно дышать, но одежда все еще на нас. Мое сердце совершает невероятные акробатические кульбиты, и мир вращается с космической скоростью. Я на грани погружения в полнейшее безумие.

Боже. Мы действительно целуемся, как ненормальные, готовые разорвать друг друга на части в неожиданном порыве чудовищной страсти.

Миднайт с жадностью впивается в мои губы. Возможно, нет, определенно, потом я пожалею о том, что происходит сейчас, и во что это перетечет, но... Я хочу выйти за пределы четко очерченных границ, внутри которых продолжаю оставаться рассудительной Анной, и прочувствовать каждой клеточкой естества всю восторженную сладость и одновременно мучительную терпкость, безрассудность момента, когда срывает крышу.

Бунтарство течет в моей крови. Я всегда и всем бросала вызов, но была предана своим принципам.

Этот парень, перевернувший все вверх дном в моей жизни, имеющий талант умопомрачительно целоваться, заставил меня восстать против собственных убеждений и рискнуть, окунуться во что-то запретное, неправильное.

Я перекрываю кислород отчаянным попыткам оправдать свои сумасшедшие действия и запрыгиваю на Миднайта. Плотно обхватываю его торс бедрами и обвиваю шею руками. Он усмехается мне в губы, подхватывая за ягодицы и чувственно сжимая их. Красивое, крепкое, мужское тело вдавливают меня в стену, но этого мало. Ничтожно мало, хотя между нашими лицами и ртами нет даже прослойки воздуха.

Упругие, горячие губы Миднайта имеют вкус спелой вишни и

тягучего, сладкого вина. Я пьяна волшебный ароматом его парфюма с выраженными нотками цитруса и мускуса.

Совершенно не вовремя задаюсь вопросом о том, как пахну. В последний раз я принимала ванну в Иерусалиме. С тех пор прошло несколько дней. Должно быть, от меня несет, как от бездомной... Черт.

Я прерываю наш фантастический поцелуй, сраженная родившейся неуверенностью.

Миднайт совершенен. Чем больше я понимаю это, принимаю и проникаюсь к этому симпатией, тем сильнее мой страх перед будущим наших взаимоотношений. Я не против, чтобы мы занялись сексом, но что будет с нами после? Я чувствую, как быстротечно ускользает сквозь пальцы осознание того, что мы никогда не сможем прийти к компромиссу, потому что преследует разные цели.

Он вопросительно смотрит на меня, и от этого кровь густеет в венах. Я чувствую смущение, встречаясь с его ясно-лазурными, серьезными глазами, которыми он намерен извратить мою душу и превратить в горстку пепла сердце. Но вместе с пронзительно-проникновенным взглядом приходит ощущение расслабленности, и неловкость стремительно отступает обратно в сумрачную, трепетную мглу.

— Прямо сейчас я буду как никогда откровенен и честен с тобой, — от звука его бархатного, низкого тела мое тело покрывается мурашками. — Ты до безобразия красива и сексуальна.

Проклятье...

С моих губ срывается судорожный стон, когда Миднайт упирается большой и твердой частью своего тела в мою промежность. Невообразимо тесно, неистово горячо.

— Но как только мы покончим с этим, я снова буду лгать и притворяться. Я буду ненавидеть тебя сильнее, чем когда-либо. Ты понимаешь, Анна?

— Взаимно, Миднайт, — я касаюсь пальцами его гладкой, алебастровой кожи на щеке и медленно наклоняюсь, чтобы поцеловать.

Но он опережает и захватывает мою нижнюю губу зубами, отчего я негромко вскрикиваю. Это звук наслаждения игрой, которую

мы безуспешно пытаемся выиграть друг у друга.

Парень не сдерживает себя, поцелуй становится жестче и грубее, когда его руки все плотнее сжимаются вокруг меня, поднимаясь с задницы на талию. Я невольно стону в его рот, а когда он делает так же, я могу услышать, как в его стоне проскальзывает одержимость и пылкость. Сколько бы я не уверяла себя, что он мне противен и омерзителен, с самого начала я знала, что этот мужчина притягивает меня. Я не понимала, почему. А то, что мы не понимаем, считаем диким и чуждым. То, что мы не признаем — от того отрешаемся.

Но у меня, в конечном итоге, не получилось, потому что никто другой на моем месте, почувствовав вкус этих лукавых, зовущих губ, больше не смог бы относиться к происходящему, как к само собой разумеющемуся. Взаимная магия между нами, взаимное тяготение сделало свое дело.

Теперь Миднайт, обнимая меня сильнее, отстраняется от стены и идет в сторону кровати. Он не бросает меня на нее, словно тряпичную куклу, как я могла бы предположить. Напротив, блондин, подойдя к краю постели, подкашивает слегка колени и позволяет мне присесть, не размыкая объятий. Разорвав поцелуй, он берется за мои запястья и заставляет лечь. В мгновение ока мои джинсы оказываются на полу, а затем мой теплый, бесформенный свитшот... Черная футболка и нижнее белье, не гармонирующее между собой... Миднайт избавляет меня от всего.

Через несколько секунд я поднимаюсь на локтях, чтобы видеть, как медленно он расстегивает пояс на своих светлых брюках, дразня меня. Он уже скинул с себя пуловер, но специально тянет с тем, чтобы лишиться и других элементов одежды. Я вижу, как опустив подбородок, парень вскидывает на меня хищный взгляд ярких глаз; красноречивый взгляд, говорящий о многом.

Черт возьми, я знаю, что Миднайт хочет меня, но намеренно растягивает самую важную часть сегодняшней ночи. Я решаю дразнить его в ответ: поднимаю ногу вверх и, приложив стопу к его идеальному, не сильно накаченному торсу, веду ею вниз. Дыхание Миднайта приобретает тяжесть и горькость. Воздух в спальне мгновенно нагревается. Я уже чувствую, что мы оба раскалены до предела, но Миднайт не сдается. Достаточно неспешно парень скидывает с себя брюки и откидывает в сторону, а после отделяется от черных, обтягивающих бедра, боксеров.

Наконец, паршивец считает нужным лечь на кровать. Он двигается в мою сторону подобно хищнику, отчего в меня, Анну Гарнер, единственную живую ведьму своего рода, вселяется нешуточный страх.

Но этот страх подкрепляется возбуждением, чувственностью. Я желаю его, желаю этого ощущения паники, расположившейся в моей душе. Сердце подскакивает к горлу от того, как светятся глаза фамильяра. Подведя страх к пиковой точке, я отодвигаюсь назад, располагаюсь на подушках кровати и жму на выключатель возле нее, погружая комнату во мрак.

Я различаю силуэт парня, уже практически достигшего моих ног. Мне нравится это. Это сводит с ума.

Испуг.

Ужас.

Боязнь.

Боль и наслаждение.

Это все синонимы наступающей долгой ночи.

Низ живота пронизывает предательская, стонущая боль. Жажда ласки оказывается настолько глубокой и сильной, что я сама тянусь к Миднайту, скользя пальцами вдоль по его рукам, от кистей до предплечий, глажу трапецевидные мышцы шеи и прижимаюсь губами к выступающим ключицам. Его большие, теплые ладони касаются моей спины, спускаясь к бедрам. Миднайт с силой царапает мою кожу, добиваясь бурной реакции на свои действия. Я прижимаюсь к его груди своей обнаженной грудью, вижу, как в кромешной тьме сверкают проскакивающие между нами искры и взрываются фейерверками в глазах.

Я подставляю свою шею для нежных, медленных поцелуев и багровых засосов. Наши губы искусаны в кровь, и скорее всего с наступлением утра после пробуждения обнаружатся синяки. Невыносимо контролировать беспорядочное метание мыслей в голове. Контраст томной боли и щекочущего экстаза, дисгармония эпического наслаждения и напряженной войны с самой собой — с той крохотной частью сознания, оставшейся вне воздействия вездесущей привлекательности Миднайта, — растекается волнами сладостной, упоительной неги по телу, завладевая мною целиком.

Я извиваюсь в тесных объятиях Миднайта, предвкушая нечто большее, чем просто тактильные прелюдии, которыми уже насытилась, и внутренне ликую, когда он сажает меня на свои колени, предварительно развернув спиной к его торсу и скрутив мои руки за спиной. Я разочарованно терзаю свою нижнюю губу, потому что Миднайт не входит в меня, а лишь дразнит порхающими поцелуями, отзывающимися судорожной дрожью в конечностях.

Я пытаюсь высвободиться из несильной хватки и опуститься на пульсирующий, горячий член, но каждая моя попытка незамедлительно и неминуемо пресекается чертовым блондином, который наверняка получает несравненное удовольствие от власти надо мной.

— Ты так очаровательна, когда нетерпелива, Анна, — его вкрадчивый шепот раздается над моим ухом.

— Хватит забавляться и трахни меня, черт возьми, — шиплю я со злостью и, дьявол, действительно не могу поверить, что только что сказала это.

Мне о многом предстоит пожалеть в дальнейшем.

Миднайт не отвечает, и я говорю, что ненавижу его. Он обвивает рукой мою шею, аккуратно и воздушно проводит подушечкой большого пальца по скуле, очерчивая ее контуры.

А затем ладонь его второй руки опускает на мою спину, прогибая ее в талии.

И он входит.

Резко и больно.

Но все те взрывающиеся чувства становятся ослепляющим исступлением, о котором хочется кричать на весь мир. Освободившимися руками я сжимаю простыни под нами и издаю протяжный стон.

— Так хорошо? — вибрирующий голос Миднайта едва достигает моего слуха.

Он двигается медленно, и я несдержанно реагирую на каждый пронзающий толчок. Его член полностью погружается в меня, растягивая мышцы влагалища. Миднайт безжалостно лишает времени для того, чтобы я могла привыкнуть к его внушающим

размерам, и спонтанно ускоряется. Размашистые, глубокие движения сменяются бешеным темпом.

Я рада, что он не видит моего лица, а я — его. Я чувствую, как краска заставляет мои щеки пылать. В приступе эйфории я выгляжу крайне нелепо, и будет ужасно, если моя искаженная во вздорной гримасе физиономия станет причиной прерывания такого потрясающего начала секса.

Руки Миднайта по-хозяйски сжимают мою талию и грудь, а губы оставляют на шее, плечах и спине пламенные поцелуи, от которых голова идет кругом. Ноги затекли, и я пытаюсь изменить позу, подобрать более удобную для себя, но Миднайт моментально улавливает мое желание и кладет меня на спину. Мы растягивается в постели, и он снова заполняет меня, яростно вдавливая в кровать, творя немыслимо потрясающее с моим телом.

Это официальное заявление.

Миднайт — просто хренов Бог Секса.

Еще никогда и ни с кем мне не было так хорошо, как с этим голубоглазым мерзавцем.

Он делает несколько последних толчков, подводя нас к грани. И мы падаем. Несемся вниз с необыкновенной скоростью сквозь красочные, открывающиеся нам волшебные пространства. Мы кончаем с разницей буквально в пару секунд и жадно втягиваем в себя воздух, когда все стихает.

Миднайт перекатывается на вторую половину кровати, а я не могу найти слов для того, чтобы прокомментировать это безумие. Да и нужно ли? По-моему, все и так очевидно. Это было круто, и Миднайт нереально хорош.

— Эй, — приведя дыхание в норму, блондин поворачивает голову в мою сторону, но я продолжаю пялиться в потолок. — Не хочешь ко мне? — он приглашает меня похлопыванием ладони по своей груди.

Я собираюсь с силами, чтобы фыркнуть и перевернуться на левый бок с бесшумным стоном для демонстрации своей позиции. Миднайт лениво смеется, и я слышу шуршание простыней. А затем ощущаю на своей талии его ладонь, медленно крадущуюся вниз. Прежде, чем он касается меня там, я пинаю его по ноге и бросаю

притворно раздраженный и небрежный взгляд.

— Ты свободен.

В полнейшем изумлении он взмывает выразительные брови и начинает хохотать в голос, откидываясь на спину.

— Продолжай в том же духе, и ты пленишь мое сердце.

— Разве оно у тебя есть?

Вместо слов Миднайт хватается меня за запястье и тянет на себя. Я дико раздосадована тем, что не способна проявить должное сопротивление, поэтому падаю щекой на плечо парня. Я стараюсь отпрянуть от него прежде, чем его руки заключат меня в плотное кольцо, но опаздываю и оказываюсь в ловушке.

— Прислушайся. Мое сердце сходит с ума, потому что ты рядом.

— Да неужели?

Я пытаюсь убрать свою руку с его тела, но он сжимает ее в своей ладони и удерживает на грудной клетке. Я невольно ощущаю импульсивный, неровный ритм сердца под подушечками пальцев, и постепенно желание противостоять отступает.

Я чувствую на себе пристальный взгляд Миднайта, и это жутко напрягает, поэтому стараюсь не встречаться с ним глазами и прекращаю шевелиться, покорно вслушиваясь в приглушенные, неуловимые звуки биения его сердца.

— Ты просто старый для секса, — язвлю я, чтобы отвлечься и не сдаться ему окончательно. — Сколько тебе лет?

— Сто девяносто три, если быть точным, — спокойно извещает Миднайт.

Боже.

— О, нет, — я морщусь от отвращения. — Я переспала с двухсотлетним человеком...

Грудь блондина трясется от басистого, бархатистого смеха. Он разжимает свои объятия, позволяя мне лечь рядом и поежиться от внезапной свободы.

— Но ты довольно неплох для парня, которому вот-вот стукнет двести.

Миднайт заводит руку за голову и с весельем поглядывает на то, как я сгребаю на себя тонкое, хлопковое одеяло, чтобы накрыться им с головой и спрятать свой пылающий на лице стыд. Я смущена. Просто дьявольски!

— Может йжбзаи мы, наконец, поговорим о том, какие цели ты преследуешь? — начина я, но, честно говоря, не надеюсь услышать честное признание.

— В Тардесе моя семья.

— Что?

Я собираюсь вынырнуть из импровизированного укрытия и увидеть лицо Миднайта, убедиться, что мне не послышалось. Но к моему удивлению он останавливает мои попытки выбраться из-под одеяла.

— Останься там, — его голос делается тихим. Он мгновенно умиряет меня, положив ладонь на мой лоб. — Пожалуйста.

Он расскажет?!

Он сказал слово на букву «П»?!

Я слегка в недоумении, но киваю.

— Ладно. Хорошо.

Я поймана на крючок и закусываю губу, чувствуя, как ускоряется пульс от трепещущего любопытства. Мое лицо озаряет идиотская улыбка, и я рада, что скрыта от глаз Миднайта одеялом.

— Все дело в моей семье, — продолжает он, делая глубокий вдох, и прерывисто выдыхая, так, словно ему невероятно тяжело говорить об этом. — Я потерял их полтора века назад. Эти сто пятьдесят лет я искал способ вернуть их.

«Мне очень жаль», я кусаю свой палец, чтобы не сказать эти слова вслух.

— Твоя семья — это те, кто создал тебя? — я хочу прояснить ситуацию.

Ответ следует не сразу.

— Да. Моей семьей стал могущественный клан ведьм и колдунов Моубрей. Уильям, Дарси, Эмброус, — его голос слегка

дрожит, когда он перечисляет имена, — Джозеф и... Сара.

Миднайт интонационно выделяет имя девушки, и мне становится интересно, почему? Я вспоминаю фотографию в доме Миднайта, когда мы были в Иерусалиме, и пытаюсь копнуть глубже, чтобы воспроизвести в сознании увиденные лица и подобрать к ним озвученные имена.

— Они были потрясающими, — он говорит с трепетом и благодарностью. — И наша жизнь была чудесной до тех пор, пока однажды мой отец, Уильям, не получил письмо от своей старой подруги — Дианы Гарнер.

Миднайт делает паузу, наверняка ощущая мое оцепенение, вызванное удивлением, и дает возможность переварить то, что наши семьи связаны столетиями.

— Диана обратилась с просьбой о поддержке и немедленном визите в Дайморт-Бич, чтобы устранить угрозу, внезапно нависшую над всем миром. Зло, появившееся из ниоткуда, но невероятно могущественное, было необходимо уничтожить прежде, чем оно разрушило бы все на своем пути. Женщина называла ту сущность Исрафилом и сказала, что ее семья не справится в одиночку. Поэтому они незамедлительно отправились в Америку... — затем я слышу клацанье зубов, — оставив меня в Уэльсе, сказав, что я должен присматривать за поместьем. Но это было отговоркой. Их визит в Дайморт-Бич мог быть очень опасным, и они беспокоились за меня. Я получал их незаслуженно огромную, бескорыстную любовь и хотел отплатить тем же. Я бы пожертвовал всем ради них, но они не желали принимать мое самопожертвование, потому что считали меня самым лучшим и невинным из них. Для них я был более человеком, чем они.

Я немного опускаю одеяло с лица, чтобы увидеть Миднайта. Он выглядит удрученным нахлынувшими воспоминаниями. Ему определенно не нравится копаться в прошлом, и я тронута тем, что он делает это для меня, чтобы утешить мое любопытство, чтобы восполнить недостающие пробелы информации и помочь увидеть картину целиком.

— Мы регулярно обменивались письмами с младшей сестрой Сарой, и я был в курсе того, как продвигались их дела. Моя семья создала место, которое назвали Тардесом. Оно должно было стать персональной тюрьмой для Исрафила, свирепствующего и едва не

уничтожившего Ад. Он истребил всех демонов, которые жили в мире живых в то время. Погибло много ведьм и колдунов, пытавшихся остановить Вестника. После того, как он разобрался бы с демонами, то положил бы конец человечеству, погрузив этот мир в бесконечный хаос. Было недостаточно того, чтобы просто упечь его в Тардес. Поэтому Гарнер создали Скрижаль, которая бы навсегда запечатала Исфафила в клетке.

Миднайт закрывает глаза, прислонившись спиной к мягкому изголовью кровати и опустив голову.

— Я больше не получал писем от Сары. Шли дни, и ожидание становилось невыносимее с каждой минутой. Поэтому я не мог и дальше оставаться на месте. Я отправился в Дайморт-Бич, потому что тревога сжимала мое сердце в тисках и не отпускала сознание. Я чувствовал, что что-то пошло не так. Я был связан со своей семьей, но в один момент перестал ощущать их. И когда я прибыл в Америку, добрался до городка и встретился с ведьмой, которая знала Моубрей и Гарнер, то обо всем узнал. Самые худшие опасения подтвердились. Вся моя семья была запечатана в Тардесе вместе с Исфафилом.

— Боже, — шепчу я.

— Что-то пошло не так, когда они пытались загнать Вестника в клетку. Отец, братья и сестра оказались ближе всех к Исфафилу, удерживая его, когда время поджимало, и нужно было как можно скорее запечатывать тюрьму. Поэтому Диана была вынуждена пожертвовать жизнями своих друзей... моей семьи, чтобы спасти всех остальных. Она умерла после того, как мои близкие оказались заперты в ловушке с Исфафилом, истратив все свои магические и жизненные силы. Однако Скрижаль была утеряна. Та ведьма ничего не знала об этом, поэтому я оказался в тупике. Последующие сто пятьдесят лет я путешествовал по миру в поисках реликвии рода Гарнер.

Во рту становится сухо, а сердце пропускает удар, предчувствуя, что сейчас прозвучит что-то, что мне очень не понравится. Меня посещает странное, тягостное ощущение, что это не конец рассказа, и последует столь отвратительное мне «но».

— Ты была права.

О, да. Я была права... Но это впервые не радует меня.

— Мы не случайно оказались в Иерусалиме. Дело было не

только в том, что я пытался разузнать, как снять твою метку, — сообщает Миднайт, окинув меня сожаляющим взглядом. — Я так же не переставал заниматься поисками Скрижали. Мои сведения были не совсем верными касательно тебя. Однако я добрался до правды и сумел выяснить, что спустя какое-то время после того, как Диана умерла, в Иерусалим приехал некто по имени Бенджамин Коллинз — мужчина, не имеющий никакого отношения к магии. Но он и Диана любили друг друга. Бенджамин обосновался в Израиле не один, а со своей семилетней дочерью.

— Дай угадаю. От Дианы Гарнер? — заканчиваю я мысль.

Миднайт кивает, а меня продолжает сковывать холод. Я сажусь рядом с ним, подобрав к себе колени, и со склизким чувством страха жду продолжения.

— Бенджамин имел при себе личные вещи женщины, среди которых был дневник, до сих пор хранящийся ее потомками, живущими в Иерусалиме и не подозревающими о том, что их далекий предок был могущественной ведьмой.

Я запускаю пальцы в волосы, понимания, что где-то далеко живут мои родственники. И я была близка к ним на какое-то неуловимое мгновение. Знала ли об этом моя мама?

— Когда мы прибыли в Израиль, — говорит Миднайт, — я встретился с членом семьи Бенджамина. Я прочел дневник Дианы Гарнер и узнал, где находится Скрижаль.

Ту-дум. Ту-дум. Ту-дум.

Сердце скачет галопом, и тепло покидает кончики моих пальцев, стремительно растворяясь в ледящем холоде, заставив кровь застыть в венах. Я долго и упорно смотрю на Миднайта, тщательно вглядываясь в его лицо, чтобы найти признаки блефа. Но он выглядит непоколебимым и немного расстроенным.

— Это значит, что... — я не могу закончить начатое предложение, потому что в смятении. Потому что не знаю, радоваться ли мне, или бить тревогу. Молчание парня пронзает мою душу ножом, медленно вонзаясь все глубже и глубже.

Возможно, я могу быть свободна, и у меня появится шанс вернуться в Дайморт-Бич... Нет. Я же почти уехала оттуда. Я отправлюсь в какое-нибудь тихое местечко на побережье

Калифорнийского залива и проведу там остаток своей непримечательной жизни.

Это все, о чем я способна мечтать.

— Это ты, Анна, — произносит Миднайт. — Ключ ко всему. Единственный шанс вернуть мою семью. Ты и есть Скрижаль.

ГЛАВА 20

РОСС

Все изменилось.

Мы изменились.

Мы боимся, этого не отнять, но каждый из нас настроен верить в лучшее. Даже я, который в отличие от оптимистичного Эйдена склонен к фатализму. Я переполнен им, но сейчас стараюсь засунуть его куда подальше, пока папа, приказав мне оставаться дома, решает проблемы. Он ушел поговорить со своими друзьями-демонами, но он еще не в курсе, что Эйден его послушался и отправился в колледж. Я даже не стал уговаривать брата остаться. Какой в этом смысл, черт подери? Эйден уже стоял с рюкзаком на плече у парадной двери. Я бы не смог закрыть ее перед ним против его воли, поэтому просто бросил на него вопросительный, вполне недовольный взгляд. Эйден — не дурак, он все понял, но предпочел уйти.

Не знаю, что творится с этим парнем. Так же, как и моя Джейн, брат стал скрытным. Не разговаривает со мной, проводит много времени в своей комнате, отдалился ото всех. И только Иветт время от времени навещает его в спальне. Я начинаю думать, что Джейн и Эйден связаны какой-то тайной, но стараюсь вышвырнуть из своей головы эти глупые мысли. Конечно же, это не так. Джейн не хочет его и больше не любит. Моя Джейн лишилась души, но меня это никак не смущает. Я готов продать свою дьяволу за спасение ее жизни, если понадобится. Я слишком сильно влюблен и без нее уже не представляю себя.

В любом случае, то, что она живет в доме отца, а не со мной, не значит, что она должна отвечать на мои сообщения раз в день, не брать трубку, когда я звоню ей... Ужасно напрягают подобные обстоятельства. Черт... Мне не нужно было настаивать на ее отсутствии здесь. Не нужно было отсылать ее. Теперь чувствую себя виноватым. Может, из-за этого Джейн обиделась? Может, она таким образом наказывает меня? Даже не знаю, что думать по этому поводу.

Иветт развеивает мои размышления стуком, который издает ложка, ударяясь о дно чашки.

— Прекрати так делать, — бормочу я, вставая со стула и направляясь к окну.

Я прячу ладони в карманы своих брюк цвета марсала и устремляю свой взгляд на безлюдную улицу. В обед здесь не оживленно. Впрочем, как всегда.

Не знаю, зачем я надел эти брюки и белую рубашку. Надеялся, что смогу выбраться к Джейн? Но в отличие от Эйдена, я решил не спорить с папой. Если я умру, то мы с Джейн не будем вместе. Никогда, черт возьми. Нужно переодеться. Снять с себя это дерьмо...

Демоница снова достает меня этим проклятым звуком.

— Иветт, — предупреждающим тоном обращаюсь к ней я.

— Что? — отвечает та обманчиво-сладким голосом.

— Трепли нервы кому-нибудь другому.

Девушка оглядывается по сторонам и в итоге возвращает свой взгляд ко мне. Когда ее глаза находят мое лицо, а губы поджимаются в тот момент, когда плечи дергаются вверх, я мечтаю исчезнуть, оказаться как можно дальше от этой чертовки.

— Но здесь только ты. Да брось.

Я закатываю глаза, чувствуя нервное раздражение.

— У Эйдена чертовски огромный запас терпения. Seriously. Как он может выносить твое присутствие столько времени? С тобой так утомительно!

— Меня все устраивает. И Эйдена, похоже, тоже.

Я окидываю ее придирчивым взглядом. На ней рваные, черные джинсы и серая, свободная майка, оголяющая поджарые, худоватые руки. Если бы я не знал, какой эта девушка может быть надоедливой и иногда самой стервозной на планете, то, скорее всего, уже давно поимел бы ее. Конечно, если бы не был знаком с Джейн.

Я вздыхаю и отворачиваюсь.

А стук возобновляется.

Правда, черт возьми?!

— Почему бы тебе не прогуляться где-нибудь за несколько тысяч миль от моего дома? — скидывая руки, обращаюсь к ней на

повышенных тонах.

Иветт выгибает бровь.

— И лишить себя первоклассного наслаждения от вида твоей злой мордашки? Ни за что не пропущу это увлекательное зрелище.

— Десять слов... — говорю я.

— Что?

— Скажешь еще десять слов, и я за себя не ручаюсь.

Иветт усмехается.

— Как страшно.

— Восемь слов.

Руки в карманах принимают форму кулаков. Сегодня день кажется особенно хреновым, или Иветт чрезвычайно раздражительна? Я не могу дать своему странному состоянию четкого объяснения. Но что-то не так. Я ощущаю нарастающее напряжение, которое зудом покрывает мое тело и проникает внутрь вместе с воздухом.

Я стараюсь не смотреть в сторону Ив, потому что чувствую всплеск удушливого, сумасшедшего гнева, исходящего из самых потаенных уголков моей души.

Наверное, все дело в том, что я не могу увидеть Джейн. Прямо сейчас. Не могу держать ее за руку и просто находиться рядом. Чем она занимается? О чем думает? Она скучает по мне так же сильно, как я по ней? На самом деле, тоска и желание встретиться с ней сводят с ума.

Может, пошло оно все к черту? Ничему и никому не запереть Росса Картера в четырех стенах.

— Плевать, — говорю самому себе и, расстегивая верхние пуговицы рубашки, двигаюсь к выходу.

Почему сегодня так жарко?

Воздух такой тяжелый.

— Эй, Росс? — Иветт немного сбита с толку моим внезапным решением уйти.

— Шесть слов, — напоминаю ей и салютую пальцами, не

оборачиваясь.

Если останусь здесь, под одной крышей с Иветт, то непременно свихнусь и совершу что-то ужасное, о чем потом буду сожалеть. Поэтому, во имя сохранности своего рассудка и безопасности подружки Эйдена, я сваливаю.

На улице моросит. Редкие капли дождя неприятно касаются кожи. Они падают на мои руки, не покрытые рукавами рубашки — те закатаны до локтей. Но я не утруждаюсь, чтобы исправить это, или вернуться за пиджаком. Я быстро встаю под козырек гаража, поднимаю его белую дверь, сев на корточки. Возвышаюсь вместе с металлической дверью и, не закрыв ее, когда оказываюсь внутри, подхожу к своему черному джипу. Я сажусь в машину и включаю радио, по одной из ведущих станций звучит песня Linkin Park. Делаю громче, а затем, расслабившись, откидываюсь на сидении назад. Мне не нужен никто сейчас. Просто хочу подумать обо всем, что происходит. Над своими действиями. Прав ли я? Все ли я делал правильно? Вообще. Не только в последнее время. В смысле, это зло из Тардеса вполне возможно уничтожит меня. Мне нужно задуматься о том, какую жизнь я прожил.

Пусть я и не совсем человек.

Даже не успеваю вдоволь насладиться, как начинается другая песня — это композиция Дина Льюиса «**Waves**». Кажется, что грустные ноты трека окутывают меня, а ветер, бушующий снаружи, проникает в гараж, устраивая здесь полный переполох. В моей душе творится что-то подобное: хаос, путаница, беспорядок.

Это все обо мне.

О моем существовании.

В нем, и правда, не было настоящей радости, пока я не увидел Джейн Мортис на городской ярмарке. Я... Блин, я даже не подозревал, что все так перевернется, станет таким сумасшедшим, непостоянным и непонятным мне. Это все не поддается моим объяснениям. Я могу днями и ночами напролет искать ответы на свои вопросы, но в конечном итоге всегда буду наткаться на красивое, милое лицо Джейн, на ее умопомрачительную улыбку и глаза цвета шоколада.

Вновь, как по сценарию нехорошего фильма, я вижу ее. Подружку Эйдена — Иветт. Зачем она снова здесь? Зачем тревожит

меня?

Когда девушка входит в гараж, скрываясь от беспощадного дождя в хмурый, осенний день, я приоткрываю дверь машины и кричу ей, чтобы точно услышала:

— Проваливай, слышишь?

К моему удивлению, Иветт не шевелится. Она останавливается, не сводя с меня пристального, леденящего взгляда, но спустя пару секунд продолжает движение в сторону длинного, железного стола, на котором лежат инструменты. Дождь сделал ее черные, кудрявые волосы прямыми, с них ручьями стекает вода — по лицу и одежде, капая на бетонный пол.

Что она собирается делать?

— Ты разучилась понимать то, что тебе говорят? — серьезно, я взбешен.

Иветт вздрагивает, когда я с громким звуком захопываю за собой дверцу машины с водительской стороны. Она медленно оборачивается ко мне, и я замечаю в ее руке торцевой ключ. Ив сжимает инструмент с такой силой, что белеет ее кожа, и голубоватые жилки становятся бугристыми.

Я коротко усмехаюсь, но инстинкт заставляет меня сделать неуверенный шаг назад.

— Хочешь убить меня этой штукой? — шучу я, но мне совсем не весело, потому что Иветт пропускает мою язвительность мимо ушей и не отвечает сарказмом, как всегда это делает.

Девушка делает шаг вперед, не отрывая подошвы ботинка от пола, словно совершает движение против своей воли. Я поднимаю глаза с ее ног к глазам, вперившимся в меня устрашающим, жутким взглядом исподлобья.

— Иветт, — медленно произношу ее имя. — Твое дерьмовое чувство юмора переходит все границы. Положи обратно ключ и... просто остынь, ладно?

Она не никак не реагирует на то, что я говорю.

— Росс... я... не... я...

Я напрягаю слух, чтобы расслышать ее судорожный лепет.

— Я не могу сопротивляться, — она говорит это на тяжелом выдохе и со всхлипом.

А затем бросается на меня. С поднятой вверх рукой, в которой держит инструмент.

Какого дьявола?!

Лишь настоящее чудо помогает мне увернуться за мгновение до того, как Иветт замахивается и наносит удар торцевым ключом по тому месту, где только что находилась моя голова. Она разбивает окно задних сидений джипа, и гараж заполняет оглушительный дребезг стекла. Несколько маленьких осколков ранят в лоб, над левой бровью, а тот кусок, что покрупнее, впивается в кожу на моей руке.

— Ты рехнулась?! — кричу я.

Но она молчит, а когда я выпрямляюсь, намеренный обороняться от ее внезапной агрессии, то вновь пытается ударить меня. Девушка грозно осматривает меня, вскидывает руку с вещью, только что ставшей страшным оружием, и бросается в мою сторону.

Опять.

Я пугаюсь, как ненормальный. Уклоняюсь, отскакиваю в другой край холодной, серой комнаты, туда, где должна стоять вторая машина — автомобиль моего брата. Иветт следует за мной, ее взгляд нездоровый. Я начинаю догадываться, что что-то не так. Да еще и ее слова. Это все чертовски странно!

Я не стану бить ее. Не стану же?

Не смогу.

Именно поэтому я отбегаю, снова и снова, пока обезумевшая подружка Эйдена пытается меня убить.

Как это назвать по-другому? В ее руке тяжелый, железный предмет, способный проломить голову. Она явно не в своем уме!

— Иветт, — начинаю я диалог, который хоть куда-то, надеюсь, сможет привести, — погоди... давай поговорим... — на выдохе произношу. — Что такое? Расскажи, что случилось!

Девушка звереет. Буквально летит в тот угол, куда я устремляюсь, и мне приходится отскочить обратно. Сейчас она у выхода, и у нее есть возможность нажать на кнопку на стене, которая

отвечает за дверь гаража. Собственно, Ив пользуется этой возможностью, блокируя мне выход.

Проклятье.

Проклятье!

Что мне делать теперь?!

— ДА ЧТО С ТОБОЙ, ЧЕРТ ПОБЕРИ? — выхожу из себя, полностью поддавшись эмоциям.

Кровь кипит под моей кожей. Я бушую и волнуюсь, но не просто так же. А в это время Иветт в очередной раз бежит на меня, сломав боковое зеркало заднего вида, но теперь я невольно отвечаю, поваливая ее на пол. Когда на мгновение, оказавшись уязвимой, девушка всхлипывает от боли, я подтверждаю свою догадку о том, что Иветт — не Иветт. Я не смогу этого объяснить, просто чувствую.

Я успеваю выбить инструмент из ее руки, а затем она валит меня рядом с собой, зарядив коленом в пах. После чего девушка бьет кулаками по моему лицу, плечам и горлу, не концентрируя свои удары, нанося их беспорядочно. Ив яростно рычит, царапается и пытается задушить меня, и все это настолько дико, что я мечтаю, чтобы это оказалось сном. Я отдаленно слышу чьей-то смех, но спустя несколько бесконечных мгновений понимаю, что этот звук исходит из моей груди.

Я чувствую солоноватый вкус крови на губах. Она теплая и вязкая. С густой, темно-красной жидкостью из меня вытекают силы и нерушимая уверенность, что я не схожу с ума.

Это реально?

В какой-то момент явственное ощущение поражения вдруг становится иллюзией. В этот самый миг время замедляется, замирая на грани безмолвия и абсолютного оцепенения. Я делаю вдох. Я слышу слабый, хриплый свист, с которым накаленный воздух сочится в меня бурным потоком. Я наблюдаю, как кулак Иветт готовится встретиться с моей переносицей. Перевожу взгляд от яростной силы, вложенной в сжатую, маленькую ладонь, к горящим лютой, неисчерпаемой ненавистью глазам.

И что-то щелкает в моей голове.

Словно кто-то дергает выключатель, и действительность

стремительно меркнет.

Веки обрушиваются на глаза, погружая мир в вездесущий, непроглядный мрак, но, открыв их, я вижу, как все залито бардовым. Цветом мучений. Цветом хаоса и будоражащей сознание жестокости.

Меня наполняет бурлящая, исступленная ярость. Это внезапное, совершенно новое чувство отзывается крупной дрожью во всем теле и бешеным всплеском адреналина. Вместе с невероятной мощностью, заставляющей кровь воспламениться, приходит призрачное, сладкое забвение. Оно накрывает мой рассудок темной вуалью, даруя чувство безмерного, ласкового покоя.

Я в безопасности.

Пришедшая тьма и гнев согревают мое тело, оберегая от острого, сильного холода, которым пропитана ускользающая реальность — такая пустая и тленная.

Я не чувствую боли, но непомерная, неукротимая злость срастается с каждой клеточкой моего естества, заполняет собой абсолютно все.

И я понимаю, что свирепость — не мираж, а то, что перерождает меня и возвращает в действительность тем, кем я не хотел быть, не хотел стать.

Убийцей.

Купол, защищающий меня от себя же самого, раскалывается, устоявшийся мир накрывается с гулким грохотанием.

Я обнажен. Я перерожден.

Я держу в руке знакомый инструмент. Холодная, продолговатая сталь окрашена брызгами жутко мерцающего красного. Я вижу себя сидящим на Иветт верхом. Мои руки буквально по локоть в крови. В виске девушки зияет глубокая рана, а широко распахнутые глаза неподвижно смотрят в сторону.

Я слышу только свое сбитое дыхание. Я не чувствую, как грудь Ив вздымается и, бессознательно прикладывая пальцы к пульсу на ее шее, не ощущаю его.

Только не это.

Только не так.

Нет.

Нет.

— Нет...

Я потрясен до глубины души, начиная трясти неподвижную девушку за плечи.

— ТВОЮ МАТЬ! — чудовищный рев вырывается из меня вместе с безудержным страхом.

Я убил ее?

Убил?

Торцевой ключ с тупым звоном падает на пол, и я слезаю с Иветт. Я пчусь назад, пачкая все кровью на своих руках, и перестаю шевелиться тогда, когда упираюсь спиной в стену.

Я убил ее.

Закрываю глаза и провожу по лицу ладонями, абстрагируюсь и желая стереть себя с лица этого чудовищно несправедливого мира, раствориться в нарастающем шуме, который заглушает поток бессвязных, бесформенных мыслей в моей голове.

Проходят минуты, а может, часы, но я неподвижен и постоянно забываю дышать. Мой взгляд похоронен на Иветт. Я не перестаю смотреть, потому что жду, что вот-вот эта надоедливая девчонка очнется и хорошенько врежет мне за то, что я едва не отправил ее на тот свет.

Но она не приходит в сознание.

Она продолжает оставаться мертвой.

— Клянусь, я не хотел...

К кому обращены мои еле слышные оправдания?

Я не хотел, чтобы все закончилось таким образом. Я не мог представить, что нечто подобное произойдет с нами.

Почему это случилось? Откуда взялся обуявший нас внезапный гнев? В какой-то момент мы оба перестали контролировать себя... а теперь Иветт мертва. Убита моей рукой.

Я монстр.

Эйден никогда не простит меня.

Я никогда не прощу себя.

Вместе с Иветт погибла моя человечность.

ЭЙДЕН

Поправив ремень черно-серого рюкзака на плече, я иду вперед, и мне приходится расталкивать множество студентов, столпившихся около главной доски здания. Здесь обычно можно найти всевозможные объявления, анонсы спектаклей, наборы в разнообразные группы и создания новых сообществ в стенах учебного заведения. Я пропустил осенний экзамен, а он уже прошел, это значит, что целая толпа зевак собралась у доски, чтобы проверить, есть ли их имена в списках тех, кто сдал.

Меня там точно нет.

Я отсутствовал. А теперь пытаюсь наверстать все, хоть и понимаю, что это почти невозможно по некоторым причинам: меня не было слишком долго, моя жизнь очень сложна, я дерьмово учусь.

Я не думаю о том, что должен. Мне никогда не выпуститься из этого гребаного колледжа, не найти другую дорогу, не стать другим человеком. Мне суждено остаться в этом городе до самой смерти, и если мы победим вселенское зло, то продолжать делать то, для чего я рожден — помогать душам умерших людей переходить на ту сторону. Сторону, где нет места живым.

На самом деле, все, что я сейчас перечислил — не так уж и паршиво. Зато я буду жив. Мой брат тоже. И отец с Иветт.

И Джейн...

Как только я думаю о ней, мое сердце неприятно щемит. Я стараюсь забыть ее имя, хоть это и нелегкая задача. Это невыполнимая задача — вот так лучше сказать. Отныне мисс Мортис — девушка моего старшего брата, и она проводит слишком много времени с ним, чтобы я мог не думать о ней. Даже когда я занимался сексом с Иветт, я, наверное, представлял Джейн.

Ни черта не помню о той алкогольной ночи, но, по всей

вероятности, так и было.

Гавнюк!

Я вспоминаю про то, как ранил Иветт, и хочется дать себе по роже. Если бы это было уместно в коридорах колледжа Святой Марии, так и сделал бы.

Я оставляю кабинет заместителя директора позади. Эта женщина с короткой стрижкой, имя которой я и не вспомню, вдалбливала мне в голову двадцать, к черту вас всех, минут, что пропускать занятия нехорошо! А я, нахрен, так рад, что у меня все так вышло!

В общем, главное, что мне удалось взять у нее список заданий на второй семестр, а так же дополнительный пропуск к экзаменам для учеников, которые по определенным причинам не смогли присутствовать в основные, отведенные для этих важных событий дни.

Я промычал что-то вроде «спасибо» и поспешил удалиться. У меня нет сил творить свои новые будни. Я медленно шагаю вялой походкой обратно, заглядываю в несколько кабинетов, чтобы просто убедиться, что жизнь вокруг бурлит. Никто из них даже не подозревает, что ожидает этот город.

Да и весь мир.

Есть ли смысл стараться? Делать что-то?

Но я все равно продолжаю идти. Иду, иду и иду, пока не оказываюсь на улице. Нет, я не готов сегодня встретиться с однокурсниками. Ребята с моего потока накинутся с вопросами, а мне это сейчас не нужно. Поэтому я оставляю все попытки встретиться со своим прошлым и вдыхаю вязкий, ноябрьский воздух нашего маленького городка.

Осмотревшись, я неожиданно замечаю Джейн Мортис, которая общается со своей подругой Синтией, стоя под раскидистым деревом, что распрощалось со своим одеянием. Желтые и красные опавшие листья окружают девушек, пока они что-то активно обсуждают. Джейн не кажется унылой и грустной. Может быть, это Синтия помогает ей оставаться в лучшем расположении духа?

Не знаю.

Услышав из громкоговорителя новость о том, что очередное

занятие началось, Синтия прощается с Джейн и бежит к зданию, наступая в лужи, оставленные недавно прошедшим дождем, тогда как я уже оказываюсь у уличных столиков. Меня не видит ни одна, ни другая, но я не перестаю наблюдать за Джейн, которая никуда, кажется, не собирается. Однако через пару минут она все-таки перебрасывает небольшую сумку через плечо и поднимается на ноги.

Я действую раньше, чем успеваю себя остановить.

— Джейн, — я громко произношу ее имя, делая большие шаги вперед.

Блестящие и распущенные волосы девушки, струящиеся водопадом по плечам и лопаткам, красиво взмываются, когда она резко останавливается и оборачивается ко мне. В ее уши вставлены наушники, но она выдергивает их, уставившись на меня в легком шоке.

— Эйден? Что ты здесь делаешь?

Я усмехаюсь.

— Учусь, вроде как.

Джейн густо краснеет и смущенно заправляет за ухо выбившуюся прядь.

— Эмм, — она опускает голову, изучая носки своих сапог, и явно чувствует себя неловко рядом со мной.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Джейн нерешительно поднимает светло-карие глаза, которые стремительно наполняются утомленностью и вдумчивостью.

Это была плохой идеей? Подойти к ней и узнать, как дела? Без скрытого мотива. Мне просто любопытно, как... Джейн справляется с тем, что происходит.

Я делаю глубокий вдох и, поборов неуверенность, подхожу к своей бывшей девушке. Друзья ли мы? Конечно же, нет. Но я дорожу нашей связью, точнее тем, что от нее осталось.

— Да, — не сразу отвечает она, и в груди появляется резкая боль, превращающая меня в натянутую струну.

Ее ватный, сдавленный голос не вызывает доверия, и я начинаю беспокоиться. Как бы ни пытался убедить себя, что настроение

Джейн — больше не моя проблема, все напрасно.

Но мне необходимо побороть себя, потому что эта неловкость не должна длиться вечно. Я знаю Джейн и то, что у нее чуткое, доброе сердце. Внешне она может казаться нетронутой и спокойной, но страдать в душе и рвать себя на части изнутри. Ее легко ранить. Неважно, кто это сделает — она сама, или кто-то другой, — это будет долго причинять ей боль.

Я так же знаю, что Джейн переживает из-за того, что отвергла меня. Она счастлива с Россом, и часть меня, которая всегда, независимо от обстоятельств будет любить эту девушку, рада, что ее чувства взаимны. Но она не обязана чувствовать себя виноватой передо мной.

Мы не можем в полной мере контролировать свои чувства. Не от нас зависит выбор человека, в которого влюбляемся. Это просто случается. Это возвышает, дарит покой и незабываемый трепет, тревожит душу и в один момент оставляет ни с чем. Все в этом мире проходят через расставание, и я не имею права считать, что моя боль сильнее печали любого другого человека.

— Хорошо, — я едва заметно киваю и засовываю руки в карманы теплой, черной джинсовой куртки. — Не хочешь выпить кофе? Иногда мне кажется, что оно способно решить все мои проблемы. Думаю, сейчас это то, что нужно.

Я вижу, как Джейн заметно оживляется и приподнимает уголки губ в робкой улыбке.

— С удовольствием, — соглашается она.

Я пропускаю девушку вперед по тропинке, а сам плетусь позади, нервно поправляя рюкзак. Дурная привычка. Но я отмечаю такой же жест у Джейн — она теребит лямку сумки. Чувствует себя неуверенно? Как и я. Может быть, не получится у нас никакой беседы, поскольку все стало порядком неловко.

Когда мы выходим на широкую тропу, я вижу, как Джейн закусывает нижнюю губу. Она замечает меня рядом и улыбается. Но это вымученная улыбка, я бы не назвал ее настоящей. Остальную часть дороги до кафе мы не разговариваем. К кассе за напитками и едой выстроилась огромная очередь. Не подозреваю, каким образом нам удастся сохранить молчание в ожидании возможности заказать кофе. Наконец, спустя двадцать минут, я прошу паренька в желтой

кепке приготовить два стакана латте.

Джейн тянется за кошельком, но я накрываю ее ладонь своей. Неожиданно для меня девушка вздрагивает. Оставаясь бесстрастным, говорю ей:

— Даже не думай об этом. Плачу я.

— Но...

Непреклонно качаю головой и достаю из кармана куртки бумажник. Кассир называет сумму, я оплачиваю наш кофе, не утруждая себя забрать сдачу. После следую за Джейн, которая идет к двери. Я думал, мы останемся внутри. Угадывая мои мысли, брюнетка произносит:

— Солнце выглядывает.

Она указывает пальцем на небо, где тучные облака неспешно расходятся.

— Давай присядем на трибунах.

— Отличная идея, — я улыбаюсь.

Она сглатывает, внимательно исследуя мое лицо, и только потом разворачивается. Мне кажется это странным. Я так же не забуду, как Джейн смотрела на меня в нашем с Россом доме несколько дней назад. Ее взгляд... был очень многоговорящим. Как будто она пыталась что-то донести до меня.

Вот и сейчас. Мы словно играем в какую-то игру, правил которых я не знаю.

Девушка ступает на лестницу, что ведет к рядам, покрашенным в белый и красный цвета. Ее взор устремляется к футбольному полю, а я наблюдаю за ней: идеально очерченный профиль, ровный, слегка вздернутый нос, гладкая кожа и длинные ресницы.

— Давай взберемся повыше, — предлагает Джейн и, не дождавшись моего ответа, бежит вверх по ступенькам.

Я еле нагоняю ее. Только сейчас осознаю, что так и не отдал девушке порцию ее латте. Придурок. Она останавливается на предпоследнем ряде сверху, проходит вглубь между сидениями с одной и другой стороны и, наконец, усаживается на длинную лавку между пересечениями двух цветов.

Я сажусь рядом с ней и отдаю Джейн ее напиток.

— Спасибо, — багровея, смущается она. — Я думала, ты не собираешься меня угощать.

И смеется. Проклятье, ее смех сводит меня с ума. Как и всегда. Она ловит на себе мой взгляд, который, держу пари, охваченный и бесноватый.

Ее красивое лицо неожиданно оказывается в паре миллиметрах от моего, а манящие, сладкие губы, от которых веет притягательным теплом и нежностью, касаются моих. Это происходит так невесомо и неуловимо, что я сомневаюсь в правдивости мимолетного поцелуя.

Я растерян и ловлю себя на мысли, что случившееся — не больше, чем плод моего взбунтовавшегося воображения. Тело немеет, становясь холодным мрамором. Но сердце... оно пылает ослепительным, красным пламенем. Обжигающий, жалящий огонь пытается испепелить каменную корку, которым покрылась моя душа, прорваться наружу вместе с чувствами, следующими за неожиданным поцелуем.

Я не моргаю. Боюсь закрыть глаза и встретиться с осознанием, что неуловимого, но восхитительного мгновения, когда я ощутил вкус губ Джейн на своих, не было. Боюсь окончательно раствориться в горести своих желаний и отчаянных грез о поцелуе девушки, что сидит напротив и, прикрыв веки, медленно и с грустью улыбается.

— В тот вечер шел сильный ливень, — она вдруг начинает говорить со мной. Тихим, вкрадчивым голосом, ласкающим слух. Я судорожно втягиваю в себя застывший воздух. — Это было наше первое свидание. Чтобы не промокнуть, мы спрятались под Облачными воротами* (знаменитая скульптура в Миллениум-парке, Чикаго), и я поцеловала тебя, потому что влюбилась с первых секунд, как только увидела. Эйден Картер, парень с самой завораживающей улыбкой на всем свете, вскружил мне голову. Я потеряла рассудок, потому что впервые в своей жизни полюбила кого-то настолько сильно.

Я отшатываюсь, как только Джейн открывает глаза и поднимает их на меня. Я ловлю ее печальный, наполненный безграничной тоской взгляд, чувствую сражающий меня шок и хочу сделать, сказать что-нибудь, но не произношу ни звука. Я дышу, но воздуха катастрофически не хватает, словно кто-то крадет его, снова и снова,

каждый раз, когда я делаю вдох. Тело охватывает страшная агония, но я не сопротивляюсь в надежде, что эта растущая, невыносимая боль не даст мне сойти с ума.

Джейн вспомнила?

Я вижу по ее глазам, что да.

И она решила сказать мне об этом таким образом.

Но... как давно к Джейн вернулась память? Вернулась... ее душа.

Меня обуревают такое количество вопросов, что не счесть. Сердце колотится с невероятной, безумной скоростью, что от такого резкого скачка ритма я могу умереть прямо сейчас.

Я не сплю.

Я хочу крепко прижать Джейн к себе, затем поцеловать, и снова обнять. А потом еще раз поцеловать.

Но когда пелена искреннего изумления и рвущей на части радости спадает с моих глаз, показывая мир в обновленном виде, я вижу иначе ту тоску во взгляде Джейн.

Она не пыталась признаться мне.

Это было прощанием. Окончательной точкой в наших сложных отношениях.

Вместе с возвратившейся душой к ней вернулись воспоминания и чувства ко мне. Но при всем этом она не забыла то, что есть любовь к Россу... теперь есть. В настоящем времени. И в будущем.

Но я останусь в прошлом.

Я понимаю все, что она пытается сказать мне, просто глядя в ее глаза, наполняющиеся слезами.

Джейн приняла решение.

А я чувствую, что готов принять ее выбор.

— Кофе, — заикаюсь, чтобы покончить, наконец, с этим молчанием. — Наш кофе уже остыл.

Джейн смаргивает слезу, медленно кивая с дрожащей улыбкой.

— Да. Остыл.

Свинцовое небо прорезает крошечный, солнечный луч, он падает на поле стадиона. Я и Джейн отворачиваемся друг от друга, чтобы неспешно допить холодный напиток и все оставить позади.

Наши сердца разбиты, но мы готовы двигаться дальше.

ГЛАВА 21

АННА

Я должна бежать без оглядки, как только Ешэ уберет с моей руки метку. Освободившись от оков проклятия, я буду иметь все шансы на благополучное завершение своей ненормальной истории.

Недавно открывшиеся обстоятельства все усугубляют. Теперь я понимаю слова мальчика о том, что в Тардесе находится нечто важное для Миднайта. Его семья. Ради них он готов пожертвовать многим... моей жизнью и не только, судьбой всего мира. Он убежден, что, возвратив своих близких, они совместными усилиями найдут способ упрятать Исрафила обратно, или создать что-то похожее на Тардес.

Но что произойдет со мной? Каким образом нужно активировать Скрижаль, который я являюсь? Выживу ли я после того, как Миднайт исполнит свою мечту? У него нет ответов на эти вопросы.

Я не обязана помогать ему, не имея гарантий, что это не навредит моей жизни.

Мне плевать, как сильно он будет разочарован, если я сбегу.

А я сбегу, чтобы продлить свои паршивые деньки.

Я решила покинуть это место сразу после того, как Ешэ проведет ритуал. Конечно же, Миднайт ни о чем не узнает. Ночь, которую мы провели вместе, была волшебной и все такое, но я испытываю к нему исключительно физическое влечение. Ничего серьезного. Правда. Я уверена, это обоюдно. В конце концов, между людьми, один из которых использует другого, в априори не могут завязаться романтические отношения.

Я стараюсь не пересекаться с Миднайтом. После бесконечных попыток погрузиться в сон мне так и не удалось отогнать от себя навязчивые мысли, поэтому пришлось покинуть спальню сразу же, как только послышалось сопение парня. И я слонялась, то здесь, то там, продумывая идеальный план побега. Но как подсказывает и показывает опыт: лучше не загадывать наперед, положиться на удачное стечение обстоятельств и не упустить наиболее подходящий

момент, потому что всегда, чтобы я ни пыталась предпринять, — каждый раз меня ждал отменный пинок судьбы под зад.

Последние два часа я прогуливаюсь по небольшой оранжерее, пытаюсь найти внутренние силы среди экзотических, красивых растений и клумб пестрых, благоухающих цветов. Неожиданно, когда я делаю остановку у маленького, каскадного фонтана, примыкающего к зеленой стене из листьев, чья-то рука ложится на мое плечо.

— Я проснулся и не обнаружил тебя рядом, — звучит сиплый и сонный голос Миднайта. — Почему ты ушла?

Я дергаю плечом, чтобы сбросить руку блондина.

— Не спалось, — говорю, не оборачиваясь, потому что не хочу видеть его лица.

Наверное, может показаться, будто я обижена, или зла на него. Но это не так. Чтобы разочароваться в человеке, сначала нужно поверить ему. Эта песня не обо мне и Миднайте. Я изначально знала, что он бесчестный лжец.

Я разворачиваюсь в другую сторону, чтобы уйти, но меня ловят за запястье.

— Анна...

К нам приближается невысокий мужчина со смуглой кожей и узкими, раскосыми глазами в черной одежде из хлопка — свободной рубашке строгого покроя с воротником-стойкой и широких брюках. Он делает глубокий поклон и сообщает на английском:

— Молодой господин Цзу ожидает госпожу Анну и господина Миднайта в ритуальной комнате. Пожалуйста, следуйте за мной.

Китаец выводит нас из оранжереи другим путем, и мы проходим по той части подземных владений Ешэ, которую я еще не видела, хотя думала, что побывала везде. Я чувствую на своем затылке тяжелый взгляд Миднайта, но сжимаю кулаки, чтобы не ответить тем же.

Невысокий мужчина останавливается у высоких, деревянных дверей, декорированных сусальным золотом, с накладной резьбой в виде огромного, красно-зеленого дракона, кусающего себя за хвост. Сопровождающий распаивает их и уходит в сторону, освобождая нам проход в квадратную, большую комнату, погруженную в

темноту, где единственным источником слабого, мерцающего света служат расставленные повсюду свечи. Сложно что-либо разглядеть при отсутствии должного освещения, но я с удивлением обнаруживаю присутствующих здесь людей. Я насчитываю десять. Мужчины и женщины в необычных нарядах неподвижно стоят вдоль стен и пристально смотрят перед собой. А посередине комнаты находится Ешэ у буддийского алтаря с ритуальными предметами, изображениями символов и статуей Будды в самом центре. Мальчик повернут ко мне и Миднайту спиной. На нем только красные, шелковые штаны по щиколотку, верхняя часть тела лишена одежды. Я отмечаю невероятную худобу Ешэ, которая на удивление не отторгает взор, а придает ему мистическую грациозность.

— Жутковато, — бормочет Миднайт.

Я вижу краем глаза, как он ровняется со мной и озадаченно буравит взглядом помещение, изучая и оценивая обстановку.

— Ты готова? — спрашивает он, приглушив голос.

Мне хочется ответить колкостью, но я сдерживаюсь и просто киваю. Сделав несколько шагов назад от алтаря, Ешэ обращает к нам внимание и без приветствий подзывает меня к себе жестом руки. Я собираюсь пройти вглубь комнаты, но вновь оказываюсь остановленной Миднайтом.

— Что на этот раз? — угрюмо бросаю я.

И делаю большую ошибку, потому что встречаюсь с его глазами, полными тревожного волнения, и чувствую смертельную тоску по его прикосновениям.

— Ничего, — отвечает он. — Удачи.

Я иду вперед, но с каждым следующим шагом ощущаю возрастающее давление в воздухе. Когда между мной и Ешэ остается пара футов, мне на мгновение чудится, будто комната резко уменьшается в размерах.

— Садись, — просит мальчик.

Я опускаюсь на пол, и Ешэ садится напротив. Его миловидное лицо выражает отнюдь не детскую серьезность. Глаза, кажущиеся огромными и будто бы потемневшими, впиваются в меня всепроникающим, пристальным взглядом. Не сводя его с меня, он обращается на китайском к своим подданным, и те по очереди

подносят ему различные компоненты для обряда. Семь глубоких чаш с водой, которые ставят вокруг нас, буддийские, ритуальные предметы самых странных форм и кинжал с рукояткой из серебра. Последний вызывает у меня особое любопытство к его использованию и нехорошее предчувствие. Так же перед Ешэ ставят еще одну чашу, она пуста, но он начинает класть в нее сухие травы, смешивая их в известных только ему пропорциях и при этом бормоча заклинание. Закончив, Ешэ соединяет вместе ладони на уровне груди и низко опускает голову. Я так же замечаю, что присутствующие здесь люди повторяют за ним. Мне следует сделать так же?

Травы, брошенные в чашу, вспыхивают изумрудным пламенем, а затем вокруг нас загорается вода в чашах. Семь столбов янтарного огня возносятся едва ли не до потолка, соединяясь друг с другом и образуя медленно вращающееся кольцо. Но я совсем не ощущаю жара от движущегося круга. Аромат благовоний оказывает благоприятное воздействие, мгновенно снимая напряжение и погружая меня в состояние безмятежного покоя.

Ешэ открывает глаза и протягивает руку тыльной стороной вниз.

— Мне нужна твоя ладонь.

Я выполняю его просьбу, но оказываюсь не подготовленной к дальнейшим действиям юного колдуна. В следующую секунду мальчик берет кинжал и без колебаний проводит острым лезвием по моей руке. Зашипев от боли, я собираюсь прижать к себе кровоточащую ладонь, но Ешэ крепко сжимает ее в своих тонких, сильных пальцах, удерживая на месте, и подставляет чашу, уступающую в размерах другим. Она довольно быстро заполняется моей кровью, и как только набирается достаточное количество жидкости, Ешэ отпускает мою ладонь, чтобы взять эту миску из бронзы. Я заморожено смотрю, как он рисует символы и иероглифы на своем лице.

Его пухлые губы произносят незнакомые слова, а вскоре люди, окружающие нас, начинают петь ритуальную песню, погружающую в транс. Пять мужчин неподвижно стоят на своих местах, отбивая шаманскими бубнами и барабанами завораживающий, хаотичный, лихорадочный ритм. Пять женщин начинают движение по кругу против часовой стрелки, несясь в одном направлении с огненным кольцом, становясь с пламенем единым целым.

Мне хочется попросить всех остановиться, потому что я чувствую сильное головокружение. Тело наполняется слабостью, и я медленно наклоняюсь вправо. И точно бы завалилась, провалившись в сон, если бы не следующее заявление Ешэ:

— Огонь очистит тебя.

Я собираюсь уточнить, что это значит, но проглатываю слова, бесследно теряя мысль и наблюдая, как мальчик выливает мою оставшуюся кровь в чашу с изумрудным огнем, который неожиданно меняет цвет, становясь пунцовым. Пламя темнеет, и когда приобретает зловещий, черный оттенок, Ешэ хватает мою руку, на которой находится метка, подставляя под его неистовые языки.

Я кричу от неопишуемой боли.

Секунды невероятных мучений превращаются в нескончаемую пытку. Я пытаюсь вырваться, чтобы оказаться как можно дальше от пожирающего мою плоть огня. Душа мечется в агонии, но внешне я абсолютно неподвижна, словно замурована в бетон. Я мычу сквозь плотно сомкнутые губы, а по щекам струятся горячие слезы.

Хочу, чтобы это немедленно прекратилось.

Еще никогда в жизни я не испытывала такой боли. Нечеловеческой и изничтожающей.

Я не могу ни отвернуться, ни закрыть глаза. Я обращаю молящий взгляд к Ешэ, который пристально смотрит в огонь. Пламя будто плавит и искажает пространство. Мне кажется, что от этих смертельно болезненных ощущений я могу скончаться от сердечного приступа прямо сейчас.

Но вдруг все прекращается. Я больше не чувствую жара пламени на своей коже. Я с изумлением вижу, как метка исчезает, обращаясь в искры, которые вспыхивают и стремительно угасают. Когда клеймо полностью сходит с моей руки, Ешэ больше не держит ее. Не сумев совладать с онемевшим телом, я плюхаюсь на спину. Огненное кольцо над нами так же меркнет, погружая комнату во мрак.

Все закончилось?

Я чувствую себя... собой. И я жива, могу дышать. Сердечный ритм нормализовался, хотя минуту назад оно билось с такой неукротимой яростью, что на мгновение я окончательно потеряла веру в счастливый исход. Все органы функционируют... кажется. Так

что я в порядке. Все более чем хорошо.

Потирая запястье, я больше не нащупываю маленькую, гладкую выпуклость. Так вот что имел в виду Ешэ, говоря, что огонь очистит меня.

Теперь я свободна.

Я должна собраться с силами и бежать. Чем раньше, тем лучше.

Приподнявшись на локтях, я собираюсь поблагодарить мальчика, но замечаю застывшую гримасу внезапного и дикого ужаса на его посиневшем лице. С неопишимым испугом он смотрит вниз, на свои тонкие, дрожащие руки.

— Ешэ? — вопросительно зову его шепотом, потому что не в состоянии говорить громко.

Мальчик не отзывается, и я ползу вперед, чтобы дотронуться до него, встряхнуть за плечо. Когда я протягиваю к нему руку, он поднимает безумные глаза, вонзая их в меня, и перехватывает мою кисть, хватаясь так крепко, что я невольно издаю шипящий звук.

— Ешэ! — я пытаюсь прокричать его имя сквозь хрипы в горле.

К мальчику подбегают его слуги и что-то надрывно кричат. Я не могу различить слов, потому что не понимаю языка. Они пытаются оттащить Ешэ от меня, но он не отпускает. Я накрываю его окаменевшие пальцы на моей кисти свободной рукой, а после чувствую чьи-то прикосновения на себе. Над головой раздается голос Миднайта, который все это время наблюдал за ритуалом в стороне. Он обхватывает меня за талию, настаивая на том, что нужно уходить.

Как я могу оставить Ешэ? Ему плохо! Я чувствую его ужасную боль и не знаю, как помочь. Я должна сделать все, что в моих силах, потому что он помог мне, потому что не смогу себя простить, если не попытаюсь.

В конце концов, он всего лишь ребенок, которому сейчас очень плохо.

— Черт возьми, Анна! — рычит Миднайт. — Оставь его!

Свирепость, разгорающаяся во мне безумным пожаром, провоцирует произвольный всплеск магических сил. Я кидаю в сторону парня самый ненавистный взгляд из богатого арсенала моих гневных взглядов, которым швыряю блондина в громоздкие двери.

Миднайт врезается всем телом, отворяя их, и валится на пол за пределами ритуальной комнаты. Бледно-желтый свет из коридора врывается сюда, падая на покрывшееся испариной лицо Ешэ и открывая моему пульсирующему взору шокирующую картину. Хрупкое туловище мальчика покрыто черными прожилками, поднимающимися выше — к голове. Ветвясь и охватывая все больше места на теле, необъяснимая зараза касается скульптурной шеи и добирается до лица.

Хватка Ешэ ослабевает, но теперь я цепляюсь за его руку, не желая отпускать.

— Что это? — в ужасе спрашиваю я и надеюсь услышать ответ, потому что этот ребенок чертовски умен и мудр. Он не может погибнуть вот так глупо. — Не вздумай сделать меня причиной своей смерти, слышишь?!

Хреновая попытка подбодрить. Я откровенно плоха в таких вещах и не способна быть сентиментальной. Однако, глядя в глаза умирающего ребенка, пожираемого адскими муками, я еле сдерживаюсь, чтобы не зарыдать навзрыд.

— Тьма, — дыша затрудненно, сипло и часто, произносит он.

Я наклоняюсь к нему так близко, как позволяет ситуация. Нас по-прежнему пытаются разъединить, и я буквально волочусь за Ешэ.

— Тьма? — переспрашиваю я.

Ответу не суждено прозвучать, потому что мальчик умирает.

До меня доносятся звуки плача его слуг, мгновенно рухнувших на колени в лихорадочных молитвах. Я все еще сжимаю ладонь Ешэ и замечаю, какая она ледяная, лишь тогда, когда Миднайт вновь настигает меня. В этот раз ему удастся поставить меня на ноги и отпустить мальчика. Словно предчувствуя, что я начну вырываться, Миднайт образует кольцо вокруг моих плеч и тащит к выходу.

Захлебываясь в слезах, я не в силах отвести сожалеющего взгляда с безжизненного тела ребенка. Я повторяю про себя, как мне бесконечно жаль, пока Миднайт ведет меня в неизвестном направлении. Я хочу обвинить его в бесчувственности, ведь, черт подери, на наших глазах погиб невинный мальчик! Но тяжесть вины слишком велика, чтобы что-то говорить.

Путь, которым мы идем, выводит нас на парковку с несколькими

автомобилями. Я не сопротивляюсь, когда Миднайт запикивает меня в черную машину, сажая на переднее сидение с пассажирской стороны, а сам садится за руль. В полубессознательном состоянии я пытаюсь сфокусировать взгляд на мелькающих за окном картинках.

Кружа по парковке в течение нескольких минут, Миднайт находит верное направление, которое выводит нас на поверхность. Я жмурюсь от слепящего, дневного света, поймав себя на мысли, что до этого момента не задумывалась о том, какое сейчас время суток.

— Все наладится, Анна, — пытается заверить Миднайт, и я немного смягчаюсь.

Гнев и неутолимая скорбь сменяются звенящей пустотой.

— Эта область лжи тебе неподвластна, — пробормотав это, я отворачиваюсь от парня.

Мы оставляем позади полуразваленную хижину, вскоре скрывающуюся за пеленой плотного тумана, и движемся навстречу неизведанному.

Пожалуй, на сегодня побег отменяется.

ЭЙДЕН

Как бы упорно и долго я ни пытался понять жизнь, она останется для меня неразгаданной загадкой. Замком, к которому не подобрать ключ. Почему мы любим жизнь, несмотря на ее жестокость к нам? Почему мы продолжаем так дико жаждать ее, когда она остается равнодушной?

Жизнь — это движение от одной крайности к другой. В ней нет золотой середины. Люди, твердящие, что сумели обрести равновесие и покой, находятся в иллюзорной ловушке. Им кажется, что они плывут по течению, наслаждаясь тихими деньками. Но на самом деле тонут с улыбками на лицах, думая, что контролируют свою жизнь.

Иногда бывают ситуации, в которых не обойтись без самообмана. Его применение необходимо в моем случае с Джейн.

После нашего разговора на трибунах стадиона, я хочу до беспамятства напиться ядовитой ложью, которая промоет мне мозги

и вылечит от недуга под названием любовь. Она стала раковой опухолью в моем сердце, и я срочно нуждаюсь в спасении.

Мы безвозвратно теряем частичку себя, когда люди отдаляются, или уходят из нашей жизни. Место, которое они занимали, так и останется пустым, потому что его невозможно отдать кому-то другому. Нельзя заменить тех, кому оно принадлежало. Новые люди просто-напросто не приживутся на нем. Потому что прошлое и настоящее не смогут сосуществовать друг с другом, деля одно место.

Пустота, оставшаяся после Джейн, давит на грудь, и мне тяжело дышать. По радио звучит песня «**Solitude**» британской рок-группы **Black Sabbath**, возвращающая меня на месяцы назад. Прямая, ровная дорога, окаймленная редкими деревьями и изредка мелькающими постройками, ведет к дому. Автомобиль бесшумно скользит по нелюдимой трассе.

Куда же мне пойти и что же мне делать?

Ничто не радует меня,

В мыслях одна лишь ты.

Усмехаясь, я прибавляю громкость и подпеваю Оззи Осборну.

Мир — место одинокое,

Ты сам по себе.

Самоубийство чистой воды — слушать грустную музыку, когда в твоей жизни и без того переизбыток драмы.

— Ты придурок, Эйден, — говорю сам себе.

Когда «Solitude» подходит к концу, звучит динамичная песня «Moneytalks» непревзойденных AC/DC. Я делаю звук максимально громким и расслабляюсь, ритмично постукивая пальцами по рулю. Удивительно, как от музыки зависит настроение.

Когда я чувствую в набедренном кармане джинсов знакомую вибрацию, то прихожу в некоторое недоумение. Делаю музыку тише и достаю пейджер, на который перестали поступать уведомления о душах около месяца назад. Я вижу новое сообщение. Спустя пару секунд поступает еще одно. И еще, и еще. Их чертовски много. Сопоставив даты с фактами, я прихожу к выводу, что души,

попадающие в Тардес на протяжении последних тридцати дней, теперь свободны. И их всех необходимо забрать в кратчайшие сроки.

Я довольно улыбаюсь, листая уведомления. У меня и Росса снова есть работа. Много работы. Соответственно, будет хорошее вознаграждение. Это — отличная возможность отвлечься от проблем и неприятных мыслей. Дело, которым я должен заниматься. Для которого рожден. Я буду цепляться за это, пока боль постепенно не отойдет на второй план. В этом нет ничего дурного.

Огромное количество людей на планете делают работу центром своей жизни, черт возьми, потому что остальные аспекты оставляют желать лучшего. Неудачная любовь, паршивые родители, проблемы в семье, бесплодие, глупые дети-наркоманы. Причины могут быть различными, их целая пучина. Нельзя игнорировать то, что я наполовину человек, а значит, мне свойственно переживать и волноваться.

Каждый демон борется за то, чтобы мы, принадлежащие к их расе лишь отчасти, лишь наполовину, вели себя так же, как они. Чтобы мы, полудемоны, были лишены чувств и эмоций. Но эти адские создания напрочь забывают о том, что по нашим венам течет человеческая кровь. Наши сердца бьются и любят. И я, к сожалению, не могу вырвать свое к чертовой матери! Мне необходимо жить с ним, безумно скачущим в грудной клетке при упоминании одного-единственного имени.

Подъезжая к дому, я сбавляю скорость и поворачиваю автомобиль, чтобы заехать на подъездную дорожку. Яркая, красивая радуга пересекает небо над нашей улицей, а лучи вечернего солнца падают на окна нашего дома. Как ни странно, дверь гаража поднята. В любом случае машина Росса стоит у самого выхода — мне не закатить туда свою тачку.

Я выключаю зажигание, вынимаю ключ и выхожу наружу. В тот момент, когда моя нога ступает на ровный асфальт, я чувствую, как в мою голову подкрадываются незаметные, маленькие сомнения. В куче они становятся одним большим беспокойством. Я блокирую двери и быстро продвигаюсь к входу в гараж. Кажется, я двигаюсь спешно и торопливо, но на самом деле мои шаги тяжелые и медленные. Да ладно... Господи... Остановившись, мотаю головой.

Что со мной? Все нормально? Просто окончательно расставание

с Джейн немного путает мысли.

Все-таки заставляю себя расслабиться, но ощущаю напряженность в спине и плечах. Я встаю прямо под дверь и поднимаю руку, чтобы спустить ролет, но мое внимание привлекает брат, сидящий в дальнем углу. Я бы даже не понял, что этот мужчина, сокрушенно сжимающий свою голову и прижавший колени к груди — Росс, если бы не его взлохмаченные волосы темно-русого цвета. Я даже не помню, чтобы он когда-либо раньше надевал эти бардовые брюки, такие элегантные... и белую рубашку. Росс тоже куда-то собрался? Вот чертов лицемер. Но мне он не позволял уйти из дома, смотрел на меня так, словно я — преступник. Ладно, тогда почему брат сидит здесь, на цементном полу, и держится за затылок руками?

— Росс? — подойдя ближе, окликаю я его.

Он вздрагивает, но не поднимает на меня взгляда.

— Эй, что ты здесь делаешь? — в моем вопросе слышатся забавляющиеся нотки.

И мне, может, в действительности смешно. Пока я не замечаю на белоснежной рубашке Росса пятна крови. Это не может быть чем-то другим. Я повидал слишком много смертей, чтобы ошибаться.

— Приятель? — небрежность сменяется паникой, и я буквально подлетаю к нему, но спотыкаюсь обо что-то, чуть не падая.

Выругавшись под нос, тут же поворачиваюсь на предмет, из-за которого я чуть было не сломал нос. Я не ожидал там увидеть что-то, что удивит меня. Шокирует. Отнимет возможность говорить, слышать и видеть. Я точно не ожидал там увидеть Иветт с проломленным нахрен черепом. Какого...? Что?!

ЧТО?

НЕТ, НЕТ, НЕТ!

Слезы застилают мне глаза, но я нахожу в себе силы наклониться над Россом и встряхнуть его за плечи, при этом чувствуя, как рыдания уже атакуют мое горло.

— Какого черта здесь произошло?! — ору я. — ОНА МЕРТВА? ПОЧЕМУ ОНА МЕРТВА?!

Росс поднимает голову и, не разгибая колен, откидывает ее назад, соприкасаясь затылочной частью с холодной, серой стеной.

Сначала его глаза опущены, но потом он все-таки вскидывает ресницы. Я не вижу в этих озерах ничего: ни боли, ни сожаления. Ничего.

Я не хочу видеть этого! Нет. Нет. Мне к черту не нужны эти его безмолвные эмоции! Не нужны! НЕТ!

— Отвечай, черт возьми! — кричу я и ударяю кулаком по стене рядом с его головой.

Из моего рта брызжет слюна, слезы скатываются по щеке градом. Я взбешен и сломлен. О, Господи. Только сейчас до меня доходит весь ужас положения. Пазл складывается сам собой.

Это кошмар.

Я подлетаю к Иветт, сажусь перед ней на колени и глажу ее по мирному, спокойному лицу. Эти веки больше никогда не распахнутся. Никогда. Посмотрев на Росса, я в гневе повышаю голос до предела:

— Что ты сделал, ублюдок?!

Тут он начинает говорить. Точнее, пытается.

— Эйден... — звучит он хрипло и раздосадовано. — Я не хотел...

Я затыкаю ему рот тем, что просто взметаю рукой и наставляю в его сторону палец. Росс замолкает, а я не перестаю сверлить его взглядом. Буравить его скотское тело, скотское лицо и никчемную личность.

— Ты ее не достоин, — тише произношу, и он знает, кого имею в виду.

Брата передергивает.

— Ты не достоин никого.

Я тяжело сглатываю и вновь перевожу свое внимание на Иветт. Моя левая ладонь все еще покоится на щеке мертвой девушки. Нет, пожалуйста...

Ты появилась в моей жизни не просто так. Снова. Ты должна была остаться.

Ко мне не сразу приходит осознание, что я шептал последние

слова. Я больше не смотрю на брата, но, поцеловав Иветт в ее холодный лоб, я поднимаюсь на ноги и, подойдя к Россу максимально близко, склоняюсь над ним, чтобы мощно ударить кулаком по его челюсти. Брат не сопротивляется, позволяя мне уродовать его лицо. Когда я делаю так во второй раз, он падает.

Я не останавливаюсь.

Ничтожество.

Подонок.

МОНСТР.

ГЛАВА 22

АННА

Миднайт не спускает с меня глаз, следит буквально за каждым моим шагом. И это жутко нервирует, но я сдерживаюсь.

Три часа назад мы сели в самолет, чтобы вернуться в США. В Дайморт-Бич. Метка снята, и Миднайт стал ближе к исполнению своей мечты еще на один шаг.

Мы покинули дом Ешэ, оставив там все вещи, в том числе сбережения... не мои, конечно же. У нас была только угнанная тачка и моя бесконечная злоба, потому что смерть мальчика оказалась бессмысленной. Он не должен был отдать жизнь за мою, которая мне уже не принадлежит.

Воспользовавшись тем, что я удручена гибелью Ешэ, Миднайт вколол мне сыворотку. Это случилось в машине, когда я едва не уснула, внезапно почувствовав смертельную усталость, с которой не могла и не собиралась бороться. В мою шею вонзилась тонкая игла, и Миднайт самым наглым образом заявил, что сделал это в мерах предосторожности, а затем с абсолютной невозмутимостью посоветовал поспать.

Гнев клокотал во мне, но я слишком устала, чтобы злиться на фамильяра. В конце концов, я сама виновата. У меня были шанс сбежать, но я разрешила чувству вины окутать плотным, черным и ядовитым туманом мой рассудок, вызвав легкое помутнение, и сдалась. Упустила свой идеальный момент для побега, позволив врагу посадить себя в машину и увести.

Я все-таки уснула спустя какое-то время и проснулась, когда Миднайт нес меня на руках, поднимаясь по трапу самолета — того же, на котором мы прилетели в Китай.

Сейчас мы находимся в противоположных концах салона и пристально смотрим друг на друга. Точнее я сверлю его взглядом, а он отвечает тем же.

В итоге Миднайт не выдерживает первым.

— Может, поговорим?

Я плотнее поджимаю губы, демонстрируя свое нежелание вести с ним диалог.

— Ты собираешься молчать вечно?

Да, черт возьми. Я буду молчать до своего последнего вздоха.

— Обиделась, потому что я использовал сыворотку? — отчасти догадавшись, Миднайт вздыхает. — Я не хотел. Честно. Но это было необходимо, потому что иначе бы ты сбежала, и не вздумай отрицать этого. Я слишком хорошо тебя знаю, Анна.

Я фыркаю.

Да неужели?

— То, что мы переспали, не сделало нас друзьями, — продолжает парень.

Отлично, что он понимает это.

— Я знаю, ты по-прежнему не доверяешь мне. Но я намерен быть честным с тобой. Я рассказал тебе о своих истинных намерениях, потому что... — он зажимает пальцами переносицу, закрывая глаза, и подбирает слова. — Потому что не хотел, чтобы ты считала, будто я желаю причинить тебе вред. Это не так.

Ложь.

Все, что говорит Миднайт — ложь.

— Ты прав, — наконец, я решаюсь озвучить то, что думаю. — Я не доверяю тебе. Я собиралась сбежать, как только бы представилась возможность.

Миднайт мягко улыбается.

— Не беспокойся. Та доза сыворотки была последней, — он поднимает руки вверх, принимая поражение. — Через тридцать часов ее действие прекратится.

Я хмурюсь, потому что не уверена в правдивости этой информации.

— Ты же понимаешь, — я бодро расправляю плечи, но по-прежнему говорю металлическим голосом, — что в этот раз я точно уйду?

Блондин кивает, не сводя с меня соглашающегося взгляда.

— Да. И я не стану удерживать тебя.

Я резко отпускаю из легких воздух.

— Правда?

Не может быть. Здесь явно присутствует подвох. Миднайт усеял мой путь подводными камнями, которые я научилась вычислять, но с каждым разом это дается все сложнее, потому что способность фамильяра обводить меня вокруг пальца становится более филигранной. Я выступаю в роли тренировочной куклы, на которой он отбатывает свое мастерство блефа.

— У меня есть тридцать часов на то, чтобы найти способ взломать Скрижаль и при этом не убить тебя, а после открыть Тардес и встретиться со своей семьей, — информирует Миднайт. Поразительно, с каким воодушевлением он рассказывает о своих ближайших планах на будущее.

— А если ты не успеешь? — я вскидываю бровь.

— Я все прекращу.

Я закатываю глаза.

— Теперь я точно не верю тебе.

Вздохнув блекло-пшеничные, волнистые волосы, Миднайт покидает объемное, кожаное кресло и направляется ко мне.

— Стой, где стоишь, — предупреждаю я, как только между нами остается три фута свободного пространства. — Поверь, я сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не ударить тебя.

Парень не придает значения моей угрозе и уверенной походкой сокращает оставшееся расстояние. Я отодвигаюсь в конец длинного дивана, на котором сижу, укрывшись пледом, и напрягаюсь, потому что не знаю, чего ожидать от Миднайта. Плотнее поджимая к своей груди ноги и, я бросаю на него враждебный взгляд.

— Если хочешь, можешь ударить, — с этими словами он опускается на колени с совершенно искренним, раскаивающимся видом. — Но прежде позволь сказать, что мне жаль.

Я теряю дар речи, потому что... потому что, черт возьми, парень начинает вести нечестную игру, пытаясь ввести меня в заблуждение

внезапным пробуждением совести. И я яростно настраиваю себя не верить Миднайту, но сердце предательски екает при виде грустных, светло-голубых глаз напротив.

— Не искушай меня подпортить твоё смазливое лицо, — пытаюсь огрызнуться я, но выходит откровенно отвратительно.

— Мне жаль, что Ешэ погиб, — повторяет он, не сводя с меня впивающегося взгляда. — Однако... — Миднайт опирается ладонями о край дивана, наклоняясь к моему лицу. — Я не сожалею о жертве, которую принес мальчик. Я рад, что он убрал метку прежде, чем что-то убило его.

— Ты... — сквозь зубы шиплю я, ощутив внезапные слезы на глазах.

— Не сдерживайся, — настаивает Миднайт, пронизывая меня насквозь бездонными глазами. — Можешь ненавидеть меня, но я не изменю своего мнения. Все, что я хочу, это вернуть свою семью, Анна.

Я подаюсь вперед, чтобы схватить его за воротник и встряхнуть.

— Как ты можешь говорить так равнодушно? — рычу я с обжигающей злостью. — У Ешэ тоже могла быть семья!

Миднайт даже не пытается убрать от себя мои руки и сказать что-то в свое оправдание. Я хочу сделать ему больно. Мечтаю снять с его лица эту непроницаемую маску бесстрастия и увидеть то, что он испытывает на самом деле. Ведь должно же быть что-то за этим холодным взглядом... Должно быть...

— Я предпочту смотреть на боль других, чем буду страдать от собственной, — отчеканивает Миднайт. — Каждый бы сделал так. И ты не являешься исключением. Мы все, — он растягивает слова, добавляя своему голосу мрачности, — думаем лишь о том, как сделать свою жизнь менее паршивой.

Я влепляю ему пощечину, и его голова отходит в сторону.

— Не все такие конченные эгоисты, как ты, — процеживаю я, ощущая соленый вкус слез на своих пульсирующих губах. — Ешэ не был таким. Он знал, что за моей меткой кроется нечто более зловещее, но помог мне... нам. Потому что чувствовал, как сильно ты желаешь вернуть свою семью! — я толкаю Миднайта в грудь, и он плюхается на пол, по-прежнему не поднимая на меня взгляда. Я

судорожно набираю в легкие воздух. — Потому что, черт подери, он видел, что я слишком сильно люблю свою гребаную жизнь!

Я сокрушенно роняю голову вниз и, не в силах сдерживать рыдания, скрываю лицо за ладонями. Меньше всего хочу, чтобы Миднайт знал, насколько сильно смерть Ешэ ранила меня, но ничего не могу с собой поделать. Слезы душат, и мне необходимо избавиться от них, чтобы стало легче. Эта боль вонзается в тело сотней ножей, нанося удары в одни и те же места снова и снова, проделывая огромные, зияющие дыры, которые никогда не перестанут кровоточить и не затянутся.

— Его убили не мы, Анна, — тишину и мои всхлипы обрывает обращение Миднайта. — Ешэ сделал выбор, зная, какие последствия ждут его.

Я вспоминаю слова мальчика, которые он сказал мне вечером перед ритуалом. Миднайт только что повторил их.

Отдельно принятое решение каждого из нас выпустило Тьму — так назвал это Ешэ. Какую опасность она скрывает? Что, если я не смогу контролировать эту силу?

Сейчас я не чувствую, как трансформируюсь в машину для безумств и убийств. Но возможно, это лишь потому, что вместе с ведьминскими силами сыворотка блокируют и Тьму. И как только закончится ее действие, я перестану быть собой, превратившись в кого-то, кто движим злом.

Я так голодна, что за пару минут уплетаю наиужаснейший омлет со спаржей и цветной капустой, представляя на его месте горячую пиццу с пятью видами сыра, беконом и куриной грудкой, рисую в воображении, как тает во рту пышное тесто. Я готова заплакать, потому что неопишимо скупаю по американской еде с кучей калорий.

Наш самолет пролетает над Тихим океаном, но моя душа уже в Дайморт-Бич. Я вспоминаю, как иногда по воскресеньям заходила в крохотную булочную двумя кварталами ниже моего дома, которая может составить достойную конкуренцию лучшим кондитерским Америки. Я занимала свой столик в дальнем углу у окна, чтобы перекусить отменной выпечкой: вкуснейшим в мире черничным пирогом, клубничным чизкейком и эксклюзивным десертом лично от владелицы булочной — шоколадными капкейками с нежнейшим

кофейным кремом. Только ради того, чтобы снова попробовать эти кулинарные шедевры, стоит жить.

Но очень скоро я возвращаюсь в реальность, когда дожевываю омлет и тянусь к бокалу с «Амароне», спеша заглушить приторной сладостью пресное послевкусие спаржи. Я поднимаю взгляд от тарелки, которую еле опустошила, на Миднайта. Он кажется совершенно незаинтересованным в еде, задумчиво глядя в иллюминатор. Он вообще голоден? Я только сейчас понимаю, что за все время, что мы вместе (скитаемся по миру), ни разу не видела его за завтраком, или ужином. Отсутствие нужды в еде является одним из плюсов сущности фамильяра?

Я издаю вздох, но слишком громкий, потому что Миднайт обращает на меня внимание. Я тут же отворачиваюсь, уперев взгляд в потолок. Делаю небольшой глоток красного, сухого вина, и жидкость попадает не в то горло, поэтому я начинаю скрипуче кашлять. Смагивая выступившие слезы, я ставлю бокал на сервировочный столик на колесиках и стучу себя кулаком по груди, пытаюсь избавиться от сумасшедшей перхоты. Миднайт побеждает ко мне и начинает хлопать по спине. И, черт бы все побрал, кашель моментально стихает. Дышать вновь становится легко.

— Спасибо, — мямлю я, стараясь не смотреть в глаза блондину.

Пару часов назад мы выпустили пар... ладно, я выпустила пар, накричав на Миднайта, и на душе уже не так паршиво. Но временное затишье (а оно определено не будет длиться вечно) не значит, что я перестала злиться на него.

То, что Миднайт говорил о смерти Ешэ, было феноменально жестоким. И мне стоит акцентировать внимание именно на этом: его бессердечии и бесконечном эгоизме, вместо того, чтобы пытаться ухватиться взглядом за другую сторону медали и отыскать там причину моему снисходительному отношению к нему. Время остудило мой пыл, и я с тягостным ощущением в сердце понимаю, что хочу обличить хладнокровность Миднайта в сладкую ложь, которая бы утешила меня.

Правда в том, что я отказываюсь верить его равнодушие к гибели ребенка. Гореть мне вечно в аду за эти слова, но я думаю, что Миднайт гораздо лучше того, кем пытается казаться.

— Ты в порядке? — негромко спрашивает он, его ладонь по-

прежнему мягко хлопает меня по спине.

— Да. Порядок, — я спешу отодвинуться от него в сторону.

Миднайт думает, что его прикосновение неприятно мне, хотя на самом деле я чувствую неловкость, и убирает руку.

— Я хочу, чтобы ты кое-что прочла, — внезапно заявляет он, приподнимаясь с дивана.

Мне становится любопытно, но внешне я стараюсь оставаться не тронутой заинтересованностью. Когда раздаются его плавные, отдаляющиеся шаги, поднимаю голову, чтобы понаблюдать, как Миднайт берет со спинки кресла свой пиджак и достает из внутреннего кармана книгу. Он возвращается ко мне и протягивает ее.

— Что это? — спрашиваю я, принимая в руки вещь в мягкой, потертой обложке из темно-коричневой кожи.

— Дневник Дианы Гарнер, — отвечает Миднайт, а затем дает пояснение на мой немой вопрос в глазах. — Я попросил об одолжении забрать его на некоторое время, и та семья из Иерусалима любезно согласилась.

Я окидываю его недоверчивым взглядом и принимаюсь разглядывать старую тетрадь, от которой веет тайнами чужой истории и прошлым. Я вдыхаю запах пожелтевших страниц, исписанных витиеватым, аккуратным почерком и отмечаю, что записи двухсотлетней давности находятся в превосходном состоянии, будто прошло несколько месяцев с момента их написания.

Поначалу я не уверена в том, что могу прочесть личный дневник своего предка. В смысле, кому бы понравилось, что копаются в его мыслях? Даже если с момента моей смерти пройдет два века, я бы не хотела, чтобы мой личный дневник был кем-либо прочтен.

Однако я готова забыть о солидарности и нарушить конфиденциальность размышлений Дианы Гарнер, чтобы найти ответы на тревожащие меня вопросы, узнать больше о Тардесе, Исфафиле и ведьмах своего рода. В конце концов, возможно именно на страницах этого дневника кроется объяснение Тьме и информация о Скрижали: о том, как она действует, что случится, если взломать ее, и есть ли возможность избавиться от нее без смертельного исхода.

Я увлекаюсь чтением, поглощая строку за строкой и не замечая,

как стремительно спешит вперед время. Узнаю, что семья Моубрей разместила Тардес на месте, где сейчас находится главная площадь в Дайморт-Бич. Диана немногословна о близких Миднайта, упоминает лишь то, что их безмерное великодушие и самопожертвование во благо мира никогда не забудется ею. Женщина пишет о любви всей своей жизни — Бенджамине Коллинзе, о беременности от него и взрослении их дочери. Диана не желала, чтобы девочка знала о мире, в котором живет, полном опасностей и смертей.

«12 марта. 1840 год.

Я взяла с Бенджамина клятву, что если со мной что-нибудь случится, он увезет Сару и навсегда забудет дорогу в Дайморт-Бич...

Я ощущаю, как мрак сгущается над нами.

Безмятежные мгновения с моей семьей подходят к концу...

Я останавливаюсь на записи, сделанной шестнадцатого мая того же года.

Диана пишет об Исфафиле.

«Он явился из ниоткуда и принес непроглядный хаос. Бесплотный, безликий, вездесущий, веющий беспощадный холод смерти. Знаменосец приближающегося конца. Посланник, явившийся начать Страшный Суд.

Соприкоснувшись с этим безродным монстром, я едва не умерла, но узрела страшные картины грядущего, дни которого сочтены. Он истребит добро и зло, плохое и хорошее. Начало станет концом всему. Люди и демоны обречены на гибель в страшных муках...»

«...Он прокрадывается в сознание и сводит с ума. Его голос следуют за мною всюду, куда бы я ни пошла. Шепот просит творить ужасные вещи, я держусь из последних сил, чтобы не сдаться.

Он назвался Исфафилом и сказал, что конец близок.

Нам не спастись?

Нам не спастись...»

Следующие записи Дианы посвящены хронике жестоких событий, произошедших в Дайморт-Бич и не только. Она рассказывает о воздействии Исфафила на сознание людей, объясняя так:

«Нам кажется, будто все как прежде. Что мы — это все еще мы. Но нас больше нет. В наших сердцах уже цветет зло. Его сладкий аромат отравляет рассудок, и мы теряем себя, даже не понимая этого. Безвозвратно.

Мы становимся безумцами и убийцами.

Исфафил уничтожает мир руками людей. Он принимает облик наших мыслей и толкает к хаосу, чтобы мы погубили все вокруг и друг друга»

Последняя запись в дневнике ведьмы датируется двадцать четвертым июня — спустя два дня после того, как Гарнер и Моубрей совместными усилиями закрыли Тардес. Диана признается, что чувствует свой близкий конец, но она не сожалеет о принесенных жертвах, потому что у людей есть будущее. У ее дочери появился шанс прожить хорошую жизнь, как и мечтала женщина.

Я останавливаю чтение и утомленно прикрываю глаза. Паршиво. В дневнике нет ни слова о том, что я надеялась обнаружить. Миднайт говорит, что собирается принести напитки из бара, который так же есть в этом самолете, и бесшумно покидает салон, оставляя меня в одиночестве на какое-то время.

Я расхаживаю туда-сюда в течение нескольких минут, едва ли не выдергивая волосы на голове.

— Должно быть что-то еще, — бормочу себе.

Снова и снова пролистывая дневник, безуспешно пытаюсь найти зацепки, которые приведут меня к ответам. Миднайт возвращается с бутылкой шотландского виски «Джонни Уокер», двумя стаканами и ведерком со льдом.

— Мы приземлимся в Новом Орлеане через час, — извещает блондин.

Он ставит все на столик, кидает по три кубика льда в стаканы и плескает виски. Протягивает мне один, и я принимаю.

— Хорошо, — подношу стакан к губам, намереваясь сделать

маленький глоток, но все выпиваю залпом и морщусь, потому что горькая жидкость огненной лавой скользит по горлу, пробирая до мозга костей.

Миднайт присвистывает и отпивает свой виски.

— Нашла что-нибудь интересное? — уточняет он.

И только я собираюсь сказать, что ни черта в этом дневнике нет, как вдруг замечаю кое-что любопытное.

Запись, сделанная третьего июня, обрывается буквально на полуслове. Я переворачиваю страницу, но на ней стоит уже другая дата — шестое июня. Либо Диана забыла дописать предложение, либо скрыла от любопытных глаз то, что следует далее.

— Кажется, да, — уголки моих губ приподнимаются в улыбке, я поднимаю взгляд на Миднайта. — Но мне потребуется твоя помощь.

Заинтересовавшись, он подходит ближе.

Я выдвигаю версию, что, возможно, Диана воспользовалась магией, чтобы спрятать информацию, которая не должна была обнародоваться кем-либо. В детстве я постоянно что-то прятала от мамы, прибегая к заклинанию сокрытия. Оно довольно несложное, но поскольку мои силы блокируются сывороткой, я не могу развеять даже эту магию.

И я права.

Диана Гарнер действительно кое-что скрыла.

Именно то, что я так жажду узнать.

— Здесь ничего нет, — в недоумении хмурится Миднайт, разглядывая появившиеся листы.

— Ты не видишь? — удивляюсь я, потому что мои глаза не могут меня обманывать.

Заклинание рассеялось, и возникло продолжение записи от третьего июня с пояснением о Скрижали и о Тьме. Обо всем, что может помочь мне избежать смерти.

Меня охватывает трепет, когда я провожу пальцами по слегка неровному почерку, едва-едва вчитываясь в слова.

ДЖЕЙН

Мне бы хотелось винить этот мрачный, маленький город в своей беспросветной депрессии, но проблема в том, что он не причем. Один человек, который в нем живет, который мне очень дорог, кажется, сегодня отпустил меня. Он смог. У него получилось.

А у меня — нет.

Пусть я покажусь слабачкой, глупой и наивной, но я продолжаю любить Эйдена. Это никогда не прекратится. Даже в тот момент, когда я больше не буду хотеть его целовать, обнимать и беспрестанно о нем думать, я буду любить этого человека. Этого мужчину, которому удалось изменить мой мир. Который смог разобрать мою собственную вселенную на части вот уже в третий раз. Но теперь он ушел.

Отпустил. Так будет правильно. Я перевернула страницу, начала новую жизнь. Возможно, потеря памяти подтолкнула меня к этому не просто так. Возможно, так должно было случиться. Отныне я с Россом и полюбила его, отдала ему свое сердце. Я буду держаться за это. Не стану плакать.

М83, конечно, не способствуют поднятию настроения. Я делаю музыку чуть громче, разваливаясь на диване в гостиной, и вновь поднимаю бокал белого вина с журнального столика. Хорошо, что Оливия с папой отправились к ее родителям на все выходные. Им не увидеть, как только что мне на щеку упала слеза. Я быстро утираю ее, заставляя себя думать, что мне показалось.

Я не плачу. Я не буду. Я сильнее. Я приму все, как данность. Тем более, учитывая нынешние обстоятельства, неизвестно, кто останется жив вскоре, а кто — нет. То, что мне удалось выжить в той жуткой аварии, не значит, что я не могу вновь оказаться на смертном одре. Если Исфаила не уничтожить, он никого не оставит в покое. Но если бы было возможно отдать свою жизнь взамен тех, кто мне не безразличен, я бы сделала это. Вернулась бы снова в эту мерзкую дыру, окутанную мраком и смертью, чтобы спасти тех, кого люблю.

Телевизор работает бесшумно. По одному из кабельных телеканалов уже третий час идут старые серии шоу: «Звездное выживание с Беаром Гриллсом». Оливия ярая фанатка этой передачи, она не пропускает ни одного эпизода, а если такое случается, то ей в

подмогу идет интернет. Я даже не концентрируюсь на изображении, разрешая грустным мыслям полностью завладеть моей головой.

Очередной бокал вина осушен, очередная песня французского коллектива подошла к концу, но мой айпод быстро включает следующую, погружая меня в еще более депрессивное состояние. Я подпеваю солистке, подливая себе еще алкоголь из бутылки, и с удивлением отмечаю, что содержимого осталось совсем немного. Нет, я не чувствую себя пьяной. Мне просто плохо. Я благодарна тому, что ко мне вернулись воспоминания, но от этого стало больнее. Хуже.

Дерьмово, если твоя жизнь тебя не устраивает.

Расположившись удобнее, я допиваю алкоголь и уже бросаю взгляды на холодильник, вспоминая, не завалилось ли там еще что-то. А потом мне в голову приходит гениальная мысль, что не все спиртные напитки можно хранить в холодильнике. Значит, в маленьком кабинете отца запрятана небольшая заначка бутылок, на этикетке которых значится градус выше двадцати. Но моим планам не суждено сбыться, поскольку в дверь кто-то звонит. Мой слегка пьяный мозг принимается лихорадочно размышлять, кто это может быть. Я стараюсь не выходить из дома. Росс и Эйден — тоже. Я даже не проверяла, приходили ли мне новые сообщения, забросив смартфон в ящик прикроватной тумбы. Мне просто было все равно. Придя домой, я хотела остаться одна. И выпить.

Поднявшись с дивана, я успеваю поставить пустой, высокий бокал в раковину, а бутылку, на дне которой не осталось ни капли, выбрасываю в мусорную корзину. Обычно я смотрю в зеркало, поправляю волосы и убеждаюсь в том, что выгляжу не так плохо, как могла бы. Но сегодня ничего из этого мне делать не хочется. И плевать, что мои синяки под глазами ужасны.

Опершись о дверной косяк, на пороге стоит Эйден. Он поднимает на меня взгляд голубых глаз, смотря из-под сведенных у переносицы бровей. В правой руке парень держит... текилу. Вот черт. Он тоже выпил, но действительно пьян. Мой бывший пил после нашего сегодняшнего разговора очевидно не кофе.

— Что ты здесь делаешь? — взволнованно вопрошаю я.

Эйден усмехается себе под нос.

— Привет, — а потом машет алкоголем перед моим лицом.

Я складываю руки на груди и хмурюсь, озабоченная его неожиданным появлением. Эйден прикусывает щеку изнутри, а спустя несколько секунд горлышко бутылки уже оказывается приближенным к его губам.

Губам, которые я раньше целовала. Любила целовать...

— Я не понимаю, что происходит, — поспешно признаюсь я, и парень перебивает меня, выставив руку.

Я замолкаю на полуслове, пока он буравит меня своими глазами. Пьян. Совершенно пьян.

— Все хреново, — произносит шатен разбитым голосом.

Затем он говорит что-то еще, но я едва могу различить, что именно пытается сказать мне Эйден. Грустно засмеявшись, парень продолжает, только теперь относительно отчетливо:

— Это дерьмо, понимаешь?

Взглянув на меня, он разводит руками. Его в меру широкие плечи приподнимаются.

— Я в дерьме, Джейн. Я не хотел всего этого.

Он сгибает одну ногу в колене, и чуть было не валится вперед. Благо, мне удастся предупредить падение. Я задерживаю Эйдена, он сам приподнимается, держась за дверной проем. Наши лица очень близко друг к другу, но я, вспомнив об утренней и печальной беседе, прочищаю горло и тороплюсь отдалиться.

В следующее мгновение мы оба поворачиваемся на внезапный, яркий свет и рев мотора, что глушится буквально в секунду. Из знакомой мне машины выходит Росс Картер, а его брат тут же меняется в лице, становясь суровым и жестким. Все происходит очень быстро. Если бы даже я сообразила с такой же скоростью, то не успела бы ничего остановить.

Эйден сбегает по крылечной лестнице, пересекает двор по диагонали и, подобравшись к брату максимально близко, врзает тому по челюсти. И удар получается настолько тяжелым, что Росс валится на землю. Мои руки подлетают ко рту, когда с губ срывается невольный вздох.

— О, Боже, — удастся прошептать мне.

Эйден кричит Россу.

— Вставай! — он тормозит носком ботинка тело парня. — Вставай же. Ответь мне!

Росс поднимается, но не так скоро, как я на это рассчитываю. В то время уже спешу к ним, чтобы прекратить эту странную и непонятную мне ситуацию. Прежде чем Эйден успевает снова поднять кулак, я встаю между ним и Россом.

— Какого черта здесь происходит?! — возмущаюсь громко и абсолютно обоснованно.

Никто из них не разговаривает со мной. Я поворачиваюсь к одному, потом ко второму, но эти двое с яростью в глазах пялятся друг на друга, не удосуживаются и слово вставить, чтобы объяснить, какого хрена у них случилось.

— Слушайте... — начинаю, глубоко вздохнув.

Я не договариваю, потому что Эйден переходит в нападение. Он машет руками, и только сейчас я понимаю, что текилу он выбросил куда-то на газон.

— Тебе вообще здесь не место! — орет младший из братьев, его лицо багровеет, а я не на шутку пугаюсь. — Зачем ты приехал? Я хочу, чтобы ты убрался НАХРЕН ОТСЮДА!

Последние слова Эйдена звучат, словно чертов приговор. Кажется, я уменьшаюсь до невозможно крошечного размера. Сердце в груди стучит, как бешеное. Мне страшно, честное слово. Это не может не пугать.

— Ладно, — совладав с собой, вновь пытаюсь вставить хоть одну фразу. — Хорошо, парни, немедленно успокойтесь...

И эта моя попытка тут же венчается провалом. Росс раскидывает свои длинные, мускулистые руки в стороны.

— Это моя девушка, — указательные пальцы его рук «смотрят» на меня. — И лишний здесь ТЫ, — при этом Росс вскидывает ладонь и машет ею в направлении Эйдена.

Тот вновь загорается жадой двинуть собеседнику по скуле, но я становлюсь препятствием для драки. Знаю, им хочется выпустить пар, выбить друг другу зубы, но вся подобная дрянь меня не привлекает, и видеть я это совсем не хочу.

Мне страшно задать вопрос, ответ на который не смогу услышать, но я должна.

— Что вы оба здесь делаете? И почему вы ругаетесь?

Это уже два вопроса. Я знаю, что это из-за меня. Наверное. Определенно. Из-за чего же еще? Но раньше они же как-то ладили. Почему сейчас?

Мои слова остаются проигнорированными. Парни продолжают кричать маты, рискуя разбудить соседей. Если те вызовут полицию, это плохо скажется на репутации папы. Поэтому перед тем, как попросить их войти в дом, я позволяю себе в последний раз повысить голос.

— ПОЧЕМУ ВЫ ПЫТАЕТЕСЬ УБИТЬ ДРУГ ДРУГА? — чуть не разорвав горло, выдаю я. И наконец-то (наконец-то!), парни замолкают, прислушиваясь ко мне.

Эйден кивает подбородком на Росса.

— Пусть лучше тебе твой герой расскажет.

Я оборачиваю лицо к Россу, но тот качает головой, опустив глаза вниз.

— Я не хотел этого, ты знаешь. Я рассказал тебе, как обстояло дело, он отвечает Эйдену.

Я вмешиваюсь в напряженный разговор.

— Не хотел чего? — давление в моей интонации никуда не спрятать. — Не хотел чего, Росс? — встав к нему ближе, спрашиваю снова.

Молчание затягивается, а Эйден с горечью выдавливает:

— Расскажи ей.

У меня внутри все обрывается. Боже мой. Что произошло? Я не могу не чувствовать свою бесполезность, пока не получается добиться от Росса правды, но он настойчиво прячет от меня взгляд.

У Эйдена всерьез срывает крышу.

— РАССКАЖИ! — кричит он как умалишенный.

Я подскакиваю, быстро развернувшись к нему.

— Эйден, — безмолвно шепчу я, — что с тобой?

Только он концентрирует внимание не на мне, а на своем брате. Приближаясь понемногу, парень продолжает говорить с видом человека, не боящегося ничего. Я пячусь назад.

— Не хочешь? Ладно, — облизнув губы, он сокрушенно опускает руки. — Тогда вот что... Тебе, наверное, понравится новость о том, как мы с Джейн целовались сегодня утром на трибунах. А точнее, это было в полдень, правда? В полдень же? — спрашивает у меня Эйден, как ни в чем не бывало.

Я перестаю ощущать землю под ногами, мои глаза, скорее всего, лезут на лоб. Я поражена тем, что он так поступает, тогда как то, что случилось в начале дня, было нечто интимным, что должно было остаться только между нами. Я смаргиваю слезы, глядя на Эйдена, глаза которого краснеют. На его губах играет злая ухмылка, но Росс быстро стирает ее, замахнувшись на брата и ударяя прямо в висок. Теперь очередь младшего Картера падать на газон. Росс сплевывает и только после этого фиксирует на мне яростный, полный злобы взгляд. Я не принимаюсь вдаваться в объяснения. Зачем? Для чего? Есть ли в этом толк?

— То, что он сказал — правда? — оставаясь стоять на том же месте, гневно спрашивает парень.

Мне бы хотелось сказать: «Нет», но я не привыкла врать. Когда я не отвечаю, Росс звереет.

— Правда?! — рычит он.

Я не киваю, но не отвожу глаз, и он понимает все без слов. Взбрасывает руки кверху, сердито усмехается и спешит уйти. Он быстро садится в машину, заводит мотор, а я не могу даже пошевелиться, глядя на то, как мужчина, без которого я уже не представляю себя, уезжает.

На задний план тут же отправляются драка братьев, маты, свет в окнах соседей, мои нескончаемые вопросы. Все перестает иметь значение, кроме исчезнувшего с горизонта джипа Росса Картера и Эйдена, поднимающегося на ноги. К моему удивлению, и он двигается к своему автомобилю. Его походка ленивая, нетрезвая. Прежде чем скрыться за стеклом тачки, Эйден решает удостоить меня бесстрастным взглядом. Он видит, как я зла на него, как мерзок мне сейчас, но, по всей видимости, его этот факт вовсе не смущает.

— Не плачь, Джейн, и извини меня. Хотя, — ладонь ложится на

руль, — может, я даже сделал тебе одолжение. Если вдруг мы все останемся живы, оставь этот город. Тебе не нужен ни убийца, ни его брат.

Дверь автомобиля захлопывается в одно мгновение. Меньше, чем через минуту машина Эйдена следует за джипом Росса. Они оба оставляют меня с огромным количеством вопросов и жутким недоумением. Я никогда в жизни не чувствовала себя так. Перед глазами плывут буквы, составляя слова и предложения, которые я не в силах произнести вслух.

Убийца и его брат?

Какого черта?!

ГЛАВА 23

АННА

Миднайт раздражен тем, что не может прочесть скрытое в дневнике Дианы Гарнер. Но я могу, и прочла — даже несколько раз, — чтобы полностью осмыслить сказанное моим предком. И, наконец, утолив свое жгучее любопытство, я не испытываю ожидаемой радости. Скорее наоборот.

Я загнана в самую глубокую задницу.

Диана Гарнер обратила свою душу в Скрижаль, удерживающую Исафила внутри Тардеса. Когда она умерла, Скрижалью стала душа единственной родственницы женщины — младшей сестры. После кончины Амелии, бремя перешло к ее дочери, затем к внучке и так далее. Таким образом, Диана наделила обязательством все следующие поколения ведьм Гарнер, не оставив выбора и шанса избежать этого, принудив к непоколебимому исполнению задачи нашей семьи. Жить и продолжать род, чтобы зло оставалось внутри загробной тюрьмы.

Это проклятие в истинном виде, которое будет преследовать нас из столетия в столетие, касаясь каждого поколения.

Из этой неприятной истории следует вывод, что только гибель души ведьмы Гарнер взломает печать. Проще говоря, мне всего лишь нужно умереть, чтобы Миднайт вернул свою семью.

Но есть еще кое-что.

После смерти мамы ко мне перешло не только бремя Скрижали, но и сила хуже и страшнее той, что таится в Тардесе.

Диана Гарнер назвала ее Тьмой.

Это — еще одна тайна нашей семьи, уходящая корнями в далекое прошлое. Помимо Скрижали ведьм Гарнер связывает Тьма, которая так же передается «по наследству». Тьма — беды и несчастья нашего рода, скопление всего отрицательного, что когда-либо и у кого-либо из Гарнер случилось в жизни. Словно нарастающий снежный ком, Тьма несется сквозь время, поколения, впитывает в

себя негативную энергию ведьм и от этого становится могущественнее.

Диана не знает, как появилась эта страшная сила. Женщина пишет, что Тьма всегда была поблизости с нашей семьей. Почему именно наш род способен владеть ею? Нет. Будет правильнее сказать, что Тьма владеет нами, мы лишь контролируем себя, когда наступает ее время пробудиться, и неизвестно, где находится эта граница, отделяющая жизнь от погружения во мрак.

Избавив меня от метки, Ешэ выпустил нечто зловещее, и теперь я знаю, что именно. В дневнике Диана так же описала, какой ущерб несет неспособность усмирять Тьму.

Подведя итог, я могу смело записаться в ряды мертвецов.

Я обречена в любом случае. Если меня убьет не взлом Скрижали, то Тьма поджарит мозг и, в общем-то, тоже ничего хорошего.

Кадиллак эскалейд проносится мимо таблички: «Добро пожаловать в Дайморт-Бич», и на меня накатывает странное чувство. Необыкновенное волнение, устроившее погром и без того в захламленной проблемами голове, становится причиной тому, что я сгрызаю все ногти на своих руках.

Миднайт щелкает меня по лбу, на секунду отвернувшись от дороги.

— Прекрати. Это раздражает.

— Понятия не имею, что тебя не устраивает, но мне плевать, — объясняю я.

— Когда ты в последний раз мыла руки, Анна? — его лицо искривляется в гримасе отвращения.

Боже. В нем снова проснулся величайший зануда в истории.

— Случилось то, чего все так боялись... — ерничаю я, закатывая глаза. — Seriously, черт возьми? Я одной ногой в могиле, а тебя заботит, когда я мыла руки?

— Микробы убьют тебя быстрее Тьмы, — прокашливается Миднайт, возвращая своему лицу серьезное выражение.

— Думаю, ты самый главный претендент на роль моего убийцы.

— Я не хочу твоей смерти и уже говорил об этом. Сколько нужно повторять, чтобы ты поверила?

Я рассказала ему о том, что прочла в дневнике Дианы. В-первых, он изрядно выбесил меня просьбами ничего не скрывать. Во-вторых, грозил тем, что в любом случае заставит сказать, используя магию. В-третьих, внезапно для себя я поняла, что готова сдаться. Поэтому я решила запихнуть свои чувства как можно глубже и запереть их на семь замков, а все ключи раскрошить и рассеять прахом по бесконечной долине всепоглощающей апатии.

Дайморт-Бич — место, где все началось.

Этот город станет и моей гробницей.

— У меня есть план, — говорит Миднайт и замолкает. Он выдерживает долгую паузу, наверное, надеясь заинтриговать меня, но мне по-прежнему без разницы. Блондин громко вздыхает, разочаровавшись из-за отсутствия ожидаемой реакции. — Прояви хоть каплю интереса, или ты поставила крест на своем будущем?

— Да что с тобой не так, приятель? — я кидаю в его сторону недовольный взгляд. — Разве ты не этого добивался? Чтобы с моим будущим было покончено? Ты готов поставить жирную точку на судьбах всех других людей ради себя любимого. Так какое тебе дело до моей жизни? Просто избавь меня, наконец, от твоего присутствия и верни свою семью.

Миднайт резко давит на педаль тормоза, и от неожиданной остановки машины я едва не ударяюсь носом о лобовое окно.

— Ты спятил?! — я собираюсь накинуться на него с гневной тирадой о том, что прежде чем делать нечто подобное, нужно предупреждать.

Но Миднайт безмолвно покидает Кадиллак, заглушив двигатель, обходит его спереди, чтобы и меня вытащить наружу. Он отстегивает мой ремень безопасности и бесцеремонно хватает за локоть, а затем тянет на себя. У меня спирает дыхание, когда Миднайт кладет свои руки на мою талию и приподнимает, чтобы усадить на капот внедорожника. Я растерянно смотрю на парня и то, как он раздвигает мои ноги, чтобы устроиться между ними. Его ладони соскальзывают с моих боков и устраиваются на блестящей поверхности автомобиля по обеим сторонам от бедер.

— Ты не права, — по слогам произносит голубоглазый бог красоты и наклоняется ко мне, оставляя между нашими лицами ничтожно маленькое расстояние. — Точнее ты права, но мне было плевать на твою жизнь лишь в начале пути, который мы прошли вместе.

Мне хочется закусить нижнюю губу, когда Миднайт касается моей щеки одной рукой, полностью накрывая ее.

— Анна, — похоже, он намеревается свести с ума, потому что, слушая его проникновенный голос с хрипотцой, я способна думать лишь о том, как потрясающе целуется Миднайт. — Я скажу это об этом лишь раз. Здесь и сейчас. Если ты умрешь, мое сердце снова будет разбито. Понимаешь? Я не готов прощаться с тобой и тем более терять навсегда. Поэтому я хочу попросить тебя не сдаваться, продержаться еще чуть-чуть.

Он вызывает у меня еще большее потрясение, когда целует в лоб. Нежно и мягко касается губами, замирая в таком положении на несколько секунд. Мои мышцы атрофированы безотчетным трепетом, и я готова растечься лужицей прямо на капоте этого автомобиля.

— Так ты выслушаешь мой план? — отстранившись, спрашивает Миднайт.

Я киваю, до сих пор не в состоянии пошевелиться.

— Я могу попытаться извлечь твою душу, и ты освободишься. От бремени Скрижали и Тьмы. Твоя боль прекратится, — он берет мои ладони в свои руки и несильно сжимает. — Конечно, есть риск, и он велик, но если все получится — у тебя будет шанс начать свою жизнь с чистого листа. Без магии и всего того, что угнетало тебя. Как человек, Анна.

Миднайт шумно втягивает в себя воздух, и его взгляд устремляется на меня с искренней уверенностью.

— Мы должны попытаться.

Фамильяр, прежде чем поставить наш багаж на крыльцо, посылает мне взгляд через плечо. Я откашливаюсь, опустив глаза, и обхожу его, чтобы открыть дверь. Он стоит позади, и я чувствую его дыхание: мятное, быстрое, взволнованное.

Ладно... Это мне стоит нервничать. Это я собираюсь вновь увидеть то, с чем распрощалась. Со своим домом. Мысленно поздоровавшись с фасадом здания, я готовлюсь к тому, чтобы не расплакаться. Замок быстро поддается с характерным скрежещущим звуком, и мы оказываемся на пороге пыльной прихожей со старой мебелью в темно-коричневых тонах. Этот шкаф... Зайдя внутрь, я провожу по нему ладонью. Мама отобрала его у другой покупательницы в магазине, который закрылся лет восемь назад. Тяжело вздыхаю. Боже... все воспоминания нахлынули морской волной. Мне безумно жаль, что теперь ее нет со мной. И мне ужасно жаль, что я не ценила ее присутствие рядом.

Я была плохой дочерью. Недостойной.

— Пройдем вперед, что ли? — беспечно отзывается Миднайт, мешая мне поддаться меланхолическому состоянию.

В ответ на его комментарий я громко вздыхаю.

— Тут мило, — добавляет он.

— Угу, — отзываюсь я, глотая слезы.

Парень заносит наши вещи в дом и оставляет их у подножия лестницы в гостиной. Он внимательно оглядывает меня, но, к счастью, не произносит никаких паршивых слов поддержки. Мне не нужно это.

Миднайт спешит направиться на кухню. Я иду за ним. Медленно, решительно. Смотрю, как блондин с интересом осматривает все: интерьер, кухонный островок, всю утварь и технику. И, наконец, кладет свою большую, мужскую ладонь с длинными, красивыми пальцами на дверцу холодильника. Кажется, все, что происходит, он делает демонстративно. Возможно, Миднайт пытается вызвать у меня смех, или что-то вроде того. Ладно, сдаюсь... у него получается заставить меня улыбнуться. Хорошо? Ему легче от этого?

Взглянув в мою сторону еще раз, Миднайт кривит лицо и открывает холодильник. Перед тем, как уехать, я выключила его, но противный запах все равно остался. И парень театрально машет рукой у своего лица, морщит ровный, аристократический нос, чтоб его.

— Прекрати, — мычу я, выходя вперед.

Закрыв серебристую дверцу, Миднайт, подобно миму, безмолвно пожимает плечами, как бы соглашаясь.

— Не станешь разговаривать со мной?

Он складывает руки на груди.

— Тебя все равно раздражает все, что я говорю, — отвечает русоволосый бог секса.

Да-да, мне не забыть ту ночь...

— О, Господи! — нарочито громко восклицаю, вскинув ладони кверху. — Ты сказал что-то путное. Хоть раз в жизни...

Следующий жест совершенно для него не характерен, но все же Миднайт преспокойно показывает мне язык, после вновь подойдя к чемоданам, чтобы поднять их наверх. А я проверяю карманы своей теплой осенней куртки. Черт. Ноль. У меня ни цента не завалялось. Но должно же быть хоть что-то. Хоть немного денег.

— Эй! — положив руку на перила, кричу я так, чтобы красавчик наверху точно меня услышал. — У тебя есть бабки?

Миднайт тут же спускается вниз.

— Чего? — на бегу спрашивает он.

— Деньги, — повторяю я, — нам нужны деньги, а у меня их нет.

Состроив смешную гримасу, фамилльяр качает указательным пальцем, приблизившись ко мне.

— Агааааа, — забавно протягивает он, — значит, ты тоже хочешь кушать!

Я хватаю ладонью его милый пальчик и обещаю Миднайту, что сломаю эту часть его кисти, если он не перестанет дурачиться. Тогда он, уныло вздохнув, достает из внутреннего кармана бушлата пластиковую карту и передает мне.

— Сколько там? — я выхватываю ее из руки парня.

— Тебя нужно научить манерам, — ворчливо отзывается Миднайт. — Достаточно, не волнуйся.

Я улыбаюсь с притворной вежливостью и спешу к выходу.

В моих наушниках гремит песня **Three Days Grace «I hate everything about you»**, когда я возвращаюсь с бумажным пакетом,

полным продуктов, домой. Иду по знакомым улицам, сворачивая и сворачивая, пока не оказываюсь на той, где живу. Магазин не так далеко отсюда, так что я решила пройтись пешком. По крайней мере, у меня есть время, чтобы обо всем подумать, а трек, звучащий у меня в ушах, не дает забывать, что к Миднайт у я не должна иметь никаких теплых чувств.

Лучше вообще выкинуть из головы все мысли и подойти к... Джейн Мортис.... Поздороваться....

Я не успеваю шагнуть в направлении первого дома на своей улице, когда замечаю ее у двора шумной блондинки Синтии. Они часто были вместе во время учебы в колледже. Значит, подружки, да? Дом девушки находится через дорогу примерно в четырехстах ярдах от того места, где я стою. И, крепче прижав к груди пакет, я смело иду к Джейн. Рядом с ней вдруг появляется Синтия, они вместе достают из машины брюнетки какие-то вещи: плакаты? Нет, больше похоже на рисунки в рамках? Не знаю, может, у них день художественного образования, или что? Да меня это и не касается. Я просто хочу отвлечься. И мне нужно поговорить со знакомым человеком, который не покинул город, как я, и которому известно, что здесь произошло за время моего отсутствия.

Мне осталось преодолеть совсем немного расстояния между нами, а Джейн уже случайно замечает меня. И она вздрагивает. От страха. Без шуток. Я буквально чувствую, как ее дыхание становится неровным, и как она крепко сжимает ладонью край двери своего джипа.

Хей, девочка, спокойно. Я же не Дьявол.

— Привет, — оптимистично здороваюсь я с девушками, стараясь не обращать внимания на внезапную панику мисс Мортис.

Хм... О`кей, дочку мэра можно понять. Последний раз, когда мы с ней виделись, был не самым удачным в нашей жизни. Тот грубый и мощный парень, по-моему, брат Эйдена, променял мою жизнь на жизнь Джейн. Так что это мне положено шарахаться, а не ей.

Синтия, лучезарно улыбаясь, салютует мне, а Джейн пытается справиться со своим состоянием. Чуть позже она тоже выдавливает скупое: «Привет».

— Как дела? — просто интересуюсь я.

Как самый, черт возьми, обычный человек. Почему эта модель из Чикаго не может вести себя так же? Почему она смотрит на меня, как на зверушку в зоопарке?!

— Готовимся ко дню рождения, — отвечает Синтия за обоих.

Блондинка пожимает плечами. Улыбка не сходит с ее очерченных губ. Я наблюдаю за тем, как палец ее правой руки нерешительно поднимается вверх и она указывает им в мою сторону.

— Анна, верно? Ничего не путаю?

Я хочу поддержать атмосферу непринужденности и усмехаюсь непосредственно и просто.

— Она самая. Анна Гарнер.

— Будем считать это вторым и официальным знакомством, — Синтия двигается вперед и подает мне руку для пожатия, а я отвечаю на этот приветливый жест, придерживая в сгибе локтя купленные товары.

А потом вскидываю многозначительно бровь, посмотрев на Джейн. Я тоже протягиваю ей ладонь, надеясь, что она не отвергнет меня при подруге. Брюнетка вся белеет. Она с трудом сглатывает и все же наклоняется совсем чуть-чуть, чтобы стиснуть в своей конечности мою.

Можно поставить этой девчонке памятник за храбрость. А мне — за мой неугомный сарказм.

Но все веселье улетучивается сразу же, как только я соприкасаюсь с рукой Джейн и заглядываю ей в глаза. Меня прошибает мощный импульс неизвестной силы, которая связывает нас, сливая воедино наши мысли, чувства и сознание. Ее воспоминания становятся моими. Я словно проникаю в самую глубь сущности Джейн, пронизывая ведьминским взором ее разум. И это чертовски странно, потому что действие сыворотки прекратится только к завтрашнему вечеру.

Боже...

Внутри девушки сплошная чернота. У меня возникает желание незамедлительно разжать ладонь Джейн и убраться как можно дальше, потому что от нее веет зверским, пробирающим до самых костей холодом. Почему у обычного человека такая мрачная аура?

Вокруг нее витает мрак в самом буквальном смысле. Он густой и зловещий.

Но затем я вижу нечто, что ужасает меня больше, чем сияние мглы, ореолом окутывающей Джейн.

В центре грудной клетки — чуть выше солнечного сплетения — зияет небольшая сфера глубинной тьмы. У души нет цвета, но она мерцает. В зависимости того, сколько ужасных поступков совершает человек за свою жизнь, мерцание блекнет и бесследно исчезает после смерти. Но никогда прежде я не видела такой темной души.

Я не хочу касаться этой тьмы, но что-то насильно толкает меня в черноту. Я исчезаю в ней, распадаюсь на атомы и растворяюсь в плотном, вязком тумане. Он целиком засасывает меня, отрезая все пути к теплоте и свету.

А затем я начинаю очень отдаленно слышать голоса: мужские и женские, низкие и высокие, громкие и приглушенные. Вслед за ними появляются расплывчатые картинки, которые со временем приобретают ясность, и вот я могу четко видеть то, что мне показывает чернота в душе Джейн.

Я словно сижу в первом ряду кинотеатра перед огромным экраном и наблюдаю мелькающие со скоростью света отрывки прошлого и настоящего девушки. Не в состоянии пошевелиться, я прикована к месту зрителя и вынуждена смотреть документальный фильм о бывшей девушке Эйдена.

Я вижу и чувствую каждой клеточкой своего тела мучения, нескончаемые терзания и невероятное одиночество. Я соприкасаюсь с беспощадной болью и безумным кошмаром, в котором побывала душа Джейн прежде, чем выбраться в мир живых.

Запретная дверь приоткрывается, и через чужие воспоминания я заглядываю в Тардес. Зрею то, что не должна, что может с легкостью свести с ума и пропустить через мясорубку рассудок. После экскурсионного тура в пристанище Исрафила я могу отправиться в лечебницу для душевнобольных в качестве беспомощного овоща, которым стану.

Но бесконечная жалость к хрупкой Джейн Мортис резко сменяется недоумением, страхом и злостью. Израненная душа девушки была на грани отчаяния, и в один момент она действительно сдалась, заключив договор с монстром, чтобы вернуться к людям,

которых любит, которым дорога.

Могу ли я осуждать ее поступок?

Нет. Я бы не продержалась и дня в том гиблом месте. То, что пережила Джейн, не поддается моему пониманию.

Но я в ужасе, потому что Тардес открыт. Потому что Исфафил выбрался и теперь разгуливает по миру, строя планы по его скорейшему уничтожению.

Будет ли уместной моя ничтожная радость за свою жалкую душу, которую не коснется участие в освобождении семьи Миднайта? Ведь все уже случилось.

Мне кажется, что видения вот-вот оборвутся, и я вернусь в реальность, но это глубокое заблуждение, потому что все самое жуткое только начинается. Прошлое стремительно переплетается с будущим, и мне открываются картины грядущего.

Величайшие бедствия обрушатся на мир людей, все погрозится войнам и смертям, которым не будет конца. Человечество захлестнет невиданное, яростное безумие, оно и положит конец. Этим гневом будет Исфафил. Он внесет раздор, и: *"Брат убьет брата, и будет конец всему роду людскому"*... (цитата из фильма "Омен" 2006 года). В конце не остается ничего и никого. Там, где была жизнь, будет цвести пустота. Смерть воздвигнет себе трон на костях, обращенных в прах ненависти, сметающей всех и вся.

Я вижу свою гибель, смерть Миднайта и тех, кого когда-либо знала. Их предсмертные вопли уничтожающей агонией вливаются в мое сознание, сжигая дотла.

Вдруг я вынырываю из беспроглядной темноты на поверхность, делаю такой глубокий, разбивающий вдребезги окружающий мир вдох, что воздух едва не разрывает мои легкие. Я разжимаю ладонь Джейн и пачусь назад в неопишом ужасе. Я слышу звук собственных рыданий и ощущаю горячую влагу на лице. Меня пробивает лихорадочная дрожь, которую я не могу контролировать.

— Ты в порядке? — в испуге спрашивает Джейн, делая шаг в мою сторону.

— Не подходи! — вскрикиваю я, вскидывая руку. — Не подходи... не подходи ко мне...

— Я же говорила тебе, что она странная, — шепчет Синтия Джейн, когда я разворачиваюсь на ходу, чтобы уйти.

Я оставляю за своей спиной двух недоумевающих девушек, которые наверняка потратят ближайший час на сплетни о том, что только что произошло. Я бегу к дому, понимая, что уже ничего не будет как прежде. Несколько минут назад все изменилось. Я невольно наткнулась на лазейку и заглянула в ближайшее будущее. Перед тем, как разнести к чертям собачьим мир живых, Исрафил начнет с Ада. Но демонов и ангелов смерти ждет не такая страшная участь, как людей. С ними будет покончено буквально одним щелчком пальцами. Вот демоны были — и вот их не стало. Безболезненная, мгновенная смерть. Заслуживают ли создания Ада такого без преувеличения божественного милосердия?

Несправедливо.

Так не должно быть, черт возьми!

Неужели нас всех ждет неминуемый конец?

Мне остается сделать несколько шагов, и я окажусь на пороге своего дома. Легкий голод сменяется тошнотворной, головной болью. Неожиданно возникшее ощущение, что в спину упирается чей-то ледяной взгляд, заставляет меня остановиться. Я врастаю в землю и замираю, будто угодив в невидимый капкан.

— Анна.

В меня одновременно ударяет сотней молний... по крайней мере, я так себя чувствую, когда слышу позади голос мамы. В какой-то неуловимый момент на меня накатывает облегчение, и я хочу поскорее обернуться, чтобы подойти к самому близкому мне человеку и обнять так крепко, насколько хватит сил; напомнить себе, что нужно больше разговаривать друг с другом, потому что у судьбы чудовищные превратности.

А затем приходит разрушительное осознание безжалостной истины, заключающейся в том, что моя мама мертва, но голос за моей спиной принадлежит ей.

Мама. Мама. Мама.

Пусть даже это иллюзия, я все равно хочу увидеть ее. Хотя бы на секунду зацепиться взглядом за родные черты лица и набраться сил, чтобы двигаться дальше. Невзирая ни на что — даже на конец света,

поджидающий мир за углом.

— *Взгляни на меня,* — раздается шепот, и я вздрагиваю.

Оцепенение исчезает так же внезапно, как и заключает в кандалы. Я быстро оборачиваюсь, но не улавливаю присутствия человека, по которому скучаю больше всего на свете.

— *Я рядом, Анна.*

Голос слышится повсюду, со всех сторон света одновременно.

— Мам, — зову я, чувствуя себя глупо.

Моя реакция несурозна. Я полностью отдаю себе отчет в том, что обращаюсь к воздуху, моей скрежещущей боли. Я жду, что пустота ответит мне и избавит от всех оттенков скорби и печали. Но такие чудеса не случаются с человеком, вроде меня. Неприятности — мой лучший друг, а удача всегда будет нестись впереди, не оставляя другого варианта, кроме как завистливо смотреть ей в спину.

— *Я — твоя мать, Анна,* — вновь звучит шелестящий шепот. — *Твоя кровь, плоть и кости... Я рядом. Всегда была. Впусти меня, и я покажу тебе, на что мы будем способны вместе. Я и ты. Навсегда. Нас ничто не остановит.*

Я кручусь на одном месте, пытаюсь обнаружить источник звука.

— *Ничто, ничто, ничто...* — разносится эхом.

Дурманящая дымка рассеивается, и я понимаю, что выдаю желаемое за действительное. Этот голос — не моей мамы. Кто-то пытается ввести меня в заблуждение и окончательно выбить из колеи.

Я не могу допустить этого.

— Кто ты? — с внезапной твердостью обращаюсь я к тому, что кроется в ночной темноте, проносится с пробористым ветром.

— *Тебе известно, кто я... что Я.*

У меня трясутся поджилки, потому что я знаю, что отзывается мне, но боюсь признать, потому что вслед за осознанием может прийти, что угодно.

— Ты — Тьма.

Я провозглашаю это, собрав всю волю в кулаки и жду. Недолгое затишье прокрадывается в душу хладным трепетом. В любую

секунду один из самых больших страхов в жизни может предстать передо мной, явившись из крошечной мглы. Какое лицо у Тьмы? Есть ли оно у нее? Имеет ли она собственный голос, или способна лишь красть его?

Способен ли слышать Тьму кто-то другой, или только я?

— *Не ищи меня, потому я и есть все, что окружает тебя,* — ответ звучит совсем близко к моему уху.

Во мне зарождается крик, который едва не вырывается наружу. Я успеваю открыть рот и сделать порывистый вдох, но вопль застревает где-то посередине горла.

Я начинаю задыхаться.

— *Впусти меня. Позволь наделить мощью, о которой тебе и не снилось.*

Я чувствую, как недоступные взору руки сжимаются вокруг моей шеи, отрывая от земли. Я болтаю руками в воздухе в надежде, что сумею нащупать невидимую сущность, что душит меня. Но я сильно переоцениваю свои возможности, пытаюсь вести борьбу на равных с древним, изощренным проклятием рода Гарнер.

— *Я уничтожу Исрафила, если отдашь мне свою душу. Отрешишься от света. Стань моей, Анна... Навеки. И все будут спасены.*

В глазах темнеет, я чувствую, что вот-вот потеряю сознание. Внутренности горят, потому что кислорода почти не осталось в легких. Я не прекращаю попыток сражаться за свободу своего тела и души, однако с каждым драгоценным мгновением становится тяжелее.

Я не хочу проигрывать и терять себя.

Но Тьма — могущественный противник. Она может стать и всесокрушающим союзником. Если я соглашусь... если я пожертвую своей душой, получится ли предотвратить безмолвно надвигающийся конец?

Я собираю воедино крупички покидающих меня сил, чтобы сказать о своем решении.

— Я согласна.

Все прекращается. Внезапно и тихо, словно ничего и не было вовсе.

Я совершенно не чувствую того, как падаю на землю грудой костей и неподвижно лежу, глядя в бескрайнее небо. Оно прекрасно и усыпано алмазными звездами. Горло больше ничего не сдавливает, но мне так и не удастся втянуть в себя воздух, ощутить, как он свободно струится по дыхательным путям вместе с невероятной силой.

Мама... правильно ли я поступаю?

ГЛАВА 24

ДЖЕЙН

К счастью для жителей Дайморт-Бич мой отец очень щедрый человек. Это значит, что сегодня в вечер обыкновенного, грустного, будничного понедельника народ может расслабиться в центре города. Разумеется, предварительно надев теплую одежду.

Я представляю, как большинство почитателей мэра выходят в это время на слегка заснеженные улицы. Они берут маленьких детей на руки; их старшие дети идут рядом, оглядываясь по сторонам в предвкушении чего-то хорошего. Никто из жителей этого маленького городка не подозревает, что в местность, которую они называют домом, двадцатилетняя дочь главы Дайморт-Бич впустила настоящее зло.

Я никак не смогла перенести празднование. Мне пришлось смириться, как я себе и приказала. Помочь с подготовкой к торжеству, быть веселой и забыть о том, что неминуемо. Синтия вызвалась составить мне компанию. И очень хорошо, что вчера мы весь день провели вместе. Она сумела отвлечь меня до встречи с Анной Гарнер и после. Я не ожидала, что вновь увижу ту девушку, которая прямо на моих глазах висела в воздухе, пока Росс, Эйден и тот громила решали ее судьбу. И мою. Все это было. Я бы предпочла, чтобы именно это перестало быть правдой. Чтобы все плохое, что я помню, развеялось, как пыль по ветру.

Тем не менее, в тот момент, когда я передаю стаканчик горячего шоколада гостю праздника, помогая Оливии и одной из нанятых работниц, на моем лице продолжает сверкать широкая улыбка. Я не должна показывать, что чем-то озадачена. Мы стоим в закрытой палатке на улице со сладостями и напитками. Я обслуживаю еще несколько человек, а потом Оливия, закончив раскладывать печенье, занимает мое место.

— Джейн, — обращается она ко мне, как всегда, очень милым голосом, — ты можешь прогуляться. Мне понадобится помощь, как только твой папа начнет произносить речь, — красивая, молодая блондинка треплет меня по плечу. — Хочу быть рядом с ним в ту

минуту.

Я понимающе киваю и слабо улыбаюсь ей, отмечая, что прическа Оливии остается идеальной даже не в самых лучших погодных условиях. Выходя из палатки, могу чувствовать ее ладонь на своей спине: жена отца, похоже, понимает, что я пытаюсь постоянно находиться рядом с ней и не хочу оказаться среди толпы, но она не желает мириться с моим, так называемым, затворничеством. Женщина буквально подталкивает навстречу всем пришедшим на празднование, и мне приходится встретиться с ними лицом к лицу.

Я слышу довольные возгласы и вскрикивания, имя папы перекачивается в толпе, как снежный ком. Оборачиваюсь и ловлю взгляд отца, шагающего в мою сторону. Он подходит вплотную, обнимая меня за плечи. В этот момент местные журналисты находят для себя нужные кадры, щелкая камерами. Их не так много, как в больших городах, но они есть. И репортеры тоже. В разных местах центральной площади собрались эти гении газетных статей, профессионалы новостного, экранного мира.

— Его ищешь? — папа принимает мою растерянность за интерес к определенной личности.

Он разворачивается, а я за ним, и указывает на Росса, стоящего в стороне. Парень держит руки в карманах джинсовой дубленки. На голову накинута капюшон. Вдруг я замечаю, что и он смотрит на меня. Внимательно, долго, не отводя глаз, тогда как мне не терпится скорее уйти отсюда.

Черт. Папа не в курсе, что мы с Россом... расстались.

Да, Джейн, пора уже это признать, ладно? Просто свыкнись с мыслью, что он бросил тебя. И за дело. Ты не сказала ему правду, целовалась с его братом и...

В общем, не соображая до конца, что творю, я отступаю от отца и двигаюсь навстречу к Россу. Он не ожидал этого, поэтому сильно хмурится. Но если у него было в планах уйти, то ему стоило сделать это раньше, поскольку я уже близко. Слишком близко.

— Привет, — тихо здороваюсь я, становясь напротив парня.

Я поправляю красный, узорчатый шарф от Веры Вонг на своей шее, и теперь даже мысли не возникает опустить взгляд. Росс

сдержан.

— Привет, Джейн, — звучит его ровный, строгий голос, к которому я не привыкла.

Облизнув губы, заставляю себя начать говорить, но вместо этого просто открываю и закрываю рот, точно ни на что не способная рыбешка в аквариуме. Но моя вина в нашем расставании доминирует, и то, что он два дня назад умчался из моего дома, не делает его неправым. Его реакция была обоснованной, я бы тоже не осталась, услышав новость, что Росс целовался, к примеру, с моей сестрой. Если бы она у меня была, конечно.

— Слушай, — говорю я быстро, чтобы не предоставить Картеру возможность перебить мою будущую речь, — я должна объясниться, — принимаю жестикулировать руками, облаченными в шерстяные перчатки бежевого цвета. — И сказать правду.

Росс хмыкает, печально ухмыльнувшись, но ничего не говорит. Пока что.

— Ко мне вернулась душа некоторое время назад, — после того, как эти слова слетают с моих губ, я прикладываю ладонь ко лбу.

Реакция Росса сообщает все за него: он поражен и удивлен. Очень сильно. Его глаза расширяются от изумления, рот приоткрывается, брови встречаются у переносицы. Я сглатываю в очередной раз. Горло, черт возьми, пересохло. Я тру лоб перчаткой и переусердствую в этом, шапка с помпоном падает на снег у моих ног, но я не достаиваю ее особым вниманием. Вся моя сосредоточенность отдана парню напротив.

— Извини, — глухо продолжаю я, боясь того, что он может просто развернуться и уйти прочь. Ветер треплет мои волосы, а глаза начинают слезиться. — Я должна была рассказать, но не решалась... Мне было страшно.

— Так вот почему ты так смотрела на Эйдена... — наконец, прерывая меня, размышляет вслух Картер.

У меня хватает сил только на то, чтобы кивнуть и позволить одинокой слезе скатиться вниз.

— Извини, — повторяю я.

Росс возмущается.

— Извини?! — уточняет он жестко. — Извини, Джейн?! Ты с ним, нахрен, целовалась. Целовалась с Эйденом!

Его голос повышен, и краем глаза я отмечаю, как люди постепенно поворачиваются к нам, бросают любопытные взгляды. Вскинув глаза на Росс, сначала я собираюсь оправдать себя, но потом соображаю, что это все равно бесполезно.

— Это была случайность. Вместе с воспоминаниями вернулись чувства к нему, но я не хотела, чтобы это произошло, клянусь. Мы решили ничего не возобновлять. Росс, — я привлекаю его внимание. — Это был прощальный поцелуй, — вкрадчиво произношу, чтобы убедить Картера.

Он топчется на месте, поднимает голову вверх и посмеивается над моими словами. Его усмешка говорит о том, что он не воспринимает меня всерьез.

Остановившись, Росс вновь устремляет свой взгляд ко мне.

— Вы сами что-то решили без меня, скрепили сделанный вывод лобзанием, а сейчас ты говоришь мне это так просто и спокойно, как будто всего лишь не запланировано осталась ночевать у Синтии!

Росс готов сорваться на крик, поучая меня, ругая меня. Я вдыхаю через нос, ощущая, как ноздри раздуваются от его несправедливости. В смысле, я пытаюсь наладить то, что испортила. Знаю, что это вовсе непросто, однако Росс совершенно не хочет верить в искренность моих слов. Я всегда знала, что мой характер далек от совершенства... но никто не идеален. Я совершила ошибку. И что? Он никогда не сможет простить меня?

Следующее мое желание вставить в наш диалог объяснения венчаются провалом, даже без озвучивания. Поначалу толпа вновь взрывается одобрительными окриками: папа восходит на специально поставленный к этому дню деревянный подиум. Он держит Оливию за руку, которая машет людям и радостно улыбается. Ох, как бы я хотела иметь такое же безоблачное настроение, ничем и никем не испорченное...

Игнорируя счастливые восклицания вокруг, Росс приближается вплотную и наклоняется, чтобы видеть мое лицо, наблюдать за моим обеспокоенным настроением, отражающимся в глазах.

— Мне плевать, ясно? Мне уже плевать. Ты разочаровала

меня, — отчеканивает он с абсолютным равнодушием, вызывая у меня тихую, душевную истерику и бешеное биение сердца.

Не отворачиваясь, парень делает пару шагов назад, а затем все же сливается со сборищем жителей Даймор-Бич.

Я остаюсь на окраине народного скопища, и мне остается лишь наблюдать за его уходом.

Хотелось бы сказать, что я не заплачу, что я сдержусь.

Но это не так.

ЭЙДЕН

Пятнадцать минут назад я закончил работу: забрал последнюю душу на сегодня. Это была молодая женщина, которая поскользнулась прямо на тротуаре. Она стукнулась головой, и удар был такой силы, что лишил ее жизни. Ту часть в пейджере, в которой сообщаются детали о жизни умершей: детях, работе, муже и подобную информацию, я не захотел читать. Клянусь, у меня совсем нет желания погружаться в чужие проблемы.

Сейчас, сидя в кафе недалеко от центральной площади города, я могу думать только об Иветт. О ее смерти. О том, что сказал Росс. Иветт напала на него первая... Я не знаю, могу ли ему верить, но знаю своего брата. Он подонок, не отрицаю, но на убийство не способен. Слезы, злость и неспособность в какой-то мере размышлять здраво мучают меня.

Официантка подносит мне кофе с коньяком и, поблагодарив ее, я делаю большой глоток из белой фарфоровой чашки. Предаваясь своему унынию, я не сразу замечаю, что с грозным видом к кафе подходит мой старший брат. Надеюсь, он не увидит меня здесь, быстро купит, что ему нужно и свалит. Росс тянет дверь на себя и, вытянув руки из карманов, движется к стойке.

Кассир азиатской внешности мило здоровается с ним и спрашивает, чего желает новый клиент.

— Двойной виски, — пренебрежительно бросает Росс, а тон его голоса мне не очень нравится.

Я могу поклясться, что даже когда моему брату ненавистно все и вся, его голос звучит иначе. Не так враждебно, не так склочно. Я во все глаза наблюдаю за парнем и не могу его узнать. Выглядит так же, как обычно, но что-то с ним не так.

— Прошу прощения, сэр, — подсказывает за спиной кассира администратор заведения, — но мы не продаем спиртное. Единственное, что мы можем — это добавить немного коньяка в кофе по желанию гостя.

Росс издает гортанный рык. Не слишком громко, но мне удастся услышать. Он наклоняется ближе к работникам, положив локти на стойку.

— Слушай, у меня был плохой день, понял? Мне плевать, продаете вы виски, или нет. Я хочу его. Принеси, — приказы из его рта так и льются.

А я не перестаю удивляться тому, что вижу и слышу. Охраны здесь нет, выдворить козла, убившего мою подругу (специально, или нет — все равно), некому. Если он перейдет границы, я приду на помощь ни в чем не виновным людям. И вообще, им пора закрываться. Почти полночь.

Только я об этом подумал, как администратор, высокий мужчина лет тридцати, выходит чуть вперед и старается оставаться спокойным.

— Сэр, вам лучше покинуть заведение, вы себя не контролируете.

— Да, — добавляет кассир, почесав подбородок и мельком взглянув на начальника, — тем более, время завершать работу.

Росс вмиг становится неуправляемым, и это страшнее. Он срывается с места, тянется через ограждение в виде деревянного барьера и хватает администратора за воротник его накрахмаленной, белой рубашки.

— То есть, до моего прихода все было нормально, да, засранец?! А сейчас твой сотрудник заявляет мне, что ваш рабочий день закончен!

Кассир не находит себе места, не зная, что делать. Он понимает, что значительно уступает гостю в мышечной массе и размерах в целом, но кладет ладони на руку Росса, пытаясь его утихомирить.

— Сэр, сэр, пожалуйста, успокойтесь. Пожалуйста!

— Я не имел в виду ничего дурного, — с трудом выдавливает мужчина.

Однако Росс даже не думает того отпустить. Со своего места я могу видеть, какое пугающее выражение на его лице, нос сморщен от раздражения и отвращения к происходящему. Глаза горят огнем, парень собирается вступить на тропу войны только из-за отказа ему в алкоголе. В заведении, где спиртное в принципе не продают!

Собираясь вмешаться, я встаю со стула и случайно опрокидываю чашку. Содержимое из нее выливается на стол, а стук фарфора о поверхность привлекает внимание брата.

— Эйден? — шипит недовольно и остолбенело Росс.

Я быстро шагаю в его направлении. Пока он не успевает опомниться, с силой отнимаю его ладони от воротника несчастного администратора.

— Какого черта ты везде лезешь, недоумок? — с враждебной интонацией выплевывает парень.

И я не собираюсь с ним мелочиться. Уверен, мои глаза не выражают ничего, когда я завожу руку назад, сжимаю ладонь в кулаке и бью им в подбородок безумца, не являющегося моим родственником. Это не тот человек, что сожалел о смерти Иветт совсем недавно. Я не знаю, что происходит.

Росс, только что чуть не потерявший равновесие, выпрямляется и отвечает мне моим же жестом. Хорошо, но мы еще не квиты. Я набрасываюсь на него, и мы вместе падаем на пол. Следующий хук тоже адресован ему, и я вкладываю в это действие всю свою боль и горечь потери. Но мне не удастся долго оставаться в победителях — Росс занимает доминирующую позицию, нанося безостановочные удары, создавая, без сомнения, множественные гематомы на моем теле и синяки на лице. Я бы и хотел ответить мерзавцу, но он слишком силен. И сила его не в весе. Я думаю, что Росс обходит меня по другой причине — адреналин в крови у парня зашкаливает. Мне даже страшно, действительно страшно от того, сколько гнева копится в этом человеке. От нанесенных ударов я готов потерять сознание, но пока держусь и ловчусь сопротивляться.

Монстр. Я не могу назвать Росса иначе. Не сейчас. Это не он.

Клянусь, это не мой брат. И это чудовище останавливается лишь в тот момент, когда дверь в кафе открывается. Сотрудники заведения прекращают носиться туда-сюда в ожидании полиции, которую они, я слышал, вызвали. И отсюда своими практически полностью слипшимися глазами мне видно, что и служащие кафе, пытающиеся отнять Росса от меня, обратили внимание на внезапно вошедшего гостя. Не вовремя вошедшего. Я силюсь повернуть голову.

Боже... Не может быть. Она не должна видеть меня таким. Джейн оглядывает нас обезумевшими глазами и приоткрывает рот, концентрируясь на Россе, сидящем поверх моего тела.

У нас ничего не вышло, но это не значит, что я когда-либо перестану ее любить. И меньше всего в жизни мне бы хотелось, чтобы Джейн наблюдала за мной беспомощным и в ужасном виде. Черт. Это, наверное, выглядит омерзительно.

С губ Росса слетает ее имя, а потом тонкие, красивые пальцы с аккуратным маникюром охватывают его плечи. Я ощущаю, как ноги парня вздрагивают. Я с трудом приподнимаюсь на локтях и выползаю из-под ошарашенного брата. Только Джейн смогла привести его в чувство. Но слезы в карих глазах девушки создают намного больше страданий в моем сердце, чем все то, что творил со мной Росс в последние минуты.

Я люблю ее. Я очень сильно люблю ее.

— Ты просто спятил! — орет Джейн, толкая моего брата, он падает назад, ножки барного стула скользят по кафельному полу.

Оперившись на ладони, у Росса получается быстро подняться, тогда как я кашляю и устраиваюсь у стены возле парадной двери. Джейн подбегает ко мне, садится на колени и осторожно кладет руки на мое испачканное кровью лицо. Черт, оно просто страшно некрасиво в данный момент.

— Не смотри на меня, — прошу ее я, опуская голову и убирая ладони.

Джейн плачет и, послушавшись, поднимает мое лицо обратно, легко коснувшись пальцами подбородка. Вдалеке слышен вой полицейских сирен, но это нисколько не пугает Росса. Даже неудивительно. Когда кассир вновь пытается попросить его уйти, он толкает парня, и бедный сотрудник падает на стойку.

— Успокойся! — обернувшись, Джейн с плачем рывкает на Росса.

Брат кривит губы.

— Ты серьезно будешь жалеть его, а? — изрекает агрессивно он. — Ах, дааа, — протягивает, будто понимающе. — Черт! Как же я мог забыть! — играя свою роль, парень кладет пальцы на лоб и щелкает ими по виску. — Ты же решила вновь вернуться к нему... черт. Россу Картеру наставили рога!

Он вдруг нависает над ней, грубо хватая ее за скулы и заставляет посмотреть на себя.

— Скажи, Эйден целуется лучше меня? — захватнически шипит парень, а потом добавляет громче: — Чего ты молчишь, Джейн?! Мой братец трахается лучше меня? Мм?

У меня нет сил помочь девушке, но она сама избавляется от его руки и пытается оттолкнуть Росса подальше. Правда, далеко он не пятится.

— Может, ты еще что-то скрыла от меня? — с хладнокровным видом Росс скрещивает руки на груди. — Изменяла мне с Эйденом?

Новая порция слез дрожит в дорогих мне глазах. Кассир и администратор прячутся в подсобке, а полиция, судя по звукам, уже близко. Джейн сохраняет молчание, и тогда Росс опрокидывает стол, за которым я сидел, пока не пришел в кафе он сам. Опрокидывает стулья, а один даже заряжает в дальнюю стену. С нее на пол грохается картина в рамке.

— ОТВЕЧАЙ! — ревет Росс.

Девушка рядом со мной закрывает глаза, а щеки у нее вновь увлажняются.

Что с ним? Что с моим братом? Я снова отмечаю, что он не такой. Я хочу, чтобы все это закончилось. Только слышу, что дверь опять отворяется, но уже ничего не вижу, потому что мои веки сами собой закрываются. Последняя моя мысль об Иветт.

АННА

Я убила Миднайта.

Мои волосы, лицо, руки и одежда запачканы его кровью. Я чувствую ее солоноватый вкус на губах, то, как она запекается на коже. Бардовые пятна чернеют и засыхают, въедаясь в ткань клетчатой рубашки и джинсов.

В таком безобразном виде я покидаю дом, где оставила неподвижное тело фамильяра. Прохожие с ужасом и интересом смотрят в мою сторону, перешептываясь. Кто-то спрашивает, все ли у меня в порядке, и предлагает свою помощь. Я что-то отвечаю, но не слышу собственного голоса. Не ощущаю холода мерзлой земли под босыми ногами и падающего снега.

Тьма говорит за меня. Она управляет моим телом и мыслями, отнимает способность чувствовать что-либо, крадет эмоции и оставляет ни с чем. Я словно нахожусь внутри огромного вакуума с толстыми, непробиваемыми, звуконепроницаемыми стенами. В каком-то роде это дарует чувство безопасности, но я отрезана от внешнего мира, наглухо заперта где-то очень глубоко внутри себя. Тьма великодушно отвела мне местечко, и теперь я всего лишь беспомощный наблюдатель.

Я согласилась на сделку с проклятием рода Гарнер, потому что хочу предотвратить конец света и гибель всего живого. Уничтожить... стереть в пыль Исрафила прежде, чем он полностью обретет безграничную силу и обрушит ее на человечество. Если ценой будущего и мира в нем является моя жалкая душа, то так тому и быть.

Я никогда не думала, что способна на самопожертвование. Я считала себя эгоисткой до мозга костей и была довольна такой позицией. Но взглянув в лицо реальной угрозе, я поняла, что у меня есть только один выбор: умереть бессмысленно, или умереть, попытавшись спасти миллиарды жизней.

Это ничтожная плата. И я вовсе не против расплатиться, правда.

В конце концов, я не уверена, что прожила бы долгую и счастливую жизнь, только если бы родилась не Анной Гарнер.

Но я есть я.

И я впустила в себя Тьму. Я позволила ей причинить моими руками боль парню, к которому испытывала симпатию. Теперь я

знаю это, хотя слишком поздно задумываться об упущенных возможностях.

Я не могу дать четкое объяснение тому, что сотворила с Миднайтом. Я нанесла ему несколько ножевых ранений в грудь и живот. Тьма заговорила с ним, и он все понял. Миднайт не мог позволить мне уйти и поплатился за это жизнью. Я наблюдала за этим ужасом сквозь флеровый туман, навевающий устойчивое убеждение, что это — всего лишь ночной кошмар, который вот-вот рассеется, и солнечные лучи ворвутся в мою жизнь.

Но свет не озарит мою душу, потому что я отреклась от него.

Меня не терзают муки совести. Нет вины и скорби. Я не ощущаю ровным счетом ничего. И мне нет обратного пути, потому что если каким-то образом я верну контроль над собой, своими мыслями и способностью испытывать чувства, то сойду с ума... не смогу жить с тем, что навалится на меня, как только Тьма покинет чертоги сознания.

Я нахожусь в поезде, который несется к обрыву, а за ним простирается скалистый берег океана. И мне придется упасть, разбиться о скалы, потому что я сделала выбор и должна понести ответственность за него, принять последствия, какими бы они ни были.

Моя история близится к завершению.

Но прежде, чем забвение поглотит меня окончательно, нужно избавиться от Исрафила.

На удивление я точно знаю, как отправить его обратно в Тардес и оставить там навсегда без риска, что клетка кем-нибудь и когда-нибудь откроется вновь. Тьма направляет меня к главной площади Дайморт-Бич, — туда, где находится вход в Тардес, — контролируя каждый шаг. Ее затаенный, непрерывный шепот диктует, что необходимо делать дальше.

Я спокойна, и мне чужды сомнения. Впервые за всю свою жизнь я переполнена непоколебимой уверенностью в чем-то настолько сильно. Тьма вырезала из моей души всякий страх, поэтому мне кажется, что я несокрушима.

Площадь, где недавно проходило торжество, стремительно пустеет. Последние очевидцы представления, устроенного в честь

дня рождения мэра Дайморт-Бич, плывут мне навстречу, чтобы разойтись по домам, не забывая окинуть удивленным взглядом то, как дико я выгляжу.

До меня доносится незнакомый мужской голос, но я игнорирую обращение, продолжая безукоризненно следовать к своей единственной цели — бреши между миром живых и Тардесом. Я вижу просачивающуюся из скрытого от глаз пространства иссиня-черную тьму, витающую над подиумом, который играл роль сцены. Энергия, вырвавшаяся из загробной тюрьмы, закручивается в огромную воронку.

Меня обдувает ветром, когда я приближаюсь к ней.

Пора покончить с этим.

ГЛАВА 25

АННА

Я чувствую его присутствие.

Он отравляет воздух крепким ядом, не имеющим запаха и цвета, но всепроникающим и распространяющимся с молниеносной скоростью. Ненависть. Злоба. Отчаяние. Гнев. Люди вдыхают в себя ярость, не догадываясь, что уже обречены.

Исрафил здесь, у входа в свою клетку, словно пес на цепи. Все потому, что Вестник привязан к Тардесу, недостаточно силен, чтобы освободиться и начать сеять хаос сразу во всех уголках планеты. Это затишье перед бурей. Прелюдия к симфонии хаоса. Очень скоро Исрафил сумеет избавиться от оков, удерживающих его у тюрьмы, в которой он провел последние два столетия.

Ему известно, что я здесь. #287292861 / 12-июн-2017

Он знает, что я пришла по его сгнившую душу.

Внезапно поднимается сильный ветер, его воющие потоки врезаются в мое тело, но я не чувствую холода. Змеевидные, голые ветви деревьев тревожно качаются, сплетаясь друг с другом, ломаясь. Снег, тонким слоем покрывающий асфальт, поднимается ввысь бурными вихрями. Зарождается буря, окутывающая меня, заключающая в эпицентр свирепого урагана.

Ему страшно?

О, да.

Я ощущаю его kloкочущий страх на кончиках пальцев рук. Я впитываю этот трепет, что блаженной негой растекается по телу, смешивается с кровью и течет по венам порочным наслаждением. Тьма во мне ликует, упиваясь превосходством над Исрафилом. Но чернота, которая впитывается в меня через поры, разрушает изнутри, и, наконец, я чувствую боль. Нестерпимую, жуткую, звенящую.

Вестник сопротивляется, и через слой ваты в ушах я слышу его рев, от которого сотрясается и вибрирует под ногами земля.

Я познаю своей кожей прикосновения истинного зла. От убийственной мощи, пахнувшей едким смрадом, я холодею и каменею изнутри. Вокруг меня сгущается клубящаяся чернота. Она пытается пробиться сквозь невидимый барьер, сотканный Тьмой.

Я безвозвратно теряю призрачную связь со своим внутренним голосом. Мое тело разрывается, потому что помимо Тьмы в нем сгущается мрак, вырвавшийся из недр Тардеса, и в сознание вторгаются ужасающие видения, граничащие с бредом, в темно-алых тонах.

И я погружаюсь все глубже в бездну.

Бесследно растворяюсь в собственных, оглушительных криках, эхом проносащихся по лабиринту разума.

Я, Тьма и Вестник в одном слабом, истощенном теле. Моем теле. Я чувствую неистовую схватку двух последних. Я наблюдаю за их сумбурным, торжествующим танцем. Они ведут бескомпромиссный бой не на жизнь, а на смерть.

Победит Тьма — умру только я. Выиграет Исрафил — и всех ждет обогранный кровью конец.

Пора действовать, потому что каждое мгновение на счету.

Пока Тьма отвлечена на подавление Исрафила, ее контроль над мной ослабевает, поэтому я заставляю себя сосредоточиться, отогнать прочь необъятное чувство вины за сотворенное с Миднайтом и сделать первые шаги к разлому двух миров, чтобы перешагнуть через него. В момент, когда моя душа, Тьма и Исрафил окажутся под вихревой воронкой над подиумом, являющейся входом в Тардес, он затянет их в себя. Соединение такой невероятной энергии расщепит межпространственную брешь, и дверь, которая всегда должна быть заперта, попросту исчезнет.

Я не сдерживаю стоны, вырывающегося сквозь плотно стиснутые зубы. Мои руки сжаты в кулаки от мнимой храбрости. Я утратила всю решимость. Кровоточающие раны вновь вскрываются, потому что моя анестезия в лице Тьмы временно перестает действовать. Я должна решиться на самоубийство, полностью отдавая себе отчет в том, на что иду.

Так будет правильно, Анна.

Давай же.

Сделай еще один шаг вперед.

Будь смелее.

Я почти достигаю подиума, как вдруг ощущаю всплески сумасшедшей боли. Она не принадлежит мне. Я невольно цепляюсь за ее след, который тянется сквозь расстояние, и внезапно вижу неясную картину в тусклых тонах. Небольшое помещение, в котором находятся люди. Спустя несколько мгновений образ проясняется, и перед моими глазами появляется знакомое лицо.

Джейн Мортис.

Ее бледное, заплаканное лицо искажено в страдальческой гримасе. Она стонет и судорожно обнимает себя за плечи. Обессилившее, хрупкое тело девушки прошибает ледяной пот, а в ее голове будто взрываются сверхновые звезды нечеловеческой боли, ослепляя острыми, невыносимыми муками.

Душа Джейн связана с Исфафилом. Она страдает, потому что Тьма одерживает над ним вверх, истязая его и круша. Если Вестник отправится обратно в Тардес, девушка умрет. Я не буду единственной жертвой. Джейн Мортис так же придется платить за будущее без хаоса.

Я улавливаю еще одну нить, ведущую от Исфафила. Но она едва-едва заметна и осязаема. Эта связь приводит в то же место, где находится Джейн Мортис, к парню крепкого телосложения с темной копной волнистых волос, в которые запущены пальцы. Этот человек встревожен и огорчен. Я узнаю в чертах погруженного во мрак лица Росса Картера и невольно дотрагиваюсь до его сознания, наблюдая в мыслях полнейшую неразбериху.

Мы чем-то похожи. Я одержима Тьмой... А Росс — Исфафилом, но это косвенно. Я ощущаю четкое присутствие Вестника в душе ангела смерти. Он затуманил его рассудок и заставил сделать что-то, о чем парень безумно сожалеет.

Однако эта связь между ними обрывается, когда я бессознательно делаю новый шаг навстречу к пролому.

Но... как же Джейн? Исфафил и она связаны прочными узами, которые не разорвутся сами по себе. Возможно, у меня получится исправить это? Хотя бы стоит попытаться — прежде, чем я вновь не утрачу способность сопереживать, вернувшись под контроль Тьмы.

Она яростно сражается с Вестником, и я не верю, что нечто подобное происходит со мной. Зло борется со злом внутри меня, и я готова пожертвовать самым дорогим, что у меня осталось — своим будущим — ради других.

Мир сошел с ума. Точно.

Неужели жизнь продолжится без меня?

Моя душа будет навечно заточена с Тьмой и Исрафилом в Тардесе, и уже ничего не спасет меня.

Это навсегда...

В самом деле — навсегда.

Но у Джейн должен быть шанс. Я буду чертовски рада, если сумею помочь ей избежать возвращения в Тардес. Это не смоет кровь Миднайта с моих рук, не сотрет с души клеймо самого тяжкого греха, тем не менее, груз вины уже не будет таким непосильным.

Я выжидаю момент, когда Исрафил оказывается в наиболее уязвимом положении, когда Тьма прижимает его к стене, и прикладываю все свои гребаные усилия, чтобы освободить Джейн Мортис от бремени уз.

Я срываюсь на крик от жгучей боли, пронзающей меня, затрагивающей каждый нерв. Я слышу крик Джейн, и наши сдавленные вопли сливаются в унисон. Но ее связь с Исрафилом слабнет. Все получается. Я двигаюсь в правильном направлении. Нужно постараться. Еще чуть-чуть. Совсем немного.

Каждая мышца в моем теле приходит в состояние сильного напряжения, и я чувствую себя натянутой струной, которая вот-вот порвется. Я падаю на колени, обхватив себя руками, и скрючиваюсь, потому что Тьма уступает Вестнику, и его неукротимая, испепеляющая мощь ниспадает на меня.

Я кричу, кричу и кричу. Бесконечно и надсадно. Срывая голос до хрипоты. Я падаю, сворачиваясь калачиком и мечтая сжаться до размеров песчинки, чтобы вместе со мной уменьшилась невероятная боль.

Я обрываю связь. Нить, соединяющая человека и первородное зло, ломается, исчезая.

Душа Джейн больше неподвластна Исрафилу, который приходит

в иступленное бешенство и начинает свирепствовать внутри моего несчастного тела, оскверняя бесконечной чернотой мою израненную, тлеющую душу. Я слабо различаю боль, вспыхивающую с новой силой, с той, что была несколько секунд назад.

«Нельзя сдаваться», с мольбой взываю к себе.

Нужно подняться на ноги и продолжать идти вперед... черт. Да хоть ползти! Брешь, ведущая в Тардес, находится совсем близко.

Я действую с крайней осторожностью, не прекращая убеждать себя, что совершенно не боюсь идти навстречу смерти.

Мне не страшно. Не страшно. Не страшно.

Саркастические замечания Миднайта были бы сейчас как раз кстати — они всегда поднимали мой сопернический дух. Как бы ни было тяжело, я находила силы, чтобы доказать, что не слабая.

— Прости меня, — шепчу я, всхлипывая, и заново построенная на лжи уверенность в моем решении превращается в руины.

Я не хотела делать Миднайту больно. Мне так жаль. Так жаль.

— Боже, — я глушу рыдания, закрывая рот ладонью, и замираю на секунду.

Жмурю глаза.

Это действительно конец.

Мне же зачтется то, что я, вроде как, спасаю мир? В одиночку, черт возьми.

Я собираю себя по крупицам, чтобы сделать последний рывок.

До разлома нужно сделать всего лишь несколько шагов.

И я проделываю их.

Эй, Бог, если ты есть, запомни хорошенько то, что сейчас происходит. Запомни мое имя. Запомни мой без преувеличения геройский поступок. Потому что прямо в это мгновение, когда я прохожу сквозь брешь, — я как никогда великолепна.

ГЛАВА 26

ЭЙДЕН

— ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ НЕДЕЛИ СПУСТЯ —

Когда сегодняшним утром я наблюдал за любимой девушкой, покидающей маленький, непримечательный городок, хотелось только поблагодарить всех тех, кто был причастен к тому, чтобы она жила. Ничего главнее быть не может. Мне пришлось одолжить у своего знакомого машину на пару часов, чтобы припарковаться у дома мэра незамеченным и смотреть на то, как Джейн Мортис загружает свои вещи в Джип. Мое сердце уже не кровоточило, но я по-прежнему чувствую боль. Знаю, это пройдет.

Росс, насколько я понял из рассказов отца, не смог смириться с ее потерей. В конечном итоге мы оба не смогли ее удержать. Я — безумно-влюбленный в Джейн изначально. И мой брат — так ярко ее ненавидящий, но позже сумевший полюбить.

Сначала я очень переживал, но потом смог отпустить ситуацию. Я попробовал стать фаталистом. Что суждено — то и случится. Ну, и вся такая хрень. На самом деле, я не такой, но мне пришлось посмотреть на все происходящее и произошедшее под другим углом. Потому что если бы я этого не сделал, то сошел бы с ума от той несправедливости, которой окружен. Просто... не потеряй бы Джейн тогда память, она не влюбилась бы в Росса, и его не потянуло бы к ней с такой страстью. Брат не стал бы расценивать их связь, как отношения, которым есть место быть в этом мире.

А потом... потом я представляю, что Джейн нет. Что она умерла в ту ночь вместе с Лорой. Моя душа наполняется бескрайней темнотой, слезы подступают к глазам, а сердце сжимается. И тогда я понимаю, что готов распрощаться с девушкой, которую люблю больше жизни, только чтобы она дышала. Надеюсь, что Росс в этом плане тоже не эгоист. Мы должны думать о ней, заботиться о ней. Пусть и на расстоянии.

Я узнал, что Джейн возвращается в Чикаго. Я буду приезжать несколько раз в год и наблюдать за ней со стороны. Я буду видеть ее счастливое лицо, когда она закончит колледж, ее печальные слезы,

когда она разочаруется в очередном парне. Ее блаженную улыбку, когда она повстречает того, кто станет носить ее на руках (ведь Джейн этого достойна). Я хочу счастливо смеяться вместе с ней, когда она будет бегать со своими детьми по двору. И если однажды наши взгляды пересекутся, я не стану отводить глаз. Пусть помнит лучшее обо мне. Пусть знает, что эта любовь не пройдет.

В настоящее время, уже под вечер, утренние воспоминания, связанные с Джейн, еще свежи. Мне кажется, в моей памяти навечно запечаталось ее милое, красивое лицо и румянец на щеках. Ее вымученная улыбка при прощании с мэром и его женой.

Я бросаю в чемодан рубашку за рубашкой, несколько футболок, которые мне однозначно пригодятся. Но беру с собой далеко не все, не хочу перегружаться. К чему это? Лучше быть легковесным. Куда я еду? Я сам не знаю ответа на этот вопрос. Просто собираюсь выехать за черту города, а дальше руль в моих руках будет решать, куда сворачивать. Поддамся интуиции. Поселюсь в каком-нибудь небольшом городе. Не в таком провинциальном, как Даймор-Бич, но и не в мегаполисе.

К черту их! Это будет место средних размеров с различными развлекательными центрами и кинотеатрами.

Я обещаю себе стать счастливым. Думаю, у меня должно получиться. Я уже попросил отсрочку у начальства, пока не определюсь, где захочу жить. А в Дайморт-Бич напарником для Росса отправят другого ангела смерти. Надеюсь, он не такой занудный, как я, и чувство юмора имеется. Этого я лишен.

Мы с Россом продолжаем играть в игру, в которой еще не было победителя. Мы игнорируем друг друга. Без шуток. Я не готов его простить. Плевать, что он избил меня в том кафе. Но смерть Иветт, пусть и по вине Исрафила, стала для меня серьезным потрясением. Я просто не могу все забыть и заговорить первым. Это сильнее меня. Мне суждено уехать, а Росс останется. Или тоже переберется куда-нибудь.

Все изменится. Но каждый из нас был осведомлен, что время на месте не стоит, оно несет с собой перемены.

Я оборачиваюсь, прежде застегнув чемодан. Отец стоит на пороге моей комнаты, прислонившись плечом к проему открытой двери. Он не плачет, нет, но его глаза выражают грусть. Я молча

подхожу к нему, и мужчина тут же стискивает меня в объятиях.

— Прости, сынок, — изрекает папа, не разнимая рук.

Я спешу перебить его, но он не дает этого сделать.

— Я потерял слишком много времени. Я потратил его не на своих детей. Но я был вынужден.

И больше я не осуждаю его. Не строю планов за спиной, научился доверять. И снова полюбил. Я люблю своего отца; он это знает.

— И ты меня прости, — говорю и обнимаю его крепче, сдерживая эмоции.

Он легко отпускает меня. Просто в какой-то момент отходит в сторону, позволяя мне забрать чемодан и выкатить его к самому выходу. Закинув вещи в багажник и прежде чем сесть в машину, я поворачиваю голову к окну, подарив папе улыбку в последний раз. Он придерживает штору рукой, его другая ладонь касается стекла.

Я буду скучать, папа.

Облизав губы, лихорадочно завожу мотор, поклявшись, что больше не обернусь. Возможно, очень возможно, мы еще встретимся.

В этом мире, или другом.

Я не собирался сбрасывать скорость. Просто ехать. В считанные минуты уже оказался бы на трассе и попрощался с городом. Но здравый смысл победил: я остановился у небольшого магазинчика на улице оранжевых домов. Я был здесь однажды, забирал молоденькую девочку-подростка, решившую свети счеты с жизнью. Впрочем, это уже не важно.

Женщина-продавец за кассой очень обходительна со мной. Она предлагает мне купить различные сэндвичи в дорогу, и я сдаюсь. Хотя зашел только за водой и картофельными чипсами, но в итоге набираю целый пакет продуктов. А когда протягиваю женщине банковскую карту, слабо улыбаюсь своим мыслям. Я полный дурак. Как легко, оказывается, навязать то, что мне совсем не нужно. Однако все это я уже приобрел. И то, что делаю дальше — это выхожу из магазина, закрываю за собой дверь, кладу пакет на задние сиденья, а потом сам ныряю в салон. До моего ухода здесь пахло

хвоей и мятой благодаря ароматизатору. Но теперь из-за купленных продуктов воздух наполняется запахами вяленого мяса, ветчины и сладостей. Пленка, скрывающая товар от встречи с окружающей средой, крайне тонкая.

Поворачивая ключ в замке, я точно не ожидаю увидеть на другой стороне улицы своего старшего брата. Желваки взбухают на моих скулах. Злость, негатив, сраная гордость заставляют меня сорваться с места. Я сдаю назад, поворачиваю машину и уезжаю ко всем чертям. У меня есть план. Я убеждаю себя, что должен его придерживаться. Привожу массу аргументов в пользу того, чтобы не сорваться, чтобы ехать прямо, нажимая на тормоз только на светофоре. И вот, когда я обязан остановиться возле очередного пешеходного перехода, а костяшки моих пальцев побелели от того, насколько мощно я сжимаю руль, горло сводит от спазмов. Было бы намного лучше, если бы я не увидел Росса. Но жизнь же не умеет быть легкой, ага? Все, что нужно ей — это хорошенько нас трахнуть.

Проклятье. Почему я не могу себя обуздать?

Почему у меня не выходит?

— Ладно, — процеживаю сквозь зубы, разговаривая сам с собой, — я вернусь. Вернусь... Если Росса не окажется там, где я видел его, сразу же уеду.

Моментально. Так и будет.

За десять минут поворачиваю машину в другую сторону уже второй раз. Кстати говоря, на улице я не заметил припаркованного Джипа старшего брата. Бампер его авто темно-красный, а резиновое колесо, закрепленное на крыше багажника, ярко-красного цвета. Примечательная тачка. Или я был настолько рассеян и невнимателен?

Сохраняя спокойствие, выезжаю на ту же «апельсиновую» улицу. Я ищу глазами Росса, сбавляя скорость. Вскоре она уменьшается до предела, и машина просто плетется между двух широких тротуаров. Действительно не вижу его автомобиля нигде, однако вдруг замечаю своего брата, выходящего из того же магазина, что и я несколькими минутами ранее. Мне никак не объяснить того, что здесь делает Росс. Только, если работа обязала его. Но почему он без своего Джипа?

Набрав в легкие побольше воздуха, я опускаю стекло вниз и, как меня в детстве учил этот паршивец, прикладываю большой и

безымянный пальцы к нижней губе. Выходит нехилый свист, на который тут же отзывается Росс. Он не успевает перейти дорогу, оглядывается по сторонам.

Наконец, находит меня, выглядывающего из окна машины. Его взгляд концентрируется на мне, но он не спешит подойти ближе. Тем временем я не могу не отметить помятый вид парня и бутылку минеральной воды в правой руке.

К счастью, еще один шаг навстречу мне делать не придется, поскольку их делает он. Один, два, пять... Восемь. Восемь шагов приводят Росса к боковой двери моей машины. А когда он становится напротив, внимательно глядя на меня, я моргаю много раз, пытаюсь привести свои мысли в порядок.

— Привет, — хрипит он и мгновенно прочищает горло. — А я тут... — брат вскидывает указательный палец, нарисовав круг в воздухе, — работал.

Я оказался прав. Поджав пересохшие губы, веду плечом.

— Да, я догадался. Где твоя тачка?

Росс морщит носом, слегка улыбается. За его спиной — прямо за его спиной — садится солнце. Оно словно целует всю «цитрусовую» улицу и понемногу скрывается за горизонтом. Его уже тусклые лучи падают мне на лицо и создают ореол вокруг головы моего брата.

Святоша, блин.

— Меня подвез приятель. Я захотел прогуляться, а он увидел меня и предложил подбросить.

У меня невольно приподнимаются уголки губ, и теперь обе мои руки покоятся на оконной раме.

— Ты? Прогуляться? Мы сейчас точно о тебе говорим, да?!

Росс смеется и, опустив ресницы, несильно бьет кулаком мне в плечо. После этого естественного и незатейливого жеста нам обоим становится неловко. Между нами повисает молчание. Я поднимаю глаза к небу, которое окрасилось в темно-бардовый цвет. Тяжело вздыхаю, а Росс вдруг быстро выпаливает, все так же не глядя в глаза:

— Я не успел попросить у тебя прощения. А папа звонил около получаса назад, сказал, что ты уезжаешь. Навсегда, — горестно

добавляет он. — Я должен был сказать это раньше, но... — Росс сжимает зубы от досады, — проклятая гордыня!

Он продолжает нести несуразицу, которую пора бы уже связать в предложения, но чтобы сделать ему одолжение и облегчить задачу, кладу ладонь на его плечо, заставив брата замолчать. Хоть на минуту.

— Это был не ты. Ни в одном из случаев.

Эти слова не даются мне просто. Но я говорю их, сам ощущая неимоверное успокоение. Росс с трудом сглатывает. Он смотрит в сторону, на проходящих мимо людей.

— Спасибо, — звучит его надломленный голос.

Он вложил в эту благодарность слишком много, мне ли не знать.

Еще некоторое время мы не обмениваемся ни словом, наслаждаясь незначительной суетой вокруг, а потом Росс интересуется:

— Так куда ты уезжаешь?

— Я пока не знаю, — отвечаю откровенно.

— Бросаешь меня?

— Это будет честно.

Росс кивает.

— С ее стороны тоже, — брат поднимает на меня взгляд.

Думаю, ему понятно, что не один он страдает.

— Это ее выбор.

Парень вскидывает ладони вверх, сразу после спрятав одну свободную руку в кармане серых джинсов.

— Конечно, — его губ касается мягкая улыбка. — Джейн здесь не место. Надеюсь, ее ждет насыщенная жизнь.

Я улыбаюсь вслед за ним.

— Уверен в этом.

Росс втягивает воздух в себя и прислоняется боком к моей машине прямо возле водительского окна.

— Ну, что, путешественник, — начинает парень

оптимистично, — увидимся мы с тобой снова, или уже нет?

От его вопроса мое сердце больно кольнуло, но я никак не выдаю своего состояния. Яжимаю плечами и опускаю уголки губ вниз.

— Кто знает...

Росс тоже делает вид, что, в принципе, ему все равно. Безразлично, по большей мере. Но мы оба знаем, что это неправда.

— Извини еще за то, что отбил твою девушку, — продолжает брат список своих провинностей передо мной.

Это вызывает у меня искреннюю усмешку.

— Кто-то всерьез решил наладить отношения, — протягиваю я беззаботно.

Росс отвечает в тон.

— Нет, что ты, — смеется он невесело. — Просто почуял запах буженины, — парень приближается к окну, я отвожу голову. — Да, я был прав, ты неплохо собрался в дорогу.

Я откидываюсь на спинку сиденья и киваю брату на соседнее свободное кресло.

— Если хочешь, могу угостить.

Росс сощуривает голубые глаза.

— В чем подвох?

— Расслабься, — говорю ему, заводя мотор. — Я знаю, что ты не мастак в зарабатывании денег.

Брат обходит тачку и садится на пассажирское сиденье. Он быстро пристегивает ремень безопасности, а потом, когда я отъезжаю с занятого заранее места, тянется за пакетом вкусной еды.

— Доезжаем до границы города, и я тебя высаживаю, понял? — серьезно обращаюсь к нему.

Росс уже рвет упаковку с вяленным мясом. Животное!

— Салфетки возьми, — нарочито с отвращением подсказываю. — Ты услышал меня?

Он облизывает губы и предлагает вкусность мне. Я, естественно,

не отказываюсь.

— Я не глухой, — спокойно информирует брат и практически в одиночку съедает все, что было рассчитано на двоих.

Хотя сначала — на одного.

Зверь.

Я врубаю на полную мощность песню Nirvana. Росс хватается свою бутылку с водой и выпивает ее почти залпом. Так же упускает возможности подпевать одной из любимых песен. Он изредка бросает на меня любопытные взгляды, а я — на него. В какой-то момент голову посещает хорошая, светлая мысль: мой брат вернулся. Он не был виновен в содеянном не им, а психом из Тардеса, атаковавшим его мозг.

Он нуждался в моем прощении, чтобы снова улыбнуться.

Мы поем песни вместе, едим чипсы, глотаем куски нарезанной буженины, неприлично пачкая салон моей машины. Я включаю группу, по которой при жизни тащилась Иветт. Но, слушая **Sum 41**, ни один из нас не прослезился. Я спокойно объявляю Россу о том, что Иветт обожала эту композицию, и мы дослушиваем ее до самого конца, вырубая приемник к чертовой матери минут на десять. Молчание отзывается в нас грустью. Мы говорим об Анне и о том, что она сделала для нас... ради всех нас. Потом я снова включаю музыку, чтобы мой брат улыбнулся. Как прежде. Иветт бы хотела этого.

Через сорок две минуты автомобиль стоит под знаком: «*Вы покидаете Дайморт-Бич*», а мне кажется, что все это сон, что я не мог так просто до него доехать. Было такое ощущение, что этого никогда не произойдет. Росс без слов выходит из машины. Он, как и меньше часа назад, обходит капот, встает рядом со мной. Для его удобства я высовываю свою физиономию из окна.

— Будь счастлив, придурок, — он хлопает меня по плечу.

Я заставляю себя не плакать. В нашем дуэте эмоциональную роль взял на себя я, но не позволю себе расчувствоваться сейчас.

— Ты тоже, сволочь, — смеюсь я, в ответ толкая брата. Конечно, не вкладывая в это действие никакой физической грубости.

— Можешь не сомневаться, — уверенно и авторитетно заявляет

Росс.

Я непродолжительно киваю, собираюсь нажать на газ, чтобы прощание не переросло в драму. Не хочу, чтобы наше «пока» было наполнено банальностью. Лучше уехать сейчас. Оставив все на полуслове.

Разогнав сомнения, подобно тому, как расплываются тучи на небе, я устремляю взгляд строго вперед и срываюсь с места. Так и должно быть. Никто ни на кого не в обиде. Росс держался молодцом. Но в боковом зеркале, прежде чем умотать, я мог видеть, как его губы дрожали.

Я не сказал ему этого, но мне будет не хватать старшего брата.

МИДНАЙТ

— ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ —

— Почему я постоянно думаю о тебе?

Она наклоняет голову вбок и ласково улыбается. Ее изящные плечи приподнимаются, и губы продолжают оставаться безмолвными.

Мой вопрос вновь останется без ответа?

Конечно.

Она не заговорит со мной, как бы сильно я ни желал этого, как бы ни пытался заставить ее произнести хоть слово.

Я поднимаю руку и тянусь к ее красивому лицу с утонченными, мягкими чертами. Кончиками пальцев касаюсь ровной, алебастровой кожи. На ее щеках лежит фарфоровый румянец, и это самое милое, что я когда-либо видел в своей долгой жизни. Пухлые, алые губы приподняты в улыбке, сверкающие, бледно-зеленые глаза, обрамленные смолистыми ресницами, робко смотрят на меня.

Сквозь мое тело проходит волна мурашек, когда я накрываю ладонью ее скулу, большим пальцем касаясь нижней губы. Светловолосый ангел, снизошедший с небес в мои проклятые объятия, нежно трется о мою ладонь и просит о ласке.

— Я скучаю, Анна, — произношу сдавленным голосом.

Девушка замирает, опустив ресницы.

Я осторожно приближаюсь к ней и, прикрыв глаза, невесомо целую в губы. Они бархатистые и горячие, оттого невыносимее становится боль в груди. Я ощущаю прерывистое дыхание Анны и отстраняюсь, чтобы вновь взглянуть на нее. Она прекрасна. Так красива, что это сводит с ума.

— Ты неожиданно вспыхнула ярчайшей звездой в моей жизни, а затем бесследно и тихо исчезла, погрузив все во тьму.

Только здесь я могу быть честен с собой. Лишь здесь я способен донести то, о чем не сказал, когда была возможность. Мы не ценим настоящее, думая, что времени навалом, и лучшее ожидает нас впереди. Но время не ждет, стремительно сочится сквозь пальцы, оставляя нас наедине с сожалениями о том, что не сумели воплотить в реальность.

Это мрачное место, наполнившееся ослепительным, нежно-серебристым сиянием, находится в моем сознании.

— Однажды мы встретимся, Анна, и я услышу твой голос.

Я бы хотел оставаться рядом с ней как можно дольше.

— Я буду ждать этого.

Я вернусь сюда вновь, чтобы увидеться с ней. Тогда, когда тоска по девушке, ворвавшейся в мою жизнь неудержимым вихрем, обернется адской болью в сердце.

Моя проблема в том, что я не умею отпускать людей, когда это необходимо сделать. И какой бы жестокой ни была реальность, какие бы муки ни терзали разум и тело, ничто не сломит мою веру.

Так произошло с моей семьей. Я бы искал их целую вечность, потому что надежда на встречу с ними дарила теплоту и не давала мне чувствовать себя одиноким.

Так случилось с Анной Гарнер, совершившей самый глупый, бессмысленный, дурацкий поступок за всю историю человечества.

Я потерял и ее.

Этот огромный мир вдруг стал несоизмеримым, пустым и холодным.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как Анна впустила в себя Тьму, пыталась убить меня и пожертвовала собой, чтобы навсегда захлопнуть ящик пандоры.

Сто восемьдесят шесть безумно долгих дней, которые я провел в попытках смириться с тем, что необходимо обрести новую цель для дальнейшего существования. Но невероятно сложно найти что-то, ради чего захочется вставать по утрам.

Сегодня сто восемьдесят седьмой день.

Спустя полгода я возвращаюсь в Дайморт-Бич, который избегал с момента смерти Анны.

Я до сих пор отчетливо помню, как очнулся на холодном полу в гостиной ее дома, в луже собственной крови и с чувством, что из меня вырезали все внутренности. Конечно же, меня бы не убили обычные ножевые ранения, но вряд ли Анна знала об этом.

Злюсь ли я на то, что она пыталась прикончить меня?

Я знаю, что Анна не сделала бы ничего подобного по собственной воле. Безусловно, она мечтала побить меня, а я испытывал истинное наслаждение, дразня девушку.

Я злюсь, потому что эта глупышка ни о чем не рассказала мне. Я злюсь, потому что начал испытывать к ней трепетные чувства, и я хотел спасти ее. Для себя. Для нее. Для нас.

Я злюсь, потому что она лишила меня этой возможности — сделать ее еще одним смыслом моей жизни.

Я потерял все за одну ночь.

Анна Гарнер, с тебя полагается.

Она похоронена рядом со своей матерью, и я впервые навещаю ее.

— Какое отвратительное кладбище, — остановившись у надгробия с именем, отзывающимся во мне щемящей болью, говорю я. — Как ты посмела умереть и оказаться здесь?

В горле застревает огромный ком, когда мои глаза бегут по буквам, выгравированным на куске мрамора. Я присаживаюсь на корточки, безмолвно приветствуя Анну.

— Да будет тебе известно, я собирался приобрести небольшой островок в Карибском бассейне и провести на нем остаток своей вечности, нежась на ослепительно-желтом солнце и занимаясь дайвингом трижды в неделю... — я опускаю глаза. — Но совершенно случайно вспомнил о существовании этого мрачного городка, и о тебе. Не успел опомниться, как оказался здесь... О тебе я подумал в самую последнюю очередь, клянусь! И я совершенно, абсолютно, совсем не скучаю по тебе, ведьмочка. Я...

Сжав пальцами переносицу, пытаюсь перевести дух, не позволить себе превратиться в размазню и лить слезы на могиле девушки, в которую стремительно влюблялся.

— Это, правда, не ночной кошмар? — тихо спрашиваю я.

Веки обрушиваются на глаза, и все меркнет. Ясное, голубое, необъятное небо, полуденное солнце, греющее своими лучами мертвецов, зелень и надгробия. Но в темноте появляется до боли знакомый силуэт, и я сожалею, что не могу вырвать сердце из своей груди.

— Ты довольна тем, что видишь, Анна? Я сокрушен.

С моих губ слетает горькая усмешка.

— Ты победила. Слышишь? — распахиваю глаза, вонзаясь гневным взглядом в ее имя. — Твоя взяла, Анна! Ты разбила мне сердце. Я умолял тебя не делать этого, но ты разбила. Мое. Сердце.

Мне необходимо остановиться. Прямо сейчас.

— И я всегда буду ненавидеть тебя за то, что ты ушла.

Даже не замечаю того, как глаза застилает пелена, и я провожу по ним кулаком, размазывая влагу.

— Наконец-то, я сказал то, что хотел, и ты ни разу не перебила меня, — сообщаю с фальшивой бесстрастностью и отворачиваюсь от надгробия, чтобы скрыть слезу, которую не успел предотвратить.

Я чувствую стыд и смятение, как будто она здесь, наблюдает за мной, и вот-вот прозвучит ее ироничный комментарий в сопровождении громкого смеха.

Прежде, чем развернуться и уйти, я бросаю в сторону могилы последний, печальный взгляд.

— Прощай, ведьмочка.

Больше не оглядываясь, спешу покинуть кладбище и Дайморт-Бич. Хотелось бы оставить здесь всю ту горькую тоску, что лишает спокойного сна, но знаю, что это выше моих сил.

Пока что я не готов отпустить ее.

Не сейчас.

ДЖЕЙН

Я просыпаюсь от жуткой головной боли и адской сухости во рту. После пробуждения моими первыми мыслями являются: «Как же хреново» и «Хочу пить. Где вода?». Похмелье — страшная вещь, и им определенно не стоит злоупотреблять. Конечно, алкоголь расслабляет, он даже полезен... иногда. Необходимо выбираться куда-нибудь в компании лучшей подруги, тем более, когда вы не виделись несколько месяцев.

Синтия согласилась выкроить в своем супер-забитом графике занятости пару недель на поездку в Чикаго, чтобы повидаться со мной. Недавно она начала встречаться кое с кем, и вот то, что мне о нем известно: его зовут Джастин, двадцать четыре года, блондин с серыми глазами, работает барменом в пабе, у него есть татуировка в виде головы тигра на левой лопатке, пирсинг брови. И, само собой разумеется, он: «Самый сексуальный, горячий, милый и добрый парень, которого я когда-либо видела, Джейн!» — говорила Синтия в перевозбужденном состоянии, но заглядывалась на каждого второго парня во время нашей первой и ознакомительной прогулки по Лейквью.

Уже изрядно набравшись, мы по ошибке забрели в гей клуб, и Синтия чуть не влюбилась в одного из них. Перед тем, как провалиться в беспамятство, я помню, как она рыдала, а мне пришлось буквально отрывать ее от несчастного парня, бойфренд которого обещал повыдирать Синтии волосы, не забыв при этом отметить их плачевное состояние, если она еще хоть раз будет распускать руки, лапая за задницу чужих парней.

Разругавшись со всеми геями в клубе, мы покинули его и продолжили веселье... но я уже не помню, где и с кем.

Придя в себя, я с облегчением обвожу расплывчатым взглядом знакомый интерьер и радуюсь, что мы не оказались на другом конце города с незнакомыми людьми. Случайно запинаясь о Синтию, похрапывающую на полу у моей кровати. Что она там делает? Прошипев ругательства, я ползу на кухню, чтобы залить в себя всю жидкость, не имеющую градуса, которую найду.

Утолив, наконец, нестерпимую жажду, я плюхаюсь на стул, сложив локти на краю обеденного стола из стекла, и с вымученным вздохом поворачиваю голову к панорамному окну, за которым простирается невероятный, потрясающий вид на озеро и бесконечную линию берега вдоль Мичиган-авеню.

В Чикаго бурлит жизнь, но я до сих пор не могу привыкнуть к нескончаемому шуму. Дайморт-Бич был для меня воплощением унылости, городом непримечательных людей и вещей (не считая сверхъестественных нюансов). Случился ряд вещей, которые впоследствии заставили меня поменять свое мнение. Например, я нашла хорошего друга в лице Синтии, я... влюбилась. Дважды.

Воспоминания, связывающие меня с Дайморт-Бич, вызывают противоречивые, смешанные чувства. Мне и грустно и радостно одновременно. Бывают моменты, когда я думаю, что совершила неправильный поступок по отношению к своим чувствам и людям, которые пытались уберечь меня, не хотели терять.

Несмотря на то, что прошло довольно много времени с тех пор, как я видела братьев Картер, я продолжаю вспоминать и анализировать все, что происходило с нами.

Эйден и Росс Картер.

Все ли с ними в порядке?

Синтия не дает мне вдоволь покопаться в памяти. Блондинка, успевшая за мое отсутствие перебраться на большую кровать, переворачивается на ней несколько раз и чуть не падает, но вовремя просыпается. Разлепив ресницы, она долго на меня смотрит, будто пытаюсь узнать. Да, черт возьми, мы неплохо погуляли вчера! У меня у самой голова раскалывается. Синтия хватается за затылок, а потом вновь плюхается на взбитые подушки.

Девушка дрыгает ногами на белых простынях, сбрасывая с себя одеяло.

— Как хорошо, что ты живешь отдельно от матери... Она бы не стала разговаривать со мной, узнай, куда я тебя вчера повела.

Мама, как всегда, сторонится общения со мной. Даже неудивительно. Она сняла мне отдельную (очень просторную, кстати говоря) квартиру в десяти кварталах от нашего дома. Сделала это под предлогом того, что моя студенческая, молодежная жизнь должна бить ключом, а ее присутствие будет меня стеснять... несмотря на то, что у нас огромный дом. Я-то прекрасно знаю, что мешаю ей, и она таким образом решила от меня избавиться.

Понятия не имею, как выходит так, что спустя несколько часов после болезненного пробуждения я и Синтия оказываемся в западной части Чикаго. Пару дней назад у нас был четкий план посещений достопримечательностей и различных развлекательных заведений. Сегодня мы должны были отправиться на рынок Рэндольф — Синтия сказала, что мы обязаны побывать там. Удивительно, но она хотела попасть туда больше, чем в музей Макдоналдс, или пройтись по магазинам Великолепной мили* (знаменитая торговая улица Чикаго).

И вот, мы здесь. Изнуренные головной болью и несильной тошнотой. Солнце печет с сумасшедшей силой, и я мечтаю, чтобы где-нибудь поблизости оказался фонтан, чтобы можно было окунуться в него. Синтия выглядит потрясюще в летнем, легком платье с цветочным принтом, а я даже не потрудилась привести себя в порядок. Надела первые попавшиеся вещи, собрала волосы в пучок и напялила огромные очки, чтобы скрыть такие же огромные мешки под глазами.

Мы платим двадцать долларов за разовый вход на рынок. У Синтии тут же загораются, а затем разбегаются глаза, когда она видит такое обилие товаров: от мебели до домашних сладостей. С возгласом: «Здесь так круто!» подруга хватает меня за запястье и тянет в самую глубь торговой площади.

Блондинка останавливается буквально у каждой лавки, рассматривая всякую мелочь, которая ей точно не понадобится. Но когда Синтия замечает в правой стороне палатку с рванными джинсами, я поняла, что обречена. Любовь к этому виду брюк, наверное, у моей подруги в крови, и отсюда она не выйдет ближайший час точно. Ее убалтывает тучная продавщица, советуя примерить треть товара, представленного для покупателей. Синтия поспешно и увлеченно кивает головой, улыбаясь и показывая ровный

ряд своих белых зубов.

— Ты одолжишь мне немного денег, если что? — подмигнув, шепчет Синтия и собирается шагнуть внутрь палатки.

— Если что? — уточняю я, вытягивая шею.

Продавщица, поправляя короткие волосы, маскирует своей непрекращающейся маркетинговой болтовней мое возмущение. Синтия выглядывает из-под нее, уже схватив несколько пар джинсов.

— Если... — она пытается подобрать нужные слова, — я куплю что-нибудь...

Уверена, она втягивает шею в плечи, боясь моей реакции. Но я остаюсь спокойной. Если? Серьезно? Настоящий шопоголик, Синтия Агата Джой, еще сомневается, приобретет ли что-либо сегодня?!

Я мотаю головой, снисходительно посмеиваясь над ней, и не замечаю, как отдаляюсь от палатки. Мое внимание привлекает торговый прицеп в форме кареты с различной бижутерией и аксессуарами.

Я приближаюсь, чтобы рассмотреть симпатичные украшения самых причудливых форм и невольно вспоминаю, как впервые увидела Росса. Мы встретились на ярмарке в Дайморт-Бич и сразу же возненавидели друг на друга. Мое первое впечатление о нем было не самым лучшим, и это мягко говоря.

Грустно улыбаясь своим воспоминаниям, я примечаю простой кулон на веревочке, напоминающий тот, который связал наши судьбы. Я тянусь, чтобы взять вещицу в руки и рассмотреть поближе.

Я скучаю. Безумно. Иногда тоска настолько сильная, что облегчить сердечную боль способна лишь несколько-часовая слезотерапия. Я по-прежнему люблю его.

Росса Картера.

Что об Эйдене... Месяц назад я встретила его в Чикаго. Мы улыбнулись друг другу, столкнувшись у Старбакса, и даже прогулялись. Он не говорил о своем брате, а я старалась не спрашивать, так как понимала, что это сделает очень больно нам обоим. Я была рада знать, что у Эйдена все хорошо. Любовь к нему, казавшаяся мне неистовой бурей, незаметно стала легким дуновением ветерка. В конце концов, мы действительно отпустили друг друга.

Наша последняя встреча, как и с Россом, была ужасной. Старший Картер разгромил кафе, до полусмерти избил Эйдена... и убил его подругу. После я узнала причину безумного поведения Росса, но каждому из нас потребовалось время, чтобы принять и простить.

Сейчас я понимаю, что тяжелее всего справляться с последствиями случившегося было Россу. И меня бросает в дрожь от одной лишь мысли, как все сложилось, если бы нас не спасла Анна Гарнер. До сих пор не могу поверить, что она пожертвовала собой. Эта девушка всегда вызывала у меня противоречивые чувства, и сейчас я сожалею за те моменты, в которые думала о ней плохо.

Если бы не Анна Гарнер, то все мы...

— Мы берем этот кулон. Пожалуйста, возьмите деньги. Сдачи не нужно.

Я застываю с подвеской в руке и долго не могу решить: галлюцинация это, или... нет, другого варианта не дано. Я определенно свихнулась, потому что приятный, низкий баритон принадлежит Россу Картеру. Я бы узнала его голос из толпы на Таймс-Сквер в канун Нового года.

Я заставляю себя подавить желание широко раскрыть рот от удивления. Вместо этого свожу брови у переносицы, долго вглядываясь в знакомые, до сих пор любимые черты лица. Несмотря на прошлые печальные события, спустя шесть долгих месяцев я чувствую, как бабочки у меня в животе возобновляет порхание крыльями. Ноги становятся ватными. По большей части из-за неожиданности.

Взрослый мужчина за прилавком быстро передает Россу приобретение, продолжая широко и довольно улыбаться. Парень в темно-синей рубашке, черных зауженных брюках и солнцезащитных очках, поднятых на голову, перебирает пальцами кулон. Я смотрю то на его руку, в которой он держит вещицу, то на лицо, что выдает много различных эмоций.

Украшения пользуются спросом на этом рынке, поэтому число желающих увеличивается, и я, чтобы никому не мешать, отхожу назад, прохожу между лавками вперед. Знаю, Росс идет за мной. Невзирая на сотни шагов позади, могу узнать именно его. Через минуту парень ровняется со мной, а стоит мне замереть у столба

рядом с вагончиком мороженого, парень протягивает руки вперед за моей спиной. Кулон мягко ложится на мою грудную клетку, застежка с помощью его длинных красивых пальцев быстро скрепляется.

Ощущая легкую дрожь в теле, я оборачиваюсь к нему. И это нелегко мне дается. Мои глаза ищут в его лазурно-голубых подтверждение былых чувств. Хотя... Джейн, ты глупая! Он бы не нашел меня, он бы не вернулся через полгода, если бы не ощущал ко мне чего-то основательного. Чего-то, что заслуживает моего внимания.

Простила ли я Росса?

Да.

Отпустила ли я Эйдена?

Да.

Нам не нужно ничего говорить. Мне хватает того, что парень вскидывает ладонь, чтобы положить ее на мою щеку. Такой бережный и нежный жест. Наслаждаясь его прикосновением, я все же вновь поднимаю веки.

— Наверное, в глубине души я ждала этой встречи, — смело и без обмана заявляю я.

Он кивает с неискусной улыбкой.

— Знаю.

Потом его рука обхватывает меня за плечо, прижимая к своей груди. Мы вновь бредем туда, откуда ушли.

— Дождемся Синтию, ладно? — просто спрашиваю я, словно не были разлучены на много месяцев.

Совершенно непринужденный вопрос. Так же естественно Росс слегка пожимает плечами.

— Конечно, я не собирался настаивать на другом и могу подождать. Еще немного.

Его теплые, пухлые губы касаются моего затылка. Я силюсь не заплакать от счастья. Наконец-то в этом огромном городе у меня появился кто-то, с кем я буду чувствовать себя цельной. С кем я не буду одинока среди миллионов.

Мы практически доходим до той лавки, где Синтия совершает преступление против моего кошелька. Я набираю воздух в грудь и решаюсь разузнать у Росса, когда он собирается уезжать.

Но сделаю это аккуратно.

— А насколько ты?..

Но парень мне не дает возможности договорить. Будто услышав мои мысли, он с уверенностью и непоколебимостью произносит:

— Даже не думай избавиться от меня, мисс Чикаго!

Губы сами расходятся в улыбке.

Все так, как должно быть

— А как же другие прозвища? — интересуюсь, радостно и искренно засмеявшись.

Тем временем замечаю, что Росс прячет свои глаза под очками. Но ему не спрятать то, как он скалится. Черт возьми, я в восторге от повышающегося настроения мистера Картера.

— Соскучилась по «Минни Маус»? — ликует парень, обнимая меня крепче, мощнее.

Я бы и хотела ответить ему как-нибудь остроумно, но только щипаю его за бок, обвиваю руками талию Росса, утыкаюсь щекой в грудь и вдыхаю любимый аромат.

Я соскучилась по этому запаху.

— КОНЕЦ —

Больше книг на сайте — Knigoed.net